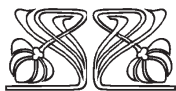
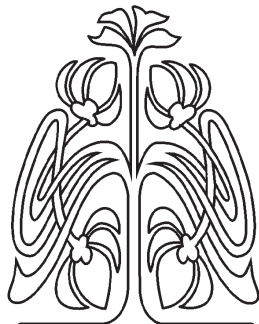
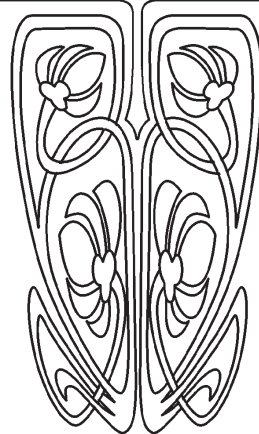

PERSONALIA

ПРИЛОЖЕНИЯ

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. Г. ВЯТКИНА: ПЕДАГОГИКА – ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

**To the 80th anniversary of L. G. Vyatkin:
the life dedicated to pedagogy**

Леонид Григорьевич Вяткин рано начал свою трудовую жизнь: отец ушел на войну и Леонид, которому было тогда восемь лет, остался в семье за старшего, помогал матери вести хозяйство. Привычка к труду, упорство вырабатывались у Леонида Григорьевича с детства; это помогало ему и в учебе: он с отличием окончил семилетку, затем – сельскохозяйственный техникум, после которого работал агрономом. Однако все больше увлекала его профессия учителя – и вот он уже преподает биологию, русский язык и литературу. Заочно окончив филологический факультет Новокузнецкого пединститута, в 25 лет Леонид Григорьевич стал директором школы-интерната.

В Кемеровской областной газете публиковались его статьи, рассказы, стихи, Л. Г. Вяткин стал одним из организаторов Мысковской городской газеты «Путь к победе», ее ответственным секретарем, но продолжал учительствовать, занимался исследовательской работой, что привело его в аспирантуру Куйбышевского пединститута, куда он поступил в 1962 г. После защиты кандидатской диссертации в 1965 г. молодой ученый приезжает в Саратов, работает в пединституте и трудится в школе, продолжая научные исследования.

С 1968 г. Л. Г. Вяткин работал на кафедре педагогики СГУ, его исследования представляют собой самостоятельную разработку теоретической концепции развития познавательной самостоятельности учащихся и студентов – на основе актуализации самостоятельных учебных действий в ходе изучения ключевых понятий учебных дисциплин. Концепция, разработанная Л. Г. Вяткиным, представляет собой новый этап в формировании научных представлений о том, как целенаправленно развивать самостоятельное мышление учащихся и студентов в ходе учебных занятий.

Леонид Григорьевич защитил в 1988 г. докторскую диссертацию на тему «Теоретические основы развития познавательной самостоятельности учащихся на уроках русского языка». Он принимал участие в организации сборников научных трудов: под его редакцией вышло 25 научно-методических сборников. Л. Г. Вяткин являлся председателем секции проблем высшей школы Поволжского регионального научно-методического совета Министерства науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации, руководителем секции педагогики высшей школы Саратовского областного отделения Педагогического общества Российской Федерации, членом экспертной группы ассоциации университетов.

Л. Г. Вяткин принимал участие в разработке перспективных направлений государственных программ «Университеты России», «Народы России»: концептуальных основ становления университетов России как учебно-методических центров функционирования многоуровневой системы образования; развития творчески активной

личности студента в условиях вуза; формирования профессионально-педагогической направленности студентов в условиях университетского образования. Под его научным руководством была разработана концепция развития образования Саратовской области.

В 2013 г. Леониду Григорьевичу Вяткину, бывшему заведующим кафедрой педагогики, доктору педагогических наук, профессору, члену-корреспонденту Российской академии образования исполнилось бы 80 лет со дня рождения. Вся жизнь Леонида Григорьевича была отдана образованию: более 50 лет он плодотворно трудился в средней и высшей школе, ровно 37 лет – в Саратовском университете.

Леонид Григорьевич был награжден медалью имени К. Д. Ушинского – этой наградой отмечаются лучшие учителя, ученые и общественные деятели за выдающиеся педагогические труды и заслуги в области воспитания и образования. Его работа в высшей школе также была отмечена: Леониду Григорьевичу присвоены почетные звания – заслуженный профессор СГУ и заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

Леонид Григорьевич очень много работал, отдавая педагогическому делу всю душу и все свое время. Он представил идеи и результаты исследования в 5 монографиях и других 400 публикациях, среди которых книга «Дидактика». Она заняла в 1981 г. первое место на республиканской выставке и отмечена почетной грамотой. Доклад «Развитие познавательной активности и самостоятельности студентов младших курсов» также был отмечен грамотой в 1983 г. на тематической выставке ВДНХ «Университеты – ведущие учебно-методические центры нашей страны». С результатами своих исследований Л. Г. Вяткин выступал на различных семинарах, конференциях и совещаниях.

В молодые годы, при определении своего жизненного пути, перед Леонидом Григорьевичем, как перед любым одаренным и талантливым человеком, стояла проблема – кем быть: сельскохозяйственным специалистом, писателем или педагогом. Судя по послужному списку, он

использовал все три возможности – был и агрономом-овощеводом, и литературным сотрудником, и учителем русского языка и литературы. Победила педагогика, но она же дала ему возможность заниматься писательским трудом. Книги Л. Г. Вяткина по специальности – «Общие основы педагогики», «Основы педагогики», «Основы педагогики высшей школы», «Содержание и организация педагогической практики», «Теория коллектива: мифы и реальность», «Современное высшее образование: проблемы и перспективы развития творческого потенциала обучаемых (акмеологические аспекты)» и др. – стали библиографической редкостью, а такие популярные художественно-публицистические произведения, как «О смысле жизни», «Педагогика наших отцов» до сих пор особенно ценятся учителями школ и преподавателями вузов.

В 1993 г. по инициативе Леонида Григорьевича был создан диссертационный совет по педагогическим наукам, председателем которого он стал согласно решению ВАК РФ.

У Леонида Григорьевича был удивительный дар привлекать к общей работе совершенно разных, не похожих друг на друга людей. Под его «педагогическим крылом» одинаково продуктивно работали представители и точных наук, и гуманитарных. За время его работы в диссертационном совете были подготовлены и защищены 300 кандидатских диссертаций, причем 80 были выполнены под его научным руководством, среди его учеников 10 докторов педагогических наук.

Коллеги по педагогической работе, друзья, многочисленные ученики с особой благодарностью помнят заветы этого скромного человека и выдающегося ученого.

Е. И. Балакирева,
зав. кафедрой педагогики
факультета психологии

Саратовского государственного университета,

О. Б. Катичникова,
профессор кафедры педагогики
факультета психологии

Саратовского государственного университета

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РИСКА (МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА)

Panel Discussion: Philosophical Conception of the Risk

4 сентября 2012 г. на философском факультете в рамках Международной научно-практической конференции «Математическое моделирование в управлении рисками» состоялся круглый стол «Философская концепция риска». В его работе приняли участие представители ведущих саратовских вузов: преподаватели и аспиранты философского факультета СГУ имени Н. Г. Чернышевского, СГТУ имени Ю. А. Гагарина и Поволжского института управления имени П. А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственного управления.

Доклады участников круглого стола были посвящены различным аспектам философского понимания рисков. Были затронуты проблемы соотношения понятий рискового времени и времени риска, вопросы антропологии риска, предложен анализ информационных, экономических, политических и террористических рисков, однако все выступления были объединены поиском ответа на вопрос, в чем состоит специфика философского осмысления риска.

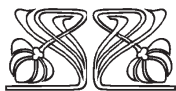
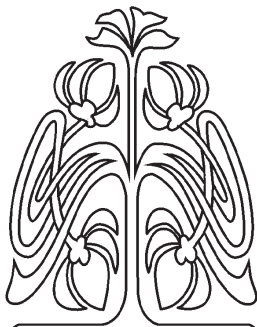
Стремление выявить специфику предмета философии риска было заявлено уже в первом докладе. В своем выступлении «Проблемные поля философской концепции рисков» профессор, доктор философских наук В. Б. Устьянцев обратил внимание на значимость философского осмысления социальных рисков. С его точки зрения, в современном обществе риски охватывают практически все сферы жизни индивидов, становятся символами постиндустриального развития. Философия стремится дать свой ответ на вызовы новой эпохи, и в этой связи философская концепция рисков охватывает несколько проблемных полей.

1. Раскрываясь как форма социального мышления, концепция направлена на выявление одной из ведущих тенденций глобализации, порождающей угрозы и опасности для будущего человечества, воплощенной в теоретической модели «глобальное общество риска».

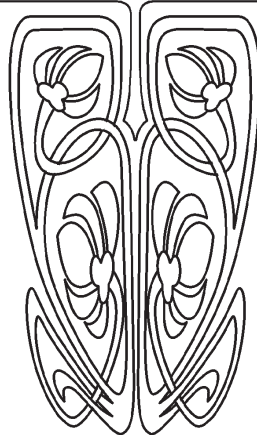
2. Концепция рисков как методологический конструкт раскрывается в диалоге с дисциплинарными (экологическими, социологическими, геополитическими) методологиями рисков, концентрируя внимание ученых на пространственно-временном континууме рисков, на поиске предельно общих механизмов их институализации и минимизации.

3. Превращаясь в элемент управленческой культуры сетевого общества, философская концепция рисков становится необходимым фактором управления сложными многоуровневыми рискогенными системами, где рациональные установки сочетаются с ценностными ориентирами принятия управленческих решений.

4. Становление и развитие философской концепции рисков охватывает несколько состояний, реализуемых в семействе концептов: первоначально появляется *концепт-ценность* как особая мыслительная процедура постижения рискогенных процессов

ПРИЛОЖЕНИЯ

с позиций оценивания, принятого в культуре мышления постиндустриальной эпохи; *концепт-проблема* раскрывает начало философского осмысления рисков с позиций категориального аппарата социальной философии, где интуитивное схватывание смысла рискогенных процессов перерастает в устойчивые понятийные формы, осуществляется исходная философская концептуализация рисков; *концепт-императив* выражает завершение познавательного процесса, появляются четко рефлекслируемые идеи онтологических оснований рискогенных систем, процессов; концепция рисков обретает научный статус, входит в пространство духовной культуры своего времени.

Дальнейшее раскрытие поставленная проблема получила в докладе *профессора, доктора философских наук В. П. Барышкова*, рассмотревшего феномен риска с позиций времени человеческого бытия. Способность к принятию рискованных решений или действию в рискованных условиях, так же как и степень (интенсивность) рисковости заданы, как утверждалось в докладе, некоторыми исходными антропологическими характеристиками человека. Если наличие предпосылок к рискованной деятельности у более или менее значительной части населения совпадает по ритму с некоторым набором социальных условий рискованной эпохи (общества риска), то осуществляется их взаимная синхронизация и формируется системная целостность, в которой ситуация риска является атрибутом повседневности и затрагивает каждого человека. Люди, готовые идти на риск, существовали всегда, но их жизненные ритмы не совпадали с ритмами эпохи, и тогда они оказывались маргиналами. В рисковую эпоху, напротив, такие люди становятся в полном смысле слова – людьми своего времени.

Продолжая онтологическую проблематику, *аспирантка кафедры теоретической и социальной философии Д. М. Соколова* отметила, что сегодня все мы, люди, живущие в рисковую эпоху, являемся очевидцами трансформации социального как такового. Современное общество – это общество переходного типа, в котором зарождаются новые институциональные структуры и социальные феномены, нуждающиеся в изучении. Трансформации, затрагивающие сами основы общественного бытия, настолько глубоки, что в данной связи оправданным представляется введение в научный обиход терминов «меняющаяся» и «новая» социальность. Ситуация становления всегда связана с возникновением различных социальных рисков. Сегодня наряду с экологическими, политическими, экономическими, финансовыми и др. видами рисков все большую угрозу представляют риски коммуникативные, информационные, риски виртуальной среды. При этом традиционные методы управления рисками,

разработанные в рамках социологии риска и практического менеджмента, обнаруживают малую эффективность в силу того, что по большей части их стратегии связаны с перенесением риска и ответственности (или их части) на внешние по отношению к отдельно взятой организации структуры: таковы методы диверсификации риска, трансфера риска и страхования. Однако в рамках глобального социума таковых внешних структур не существует. И в данном контексте перенесение риска с одной части социума на другую невозможно.

Специфика рискованной ситуации, в которой существует современный человек, заключается в том, что он оказывается, если использовать терминологию экзистенциальной философии, заброшенным в мир, в котором не жили предшествующие ему поколения. Он зачастую не знает о риске, угрожающем ему, но всегда испытывает его влияние, и в этом смысле человек не сталкивается с риском, а сживается с ним.

Вопрос о специфике рискованной ситуации современности в процессе обсуждения получил рассмотрение в двух взаимодополняющих ракурсах: с позиции цивилизационного и культурологического подходов. В рамках первого *доцент, кандидат философских наук Д. И. Заров* предложил трактовать понятие цивилизационных рисков как объединяющее в себе целую группу особых социальных рисков, возникших в результате общественного развития. Во-первых, по мнению Д. И. Зарова, к ним относятся риски потери цивилизационной идентичности. Обычно такую ситуацию привычно обозначают как присоединение к той или иной «более развитой» и «прогрессивной» цивилизации. Однако специфика взаимодействия обществ в эпоху глобализации заключается в отсутствии необходимой прямой аннексии территории. Менее обременительными являются экономическая и духовная экспансии с последующей реконструкцией общества в качестве цивилизационной окраины, своего рода «края эйкумены», где уже «не работают» «цивилизационные» законы и предназначение которой – поставка материала для метрополии – центра.

Во-вторых, это – риски разрушения цивилизационного субъекта. Изменение в морали, традициях, навязывание новых моделей и характеристик субъекту развития приводит к возникновению деструктивного субъекта. Существует два вида деструктивного субъекта: первый не способен ничего созидать и склонен к разрушительной деятельности. Второй обладает умением создания некротосферы, мертвой «второй природы», противостоящей ноосфере.

В-третьих, следует отметить риск возникновения тотальной системы глобализма, нивелирующей цивилизационные различия. Такая система

навязывает единую религию, единую глобальную светскую власть и единые унифицированные ценности.

В-четвертых, существует противоположный риск – прямого столкновения цивилизаций. Цивилизационные войны – реальность современного общества, которая ранее прикрывалась концепцией столкновения между социализмом и капитализмом, а ныне – борьбой с тоталитарными режимами.

Более глубоко проблема столкновения цивилизаций была раскрыта в докладе *доцента, кандидата философских наук Е. Д. Заровой*, предложившей рассмотреть ситуацию встречи с «Другим» как риск цивилизационного развития. Абсолютно любая цивилизация, отмечалось в выступлении, переживает как состояние относительной стабильности, медленного постепенного накопления изменений, так и революционное, скачкообразное развитие. В последнем случае наблюдается ситуация резкого увеличения возможностей, в том числе в отношении моделей дальнейшего цивилизационного развития. Эти возможности связаны с поиском цивилизацией своего «Я» и необходимостью в его обновлении или корректировке в соответствии с требованиями новой эпохи. С одной стороны, увеличивается риск потерять собственную цивилизационную идентичность и стать «Другим самого себя» либо вообще прекратить существование; с другой стороны, появляются возможности интеграции некоторых аспектов «Другого» с учетом устоявшейся цивилизационной специфики.

В эпоху больших скоростей и быстро развивающейся индустрии высоких технологий меняется и облик цивилизаций, а также самого человека как носителя определенного социокультурного кода; возникают новые проблемы, связанные с: невозможностью приспособиться к быстро изменяющимся условиям существования; отсутствием духовно-ценностной и фактической привязки к определенному государству у больших групп населения; релятивизмом ценностей, моделей поведения и моральных принципов; необходимостью справляться с ежедневно обновляющимися и увеличивающимися потоками информации; увеличением различных видов и способов коммуникации. Все большую популярность приобретает новая, дающая практически неограниченные возможности, виртуальная реальность. Действительность такова, что виртуальный мир в жизни многих людей становится реальнее самой реальности. В свете данных тенденций становится злободневной тема угрозы замещения «Я»-реальности на виртуальную «Другую» реальность, в которой будут существовать свои собственные цивилизации «Востока» и «Запада», «Севера» и «Юга» как собирательные образы, далекие от действительности. Подобная

встреча с «Другим» представляется весьма вероятной при дальнейшем развитии техногенной цивилизации.

В качестве альтернативы такому цивилизационному взаимодействию может быть предложен полноценный, «живой» диалог цивилизаций, считает *ассистент Э. Р. Фахрудинова*, предложившая рассмотреть взаимодействие «Востока» и «Запада» на примере того, какое место занимают традиции Китая в глобальном обществе риска. Философия конфуцианства, отмечалось в докладе, представляет интерес в данном контексте по следующим причинам: во-первых, благодаря актуальности и значительности конфуцианства как синтезирующего и нравственного начала всей китайской культуры; во-вторых, существует этическая доминанта конфуцианства: нравственность и моральные нормы являются единственным источником гармоничного функционирования государства – правления, основанного на гуманности («жэньчжэн»). В-третьих, конфуцианство способно к адекватному восприятию критики и самореформированию. В этой связи следует упомянуть о реформировании конфуцианства в XIX–XX вв. влиятельными китайскими учеными (Кан Ювэй и Лян Цичао), которые переосмыслили морально-нравственные основы конфуцианства с учетом западных концепций и в то же время сохранили преемственность китайским традициям.

Духовные традиции Китая, прежде всего, конфуцианства в условиях глобализации современного мира остаются, несмотря на все идеологические веяния, основанием мировоззрения китайского и других обществ Восточной Азии. Не только в Китае, но и в других странах Восточной Азии этико-философская доктрина конфуцианства является преобладающей в общественном мнении, и без ее учета весьма трудно другими способами воздействовать на сознание. В условиях глобального общества риска особенно очевидны актуальность и эффективность традиционных конфуцианских ценностей для современного человека.

В противоположность представленному цивилизационному подходу к рассмотрению рисков в выступлениях был озвучен и другой подход – культурологический. В своем докладе *профессор, доктор философских наук Е. В. Листвина* коснулась специфических черт, которые характеризуют рискогенное пространство культуры. К ним, по ее мнению, можно отнести собственно культуру как выход из естественного, синкретического состояния, отличающегося соединением социального и природного начал. Также к ним относятся, по мнению автора, риски: тотальности культуры, вне которой не может состояться личность; моделирования культуры; коммуникации; ассоциирования; интерпретации;

контекстуальности, представленной внешним и внутренним контекстами. Культура является и пространством переживания риска, создавая условия для его понимания и восприятия каждой конкретной культурой. В итоге, Е. В. Листвина пришла к выводу, что риск существовал в культуре как некая изначальная данность и условие развития, атрибут культуры.

Идея рассмотрения риска как части современной культуры была представлена и в других докладах. В частности, *доцент, кандидат философских наук С. М. Фролова* предложила рассматривать риск в качестве фактора повседневности. В своем выступлении она отметила, что риск как устойчивый, а в некоторых случаях – необходимый элемент существования человека давно вписался в структуру повседневной жизни человека и общества. Без риска действия субъекта не могут стать привычными, рутинными и обрести статус безопасных, поскольку уверенность в правильности поступка, любого варианта решений обретается индивидом в процессе повседневной жизнедеятельности посредством «первичной апробации». Только пройдя путь проб и ошибок, экспериментов и разочарований, человеку удается отрегулировать повседневность действий и оправдать этот выбор перед другими членами общества.

Риски в повседневной жизни современного общества стали стереотипизированными и «привычными» настолько, что индивид не замечает их. Даже когда есть возможность уйти от риска, субъект сознательно делает выбор в его пользу, объясняя это тем, что рискнув, можно приобрести хоть малый, но шанс для возвышения (в карьере, зарплате), бездействие может привести к риску быть выбитым из общей массы (рискует все) и утратить возможность обеспечения своего будущего. Таким образом, риск в повседневной жизни будет постоянным ее спутником, поскольку в основе своей обусловлен спецификой внутренней сущности человека.

Будучи постоянным спутником повседневной жизни, риск становится предпосылкой и фактором социального действия. Как отметила *профессор, доктор философских наук О. Ф. Филимонова*, на сегодняшний день практически любое движение в социальном организме включает в себе риск. Если задаться вопросом, какой социальный опыт связан с актом риска, какие ресурсы человека и общества в этом случае оказываются востребованными и задействованными, то можно натолкнуться на многие ответы, однако в целом обозначатся два направления – *романтического* и *драматического* планов.

В первом варианте речь идет о привлекательности, удовольствии риска. Вольное, свободное самоотречение, неустранимость перед лицом смерти, жертва во имя метафизической идеи на-

деляют акт риска положительной нравственной, эстетической и социальной ценностью. Те, для кого интенсивная физическая и духовная жизнь дороже осторожности, потребность рисковать собой не только выступает предпосылкой, своеобразным «толчком» воображения, чувства, активности и действию, но и служит исполнению социальных задач по реализации опасных предприятий и бескорыстных видов деятельности. Результатом свободно признанного соглашения с риском, предполагающего веру в безусловную личную идею, абсолютного жертва в своей возвышенной красоте поднимается на уровень преобразовательной, героической, революционной значимости.

Во втором варианте проблема риска перемещается в область интернационализации и модернизации опасности. Современному обществу трудно вырваться из области риска: его «грозная тень» создается социальным воображением, творится интеллектуально, его отрицательные эффекты порождаются, распространяются и одновременно сдерживаются технологическим развитием. Акт риска не является более ни только внутренним, вольным, свободным самоотречением, но становится порождением социальной саморежиссуры. Риск вынужден, разрешен и желателен. Социальные институты используют и вознаграждают за риск, поскольку видят в нем средство, направленное против современного потребительства, лишённого импульса преобразования. При адекватном нашей эпохе понимании риска обозначается определенная аналогия с театральной драмой, а романтический подход остается принципиально вынесенным за скобки.

Еще одной отличительной чертой культуры общества риска является отсутствие идеологии развития. По мнению *доцента, кандидата философских наук И. А. Абросимовой*, в современной ломке парадигмы социальной реальности в сознании субъекта общественных процессов разрушается представление о движении мира к какой-то заранее предназначенной цели, сознательно выбранной в качестве цели развития общества. В постнеклассической социальной реальности плюрализм целей и ценностей с принципиальной безотносительностью к истине, отрицание высших ценностей, дискредитация устоявших позиций и пропаганда нетрадиционных предпочтений превращают индивидуальные и социальные субъекты в тотальную массу, идущую в никуда. Отсутствие необходимого идеологического осмысления постнеклассической реальности и постмодерна дезориентирует деятельность субъекта развития. Стало невозможно объяснить направленность движения обществ и глобального развития в особенности. Нет понимания, для чего необходима мобилизация деятельных сил и

способностей человека, ради чего можно отдать жизнь, чему можно посвятить служение. Созидательная деятельность значительному числу людей представляется как бессмысленная, важная только для отдельного человека, но не для общества в целом. Формируется представление о развитии общества как бесцельном движении в целом, хотя с целеполаганием в частностях. Определение идеологии развития общества позволит снять существенные деструкции проявления риска в грядущих перспективах.

В дальнейшем участники дискуссии перешли от метатеоретических аспектов изучения риска к рассмотрению конкретных социальных рисков. Профессор, кандидат философских наук Е. Ю. Стриганкова посвятила свой доклад актуальнейшему вопросу о соотношении риска и коммуникации. В социально-философском анализе современного социума акцентируются следующие направления: новое содержание современных коммуникаций, особенности взаимодействий между социальными коммуникативными полями, инновационность коммуникативных систем и коммуникативных стратегий как типов социальных действий; признание беспрецедентной рискогенности информационного социума, актуализация исследования специфики коммуникативных рисков.

Е. Ю. Стриганкова предложила авторскую классификацию современных коммуникативных рисков, включающую: риски информационной перенасыщенности, инструментализации, преобладания стратегической рациональности, информационной маргинальности. В последнем случае суть рискогенной ситуации, особо отмечалось в докладе, заключается в конфликте между формой и содержанием социальной коммуникации: в частности, по форме – проявилась необходимость создания новой социальной структуры коммуникативного пространства, которая способна справиться с эффектом информационной перенасыщенности; по содержанию – обозначилась необходимость «реабилитации» общения в статусе вида коммуникативной деятельности, восстановления экзистенциальной значимости коммуникации. Не менее существенно формирование социально активной коммуникативной личности, обладающей коммуникативной и коммуникационной компетенциями, что должно способствовать адекватному подходу в ситуации выбора между позициями «рискофила» и «рискофоба», принадлежности к определенному коммуникативному сообществу, преодолению коммуникативной маргинальности.

Аспирантка кафедры теоретической и социальной философии Ж. О. Посунько попыталась связать коммуникативный подход с восприятием террористических рисков. По ее мнению, характерной чертой современности становится то, что

террористические организации представляют собой сеть, окутывающую глобальный социум. Они представляют негосударственную (частную) военную оппозицию существующему социальному порядку и легитимной власти. Символическая борьба, направленная на изменение восприятия социального мира, выражается через действия, цель которых – заставить увидеть или оценить определенные реалии определенным образом. На индивидуальном уровне это проявляется в манипулировании собственным образом для создания того или иного представления о себе и своем социальном статусе. Общественная реальность создается словами и названиями, поэтому от ее восприятия во многом зависит ее сущность. Дело в том, что агенты воспринимают социальный мир сквозь призму структур восприятия и оценивания, которые внушаются им в ходе социализации на всех этапах личностного развития, в том числе и на стадии вторичной социализации. А это значит, что, изменяя структуры восприятия и оценивания, мы можем изменять социальный мир. Право производить это символическое насилие завоевывается в ожесточенной социальной борьбе, направленной на захват как физического, так и социального пространства. Соперничество за право обладания пространством может обрести различные формы, в том числе и террористических акций.

Анализу места экономических рисков в современном обществе был посвящен доклад аспиранта кафедры теоретической и социальной философии Д. С. Федина, представившего жизнедеятельность общества строго детерминированной экономическими условиями. Социально-политическая активность субъекта действия, в свою очередь, обуславливается материальными интересами и потребностями. В этой связи экономика как материальное выражение потребностей и интересов человека представляет интерес для данного исследования. Современная экономика постулирует набор определенных норм и правил как единственно правильный образ действий для всего мирового экономического пространства. В докладе приводится типологизация проявлений институционального риска в экономической сфере, которая не ставит задачу раскрыть всю сущность рискогенности экономических явлений в обществе, но способна подчеркнуть и определить те аспекты, которые оказывают деструктивное воздействие на процессы деформации личностного бытия. Исследование проявлений институционального риска на экономическом уровне более четко обозначило связь экономики с политической и социальной сферами общества в контексте рискогенной проблематики.

В заключение профессор, доктор философских наук В. Б. Устьянцев, руководившей работой круглого стола, отметил важность подобных

мероприятий для дальнейших исследований в области философского осмысления риска. Несомненным преимуществом философии в постижении риска, по сравнению с конкретными эмпирическими науками, является нацеленность на рассмотрение сквозь призму категории ценности, внимание к феноменам амбивалентного человека в пространстве риска. Политология, экономика, социология и другие дисциплины преуспевают в развитии количественных методов оценки риска, тогда как философия стремится представить его как уникальный и многогранный социальный феномен. На современном этапе

становится очевидным, что ни одна наука, в том числе и философская, не способна увидеть картину общества риска во всей ее полноте, поэтому наиболее эффективным в данной связи представляется междисциплинарный подход.

Часть докладов круглого стола вошла в сборник, вышедший по итогам конференции «Математическое моделирование в управлении рисками», помимо этого планируется публикация сборника материалов круглого стола.

Д. М. Соколова,
аспирант философского факультета
Саратовского государственного университета

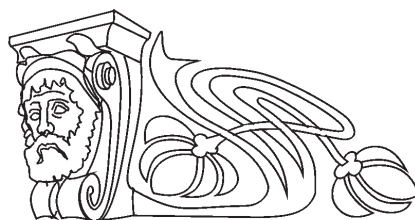
- 4 См.: *Якобсон С. Г.* Психологические проблемы этического развития детей. М., 1984. 144 с.
- 5 *Флейвелл Дж.* Генетическая психология Жана Пиаже. М., 1976. С. 389.
- 6 См.: *Аркин Е. А.* Ребенок в дошкольные годы. М., 1969. 445 с.
- 7 См.: *Коломинский Я. Л.* Психология личных взаимоотношений в группе сверстников (общее и различное) : дис. ... д-ра психол. наук. Минск., 1980. 426 с.
- 8 *Лисина М. И.* Указ. соч. С. 57.
- 9 *Мудрик А. В.* Указ. соч. С. 35.
- 10 *Симонов В. П.* Педагогический менеджмент : 50 НОУ-ХАУ в области управления образовательным процессом : учеб. пособие. М., 1997. С. 168.
- 11 *Вейт М. А.* Формирование гуманных отношений в воспитательном коллективе учащихся общеобразовательной школы : учеб. пособие. М., 1985. С. 39.
- 12 См.: *Ретина Т. А.* О путях изучения взаимоотношений дошкольников : задачи и методы исследования // Отношения между сверстниками в группе детского сада. М., 1978. С. 213–235.
- 13 См.: *Зимняя И. А.* Психологические аспекты общения говорящего на иностранном языке. М., 1985. 160 с.

УДК 379.82: 796.01

ОРГАНИЗАЦИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

С. А. Фирсин

Саратовский государственный университет
E-mail: firsinsa@yandex.ru

В статье раскрывается организация физического воспитания в досуговой деятельности школьников, осуществляемой на основе комплексной системы. Целостное воздействие комплексной системы проявляется в том, что она охватывает основные сферы личности школьника (познавательную, мотивационно-ценностную, деятельностную) и влияет на изменение его отношения к себе как личности и члену общества.

Ключевые слова: новые формы физического воспитания, досуговая деятельность школьников.

Organization of Physical Culture Education in School Time Activities

S. A. Firsin

The article reveals the organization of physical culture education in school time activities, is based on a complex system. Holistic integrated effects seen in the fact that it covers the main areas of the schoolboy (cognitive, motivational and value, activity), and affects the change in his attitude toward himself as an individual and member of society.

Key words: new forms of physical education, leisure activity pupils.

В новых социально-экономических условиях возрастают роль и значение физкультурного воспитания как действенного фактора укрепления здоровья населения, повышения его работоспособности, организации рационального досуга. Важное место в системе воспитания школьников (наряду с другими направлениями этой педагогической деятельности) должно занимать физкультурное воспитание, основанное на использовании активных, регулярных занятий физической культурой и спортом для решения оздоровительно-рекреационных задач. Большое

значение в настоящее время имеют поиск и внедрение в практику воспитания и организации досуговой деятельности учащейся молодежи таких инновационных направлений, форм и методов работы, которые не только декларативно, но и реально содействуют ее приобщению к провозглашаемым гуманистическим идеалам и ценностям. Одним из таких подходов является комплексная система организации физического воспитания в досуговой деятельности учащейся молодежи, которая должна готовить к свободному занятию массовым спортом и превращать зрителей в участников. В такой комплексной системе необходимо учитывать разнообразные мотивы и особенности различных участвующих групп и их спортивные возможности. Что касается мотивов, то следует отметить, что в массовом спорте, который в настоящее время главным образом основывается на концепциях усилия и все большего достижения, нужно в большей степени учитывать новые стремления к отдыху и досугу.

Настоящее исследование посвящено решению проблемы организации физического воспитания в досуговой деятельности школьников Саратовской области в современных условиях, социально-педагогическому и организационному её совершенствованию.

Актуальность данного исследования обусловлена сложившимся в регионе положением, а именно:

неудовлетворительным состоянием здоровья и низким уровнем физической подготовленности школьников;

недостаточной эффективностью региональной системы организация физкультурного воспитания в досуговой деятельности школьников.

Основной же проблемой является то, что организация физического воспитания в досуговой деятельности школьников осуществляется без достаточного научного обоснования и серьезной концептуальной проработки, довольно часто – методом проб и ошибок. В Саратовской области отсутствует эффективная система физкультурного воспитания, учитывающая специфические особенности этого региона.

Для изменения этой ситуации необходим комплекс, включающий социально-педагогическое воздействие, пропаганду здорового образа жизни, в том числе средствами искусства, развитие физической культуры и массовых видов спорта. В физкультурно-спортивной деятельности заложены огромные возможности для гуманистического воздействия на духовный мир людей и их физическое состояние.

Отмеченные выше недостатки свидетельствуют о необходимости кардинального изменения сложившейся системы физкультурного воспитания, поиска новых подходов к ее организации с целью более полного и эффективного использования огромного гуманистического, социально-культурного потенциала физкультуры и массового спорта.

Цель исследования: теоретико-технологическое обоснование региональной комплексной системы организации физического воспитания в досуговой деятельности школьников, осуществлении комплексных мероприятий по их реализации. Для её достижения предполагалось решение следующих задач:

1) определить тенденции и противоречия существующих подходов к развитию физкультурного воспитания и организации досуга школьников в Саратовской области на основе исследования исторических, философских, социальных, биологических предпосылок возникновения, становления физкультурного воспитания, изучения отечественных систем и программ развития оздоровительной физической культуры;

2) разработать социально-педагогические технологии региональной комплексной системы организации физического воспитания в досуговой деятельности школьников и внедрить их в практическую работу муниципальных органов управления физической культурой и спортом;

3) определить состав, структуру, принципы и механизмы педагогической системы управления развитием региональной комплексной системы организации физкультурного воспитания в досуговой деятельности школьников.

Основной замысел организации физкультурного воспитания заключался в том, чтобы

приобщить учащуюся молодежь к активным и регулярным занятиям физкультурой.

В эксперименте принимали участие 500 школьников 10–11-х классов общеобразовательных школ Саратовской области: МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 8»; МАОУ «Лицей № 36» г. Саратова; МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 1» г. Хвалынска; МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 13» г. Пугачева.

В соответствии с требованиями, предъявляемыми к педагогическому эксперименту, были определены контрольная ($n = 250$) и экспериментальная ($n = 250$) группы. Для школьников контрольной группы организация физического воспитания в досуговой деятельности осуществлялась в соответствии с государственным образовательным стандартом. Для работы с экспериментальной группой была разработана комплексная система организации физического воспитания в досуговой деятельности школьников, согласованная с педагогическим коллективом и директором школы. Эта система организовано реализовывалась во внеурочное время на базе средних общеобразовательных школ и лицей, в работе принимали участие учителя физической культуры. Занятия по программе в экспериментальной группе проводились три раза в неделю по 1,5 часа.

Можно выделить следующие компоненты физкультурного воспитания в досуговой деятельности учащейся молодежи: физкультурно-оздоровительный компонент (ФОК); социально-педагогический компонент (СПК); образовательно-интеллектуальный компонент (ОИК).

В *физкультурно-оздоровительный компонент* входят традиционные методики – закаливание организма, дыхательная гимнастика и др., и новые формы и методы организации занятий физкультурой в целях лечения и реабилитации:

для эстетического воспитания – формы и методы артпедагогики¹;

для решения задач отдыха, развлечения, рекреации, нравственного воспитания – разнообразные игровые формы и методы организации физкультурной деятельности: «*кооперативные игры*», при проведении которых учитываются не личные достижения отдельных участников или команд, соревнующихся друг с другом, а достижения всех участников в целом, объединенных в единую команду²;

«*новые*» (несоревновательные) игры, в которых участники не разделяются на победителей и побежденных, всемерно поощряются сотрудничество, творчество, юмор³;

народно-национальные игры, забавы⁴;

«*социоориентированные игры-тренировки*»⁵;

психотехнические, психокоррекционные, имитационные⁶, сюжетно-ролевые и т.п. игры⁷;

спартианские формы физкультурно-спортивной работы⁸, направленные на улучшение физического состояния школьников.

Социально-педагогический компонент реализовывался в культурно-спортивном центре «СПАРТ», в котором проводились занятия в спортивном и спартианском клубах, подростковом клубе, занятия в кружках по интересам и были организованы общекультурные мероприятия.

В рамках образовательно-интеллектуального компонента традиционные занятия по физической культуре дополняются физкультурным воспитанием, основу которого составляют обширный познавательный материал по физической культуре, валеологии, приемам духовного и физического самосовершенствования, знания о здоровом образе жизни и спорте, по истории спортивного и олимпийского движения. Физкультурное воспитание предусматривает также обсуждение с детьми модели Спартианских игр, основных документов спартианского движения и кодекса «Играй по-спартиански».

Следует отметить также большое значение умственно-интеллектуальной работы, которую выполняют школьники, обучаясь тем или иным новым формам и методам организации занятий физкультурой, приобретая новые двигательные навыки. Благодаря этому образуются и закрепляются новые нервно-психические связи, улучшаются координационно-двигательные возможности организма.

Сравнительный анализ групп показал, что во всех произошли изменения физических качеств, но в экспериментальной группе эти изменения более эффективны; по уровню физической подготовленности эта группа превзошла контрольную по всем физическим показателям: силовым, скоростно-силовым, общей выносливости и гибкости.

Анкетный опрос формирования интереса школьников к занятиям физической культурой обеих групп показал:

положительно относятся к занятиям физической культурой в контрольной группе 73% (125) школьников, тогда как в экспериментальной группе 96% (260) учеников. С другой стороны, отрицательно относятся к урокам физической культуры в экспериментальной группе всего лишь 4% (11) человек, тогда как в контрольной группе это значение гораздо выше – 27% (72);

положительную роль личности педагога в формировании отношения к занятиям физической культурой отметили в контрольной группе 53% (142) школьников, в экспериментальной группе – 97% (263);

активно заниматься физической культурой желают в контрольной группе 46% (123) школьников, в экспериментальной группе – 89%

(241). Не желают заниматься физической культурой и спортом в контрольной группе – 36% (96), экспериментальной группе – 10% (27). Не дали однозначного ответа на этот вопрос в контрольной группе 18% (48), в экспериментальной группе – 1% (3);

24% (64) школьников контрольной группы считают, что занятия физической культурой влияют на успеваемость по другим предметам, в экспериментальной группе такой же ответ у 69% (187) учащихся. У 58% (155) опрошенных в контрольной и 28% (76) детей в экспериментальной группе занятия физической культурой не влияют на успеваемость по другим предметам. 18% (48) учащихся контрольной группы и 3% (8) учащихся в экспериментальной группе не знают ответа на этот вопрос;

на вопрос «Влияет ли семья на ваше формирование потребностей в систематических занятиях физической культурой?» в контрольной группе ответили «да» 12% (32) школьников, «нет» – 88% (235) анкетированных; в экспериментальной группе ответили «да» 92% (242) школьников, «нет» – 8% (29) учащихся.

По завершении формирующего эксперимента для школьников экспериментальной и контрольной групп проводился итоговый контрольно-диагностический срез, позволивший выявить уровень сформированности интереса школьников к занятиям физической культурой.

Таким образом, данные, полученные в ходе формирующего эксперимента, показывают определенную тенденцию к повышению уровня интереса школьников к занятиям физической культурой в экспериментальной группе, что позволяет признать проведенное исследование успешным, а эффективность внедрения в образовательный процесс средней школы авторской комплексной системы организации физического воспитания в досуговой деятельности школьников – подтвержденной. Следовательно, реализация на практике разработанной комплексной системы организации физического воспитания в досуговой деятельности школьников оказалась эффективной, а анализ хода и результатов эксперимента подтвердил правильность гипотезы исследования.

Примечания

- 1 См.: Шумакова Н. Ю. Артпедагогика : гуманизация образования в области физической культуры. Ставрополь, 2010. 308 с.
- 2 См.: Blumenthal E. Kooperative Bewegungsspiele. Schorndorf, 1987. 91 s.
- 3 См.: Bubner C., Mienert C. Bausteine des Darstellenden Spiels. Frankfurt/M., 1987. 183 s.
- 4 См.: Курьянов Б. Н., Рожков М. И., Фришман И. И. Организация и методика проведения игр с подростка-

- ми : взрослые игры для детей : учеб.-метод. пособие. М., 2004. 215 с.
- ⁵ См.: Вишнеvский Д. Д. Социально ориентированная игра-тренировка как средство развития социальной активности школьников-подростков в условиях спортивно-оздоровительного центра : автореф. ... канд. пед. наук. Красноярск, 1999. 23 с.
- ⁶ См.: Кавтарадзе Д. Н. Имитационные игры как средство экологического образования // Биология в школе. 1990. № 3. С. 32–34.
- ⁷ См.: Щуркова Н. Е. Классное руководство : игровые методики : метод. пособие. М., 2008. 224 с.
- ⁸ Столяров В. И., Фирсин С. А., Баринов С. Ю. Содержание и структура физкультурно-спортивного воспитания детей и молодежи (теоретический анализ). Саратов, 2012. 268 с.

вание доказывает действенность этих занятий и индивидуальных бесед с родителями по таким критериям, как улучшение взаимопонимания в семье, повышение культуры внутрисемейного поведения, увеличение количества семей – участников общешкольных мероприятий. Особенно радует тот факт, что на эти мероприятия приходят всей семьей. Таким образом, происходит более тесное общение детей и родителей как внутри одной семьи, так и с другими семьями – прихожан храма, – что способствует установлению благожелательных взаимоотношений между ними, взаимовыручке при решении семейных проблем.

Многолетний опыт работы в данном направлении, а также проведенное исследование показало, что активизация педагогической позиции родителей происходит через формирование их готовности к целенаправленному воспитательному процессу: овладению педагогическими и психологическими знаниями о возрастных особенностях детей, их нравственного развития и воспитания, обретению педагогических умений по организации целесообразной деятельности ребенка в семье. Большую часть таких знаний и умений родители приобретают в сотрудничестве

с воскресной школой, но еще более важным является сам факт активизации педагогической деятельности родителей, направленной на духовно-нравственное воспитание своих детей. Взаимодействие родителей, педагогов и администрации воскресной школы положительно сказывается на процессе семейного воспитания, позволяет решать значительную часть возникающих проблем, опираясь на нравственные и духовные ценности православной культуры.

Примечания

- 1 Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 4-е изд. М., 1981. С. 327.
- 2 См.: Левецкая И. Б. Воспитание ценностного отношения к семье у старшеклассников в условиях школьного образования : дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д, 2002. 213 с.
- 3 См.: Лесгафт П. Ф. Семейное воспитание ребенка и его значение. М., 1991. 176 с.
- 4 Леднев В. С. Духовно-нравственная культура в образовании человека // Стандарты и мониторинг в образовании. 2002. № 6. С. 4.
- 5 Куломзина С. С. Что значит молиться Богу? М., 2002. С. 22.

УДК 373.2

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОМ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ СО СВЕРСТНИКАМИ

С. С. Прищепа

Московский гуманитарный педагогический институт
E-mail: s.s.prishepa@mail.ru

Статья посвящена проблеме формирования межличностного общения у детей старшего дошкольного возраста со сверстниками; раскрывается система управления данным процессом.

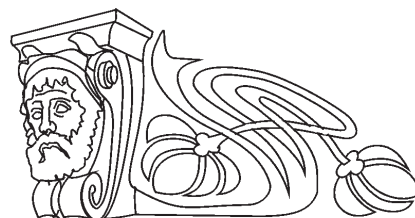
Ключевые слова: общение, межличностное общение, формирование, старшие дошкольники, система управления.

Process Control System Interpersonal Communication at the Senior Preschool Children with Their Peers

S. S. Prishchepa

The article is devoted to the problem of interpersonal communication with peers at children under school age. The system of control this process is revealed.

Key words: communication, interpersonal communication, formation, senior preschoolers, control system.

В качестве одного из важнейших факторов и условий эффективности человеческой деятельности выступает общение. В современном демократическом обществе обостряется противоречие: с одной стороны, существует потребность в гуманном общении между людьми, пронизанном уважением к личности человека, с другой – дефицит доброты, воспитанности, культуры. Это ставит педагогическую науку перед необходимостью формирования межличностного общения со сверстниками у детей, начиная с дошкольного возраста. В рамках Федеральных государственных требований к структуре основной общеобразовательной программы дошкольного образования основными интегративными качествами личности ребенка-выпускника являются

владение средствами общения и способами взаимодействия со взрослыми и сверстниками, использование вербальных и невербальных средств общения, владение диалогической речью и конструктивными способами взаимодействия с детьми и взрослыми, способность изменять стиль общения со взрослым или сверстником в зависимости от ситуации.

Необходимость формирования положительного опыта общения детей друг с другом обусловлена тем, что отсутствие такого опыта приводит к стихийному возникновению негативных форм поведения, к ненужным конфликтам и ссорам. Дети стремятся, но часто не умеют вступать в контакт, выбирать уместные способы общения со сверстниками, проявлять вежливое доброжелательное отношение к ним, вести себя в разговоре в соответствии с нормами этикета, слушать партнера. В настоящее время проблема формирования межличностного общения находится на стыке многих наук: общей и социальной психологии, социологии, этики. Межличностное общение и понимание человека человеком стало предметом исследований А. А. Бодалева, М. А. Вейта, Н. И. Дедкова, Р. А. Кричевского и др.

Проблема формирования умений межличностного общения детей дошкольного возраста исследуется и развивается в отечественной педагогике. Учеными были изучены: специфика формирования культуры общения у детей старшего дошкольного возраста (А. М. Изиевой, С. В. Петериной, Е. Ю. Яницкой); пути формирования межличностных умений у школьников (Т. А. Ладыженской, А. В. Мудриком); формирование коммуникативных умений в процессе педагогического общения (А. А. Леонтьевой); развитие коммуникативно-исполнительной техники (В. А. Кан-Калик); методика развития коммуникативных умений: моделирование, упражнения для самоподготовки учителя (И. А. Зязюн).

Под «*межличностным общением детей старшего дошкольного возраста со сверстниками*» мы понимаем такое общение, которое складывается в процессе взаимодействия ребенка 6-го года жизни со сверстниками с целью удовлетворения потребности в общении и налаживания гуманных отношений между детьми. Формулируя данное определение, мы взяли за основу определение понятия «межличностное общение», которое в общем виде представил А. В. Мудрик¹.

Для того чтобы осуществлять процесс формирования межличностного общения, необходимо обозначить и рассмотреть его параметры: *потребность и мотив, цель, предмет, средства и результат* общения. С точки зрения психологии, целью межличностного общения является удовлетворение потребности в общении. В нашем исследовании *целью и результатом* общения является изменение отношений, а не передача

информации. *Предметом общения* являются гуманные взаимоотношения детей старшего дошкольного возраста. Потребность в общении – это потребность индивида как субъекта, как личности в другом субъекте, в другой личности. Исследователи М. И. Лисина², В. С. Мухина³, С. Г. Якобсон⁴ отмечают, что ребенок только со сверстниками научается жить в горизонтальной плоскости, а значит – строить особые (личностные, деловые, оценочные) связи, которые он не может выстроить со взрослым. Как показывают специальные исследования Л. Н. Галигузовой, М. И. Лисиной, ребенка привлекает в сверстнике, прежде всего, возможность реализовать свою потенциальную активность, свободно выражать свои желания и переживания. Ж. Пиаже рассматривал общение сверстников как важный фактор, способствующий разрушению эгоцентризма «только благодаря разделению точки зрения равных ему – сначала других детей, а по мере взросления ребенка и взрослых – подлинная логика и нравственность могут заменить эгоцентризм, свойственный всем детям и в отношении с другими детьми, и в мышлении»⁵.

Потребность в общении со сверстниками у детей старшего дошкольного возраста, по мнению Е. А. Аркина⁶, Я. Л. Коломинского⁷, проявляется в сотрудничестве, признании, уважении, сопереживании и доброжелательном внимании. Для реализации процесса общения партнеры используют различные средства общения. Как отмечала М. И. Лисина, «средства общения – те операции, с помощью которых каждый участник строит свои действия общения и вносит свой вклад во взаимодействие с другим человеком»⁸. Средствами принято считать два вида коммуникации: вербальную и невербальную. В качестве главной знаковой системы выступает речь. По мнению А. В. Мудрика, «речь обладает связанными друг с другом функциями: выразительной (с помощью которой отражаются соответствующие состояния говорящего субъекта), апелляционной (посредством которой «другой» побуждается к действию), образительной (посредством которой «другому» изображается, сообщается положение вещей)»⁹. Для общения между собой дети старшего дошкольного возраста используют выразительные, образительные и знаковые *средства общения*. В отличие от контактов со взрослыми общение ребенка со сверстниками отличают эмоциональная насыщенность, нестандартность, нерегламентированность. Для старшего дошкольника становится небезразличным мнение товарища, оценка его поступков. В этот период развиваются такие социальные эмоции, как симпатии, привязанность к сверстникам. Старший дошкольный возраст Л. С. Выготский и А. В. Запорожец характеризуют как сензитивный период усвоения, «социального наследования» норм и правил поведения.

В ходе нашего исследования были определены педагогические условия, соблюдение которых позволит успешно формировать межличностное общение у детей старшего дошкольного возраста со сверстниками. Результаты наших многочисленных наблюдений и бесед с педагогами свидетельствуют о том, что одним из существенных недостатков процесса формирования межличностного общения у детей со сверстниками является отсутствие системы управления этим процессом. Мы убедились в том, что умения межличностного общения, складывающиеся в результате стихийного процесса их формирования в семье, в дошкольном учреждении, не приобретают необходимые качества у детей старшего дошкольного возраста. Поэтому важна система управления данным процессом, которая является составной частью педагогического менеджмента. Под ним В. П. Симонов понимает «комплекс принципов, методов, организационных форм и технологических приемов управления образовательным процессом, направленный на повышение его эффективности»¹⁰. Формирование межличностного общения у детей со сверстниками будет происходить наиболее эффективно, если управление этим процессом будет осуществляться на научной основе. Как отмечает В. П. Симонов, «научной основой управления образовательным процессом <...> являются реальные и конкретные цели, а также в достаточной степени достоверные <...> принципы и методы управленческой деятельности». М. А. Вейт считает, что научный подход «... учитывает объективные отношения, возникающие и проявляющиеся в деятельности детей, и определяет роль учителя как основной фактор в управлении процессом нравственного воспитания»¹¹. Им были выявлены и обоснованы психолого-педагогические основы управления процессом формирования гуманных отношений в коллективе учащихся средней школы.

Взяв за основу систему управления процессом формирования гуманных отношений в школьном коллективе, предложенную М. А. Вейтом, мы разработали модель управленческой системы, направленную на формирование межличностного общения у детей 6-го года жизни со сверстниками. Она целостна, основана на субъект-субъектном взаимодействии руководителя ДООУ, воспитателей, родителей и детей, в неё входят следующие структурные компоненты педагогического менеджмента:

целевой фактор включает определение методики диагностического исследования, выбор направлений и этапов работы, оптимальных форм и методов;

в основе *коммуникативного фактора* – установление партнерских взаимоотношений воспитателей, родителей и детей на субъект-субъектной основе, а именно: «родитель – ребенок», «воспи-

татель – ребенок», «воспитатель – родитель – ребенок», что обусловлено ориентацией отношений в дошкольном учреждении на личности ребенка; *содержательно-организационный фактор* включает в себя:

создание эмоционально-психологических комфортных условий для работы и взаимодействия субъектов педагогического процесса;

оказание помощи воспитателям в организации разнообразных форм работы с педагогами, родителями, детьми;

участие в проведении первичного консультирования родителей с целью формирования у ребенка межличностного общения со сверстниками;

аналитико-результативный фактор заключается в оценке эффективности предпринятых действий:

обеспечении контроля за выполнением принятого плана, текущем оперативном управлении процессом его реализации, практической деятельности администрации по регулированию основных сторон деятельности коллектива;

проведении анализа и обобщении полученных результатов: сопоставлении достигнутых результатов с ранее намеченным планом, выявлении нерешенных вопросов и недостатков в процессе реализации плана.

В управлении процессом формирования межличностного общения детей со сверстниками можно выделить четыре основных этапа деятельности:

1) координация диагностической работы, направленной на выявление уровня межличностного общения детей со сверстниками;

2) повышение профессиональной компетентности воспитателей, касающейся формирования такого общения;

3) координация образовательной деятельности педагогов, направленной на формирование у детей знаний и умений межличностного общения;

4) координация работы специалистов и педагогов с семьей по данной проблеме.

На первом этапе воспитателям была оказана помощь в выборе диагностических методик, в определении критериев и показателей оценки уровня сформированности межличностного общения детей со сверстниками. Были определены следующие *критерии оценки* межличностного общения детей старшего дошкольного возраста со сверстниками: желание вступать в контакт, умение общаться (управлять своим поведением, влиять на собеседника, организовывать общение), знание норм и правил, которым необходимо следовать при общении с окружающими. Для выявления уровня сформированности первого критерия была использована экспериментальная игра «Секрет» (Т. А. Репиной), выявляющая систему существующих между детьми реальных и избирательных отношений¹². Для определения уровня сформи-

рованных умений межличностного общения со сверстниками нами были определены два ряда умений, за основу была взята их градация, определенная лингвистами иноязычной культуры¹³.

Сущность первого ряда умений заключалась в передаче сообщения (информации, эмоций, отношений) собеседнику как субъекту общения и включала: умение использовать речевые этикетные формулы (приветствие, прощание, благодарности); умение устанавливать контакт (при помощи речевых и неречевых средств); умение выражать свое настроение; умение вести себя в соответствии с нормами этикета (тон общения, размещение партнёров по отношению друг к другу, особенности мимики и жестикуляции). Суть второго ряда заключалась в восприятии информации собеседника как субъекта общения и в выражении своего отношения к услышанному, он состоял из умений внимательно относиться к собеседнику и понимать его эмоциональное состояние. Был использован метод включенного наблюдения за детьми. Для выявления уровня знаний детей этикетных норм поведения в общении была использована беседа с ними. На основе выделенных критериев были выявлены высокий, средний и низкий уровни межличностного общения детей со сверстниками.

На втором этапе с целью повышения профессиональной компетентности воспитателей, касающейся формирования межличностного общения детей со сверстниками, были запланированы и проведены: беседа, анкетирование, круглые столы, консультации.

На третьем этапе осуществлялся контроль за организацией цикла занятий этического характера, в ходе которых дети обучались продуктивным и рецептивным умениям межличностного общения.

Созданию эмоционального настроения у детей способствовали: определенная форма общения в системе взрослый – ребенок (в соответствии с теорией трансактного анализа по Э. Берну), структура занятий и используемые педагогические приемы. Благодаря главному и постоянному персонажу – Фее из страны Вежливости между воспитателем и детьми устанавливаются следующие стили общения (по Э. Берну):

«Взрослый – Дитя», используя этот стиль, педагог выступает в роли Феи, которая делится с детьми своим опытом, обучая их;

«Взрослый – Взрослый», с помощью этого стиля дети выступают в роли «Взрослых» – помощников Феи, её защитников; они превращаются в волшебников, художников, докторов.

Структура занятия состоит из четырёх этапов: ритуал начала занятия, постановка проблемы, своевременный поиск путей решения проблемы, ритуал прощания. В содержание занятий были включены игры и игровые упражнения, широко

используемые в психокоррекционной, психопрофилактической работе (М. И. Чистяковой, О. В. Хухлаевой), с целью преодоления у детей в начале занятия скованности, пассивности, приобретения навыков саморегуляции и расслабления в конце занятия. В процессе занятий были использованы педагогические приемы: проигрывание ситуаций: «Через стекло», «Утреннее приветствие», «Утешь малыша», эти ситуации позволяли детям не просто рассуждать о той или иной проблеме, а эмоционально проживать её; упражнения, направленные на регулирование речевого дыхания («Погаси свечу»), на изменение интонации, на совершенствование дикции, на сдерживание своих желаний («Выдержанный человек»); чтение и обсуждение литературных произведений (стихотворений, рассказов, сказок, пословиц, дразнилок), которые позволяли воздействовать на сознание, чувства и волю детей; прослушивание музыки; рисование на темы: «Моя семья», «Автопортрет»; игры (Н. В. Клюевой, Ю. В. Касаткиной), направленные на воспитание гуманных чувств у детей, на создание благоприятного психологического микроклимата в группе; эвристический – теория решения изобретательских задач: «Сказка-перевертыш», «Цепочка слов» (Г. Альтшуллера).

На четвертом этапе формирования общения детей со сверстниками оказывалась помощь и осуществлялся контроль за работой воспитателей с родителями в данном направлении. Для родителей были организованы и проведены родительские собрания, консультации, круглый стол с целью расширения знаний о психолого-педагогических основах общения детей старшего дошкольного возраста со сверстниками, ознакомления с играми, способствующими закреплению умений межличностного общения у детей.

В ходе опытно-экспериментальной работы была доказана эффективность и результативность системы управления процессом формирования межличностного общения детей старшего дошкольного возраста со сверстниками. Мы пришли к выводу о том, что сформировать межличностное общение старших дошкольников со сверстниками возможно, если определены критерии и показатели оценки уровня межличностного общения ребенка со сверстниками, разработана технология целенаправленного педагогического процесса, осуществляется взаимодействие воспитателей с родителями в данном направлении.

Примечания

- 1 См.: Мудрик А. В. Общение как фактор воспитания школьников. М., 1984. 288 с.
- 2 См.: Лисина М. И. Проблема онтогенеза общения. М., 1986. 144 с.
- 3 См.: Мухина В. С. Психология дошкольника / под ред. Л. В. Венгера. М., 1975. 237 с.

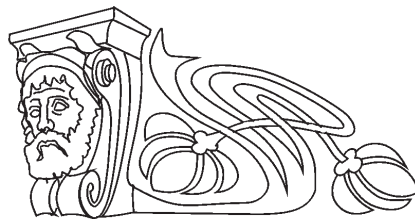
- 4 См.: *Якобсон С. Г.* Психологические проблемы этического развития детей. М., 1984. 144 с.
- 5 *Флейвелл Дж.* Генетическая психология Жана Пиаже. М., 1976. С. 389.
- 6 См.: *Аркин Е. А.* Ребенок в дошкольные годы. М., 1969. 445 с.
- 7 См.: *Коломинский Я. Л.* Психология личных взаимоотношений в группе сверстников (общее и различное) : дис. ... д-ра психол. наук. Минск., 1980. 426 с.
- 8 *Лисина М. И.* Указ. соч. С. 57.
- 9 *Мудрик А. В.* Указ. соч. С. 35.
- 10 *Симонов В. П.* Педагогический менеджмент : 50 НОУ-ХАУ в области управления образовательным процессом : учеб. пособие. М., 1997. С. 168.
- 11 *Вейт М. А.* Формирование гуманных отношений в воспитательном коллективе учащихся общеобразовательной школы : учеб. пособие. М., 1985. С. 39.
- 12 См.: *Ретина Т. А.* О путях изучения взаимоотношений дошкольников : задачи и методы исследования // Отношения между сверстниками в группе детского сада. М., 1978. С. 213–235.
- 13 См.: *Зимняя И. А.* Психологические аспекты общения говорящего на иностранном языке. М., 1985. 160 с.

УДК 379.82: 796.01

ОРГАНИЗАЦИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

С. А. Фирсин

Саратовский государственный университет
E-mail: firsinsa@yandex.ru

В статье раскрывается организация физического воспитания в досуговой деятельности школьников, осуществляемой на основе комплексной системы. Целостное воздействие комплексной системы проявляется в том, что она охватывает основные сферы личности школьника (познавательную, мотивационно-ценностную, деятельностную) и влияет на изменение его отношения к себе как личности и члену общества.

Ключевые слова: новые формы физического воспитания, досуговая деятельность школьников.

Organization of Physical Culture Education in School Time Activities

S. A. Firsin

The article reveals the organization of physical culture education in school time activities, is based on a complex system. Holistic integrated effects seen in the fact that it covers the main areas of the schoolboy (cognitive, motivational and value, activity), and affects the change in his attitude toward himself as an individual and member of society.

Key words: new forms of physical education, leisure activity pupils.

В новых социально-экономических условиях возрастают роль и значение физкультурного воспитания как действенного фактора укрепления здоровья населения, повышения его работоспособности, организации рационального досуга. Важное место в системе воспитания школьников (наряду с другими направлениями этой педагогической деятельности) должно занимать физкультурное воспитание, основанное на использовании активных, регулярных занятий физической культурой и спортом для решения оздоровительно-рекреационных задач. Большое

значение в настоящее время имеют поиск и внедрение в практику воспитания и организации досуговой деятельности учащейся молодежи таких инновационных направлений, форм и методов работы, которые не только декларативно, но и реально содействуют ее приобщению к провозглашаемым гуманистическим идеалам и ценностям. Одним из таких подходов является комплексная система организации физического воспитания в досуговой деятельности учащейся молодежи, которая должна готовить к свободному занятию массовым спортом и превращать зрителей в участников. В такой комплексной системе необходимо учитывать разнообразные мотивы и особенности различных участвующих групп и их спортивные возможности. Что касается мотивов, то следует отметить, что в массовом спорте, который в настоящее время главным образом основывается на концепциях усилия и все большего достижения, нужно в большей степени учитывать новые стремления к отдыху и досугу.

Настоящее исследование посвящено решению проблемы организации физического воспитания в досуговой деятельности школьников Саратовской области в современных условиях, социально-педагогическому и организационному её совершенствованию.

Актуальность данного исследования обусловлена сложившимся в регионе положением, а именно:

неудовлетворительным состоянием здоровья и низким уровнем физической подготовленности школьников;

профессиональной деятельности в сфере дополнительного образования детей позволяет сделать его максимально содержательным и мобильным, а, следовательно, максимально результативным и эффективным.

Примечания

- ¹ См.: Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. Утвержден приказом Минобрнауки России от 22.12.2009 № 373. URL: <http://standart.edu.ru> (дата обращения: 14.09.2011).
- ² См.: Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. Утвержден приказом Минобрнауки России от 17.12.2010 № 1897. URL: <http://standart.edu.ru> (дата обращения: 14.09.2011).
- ³ См.: Методические материалы по организации внеурочной деятельности в образовательных учреждениях, реализующих общеобразовательные программы начального общего образования : приложение к письму Департамента общего образования Минобрнауки России «Об организации внеурочной деятельности

при введении федерального государственного образовательного стандарта общего образования» № 03-296 от 12.05.2011. URL: <http://mon.gov.ru/files/materials/8498/11/05/12-metod.recom.pdf> (дата обращения: 14.09.2011).

- ⁴ См.: *Акимова Л. А.* Формирование готовности педагога к проектированию образовательного процесса в учреждении дополнительного образования детей : дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2007. 158 с. ; *Андрианова Н. Н.* Формирование готовности к профессии педагога дополнительного образования у студентов педколледжа : на примере квалификации «педагог дополнительного образования» в области художественного творчества с дополнительной подготовкой по музыке : дис. ... канд. пед. наук. М., 2001. 176 с. ; *Духанова Л. Г.* Научно-педагогические основы подготовки педагогов дополнительного образования в колледже : дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д, 2002. 240 с. ; *Кочеткова В. Г.* Уровневая подготовка педагогических кадров для системы дополнительного образования детей : дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2003. 190 с. ; *Обоева С. В.* Проектирование авторских учебных программ как основа подготовки педагогов дополнительного образования детей : проективный подход : дис. ... канд. пед. наук. М., 2001. 180 с.

УДК 37.018.1

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ ОРГАНИЗАЦИЮ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЕ

Т. В. Косолапова

Восточно-Сибирская государственная академия образования
E-mail: kosenianev@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы состояния семейного воспитания. После определения задач воспитания и условий их исполнения был проведен анализ проблем, с которыми сталкиваются семьи при воспитании детей. Учитывая накопленный опыт, предложены пути преодоления этих проблем.

Ключевые слова: семейное воспитание, воскресная школа, занятия по педагогике, совместные мероприятия.

Research of Problem of Family Upbringing. Ways of Their Overcoming Through Organization of Educational Work in Sunday School

T. V. Kosolapova

In the article is considered actual questions of condition of family upbringing. At first was defined problems of upbringing and conditions of their execution. Then was done analysis of problems, which families are faced in the time of upbringing of children. Ways of overcoming of this problems have been offered by taking into account cumulative experience.

Key words: family upbringing, sunday school, training of pedagogy, joint activities.

Воскресная школа при храме Александра Невского в г. Иркутске действует более десяти лет. Одним из важных направлений деятельности школы является работа с родителями. На основе этой работы стало возможным проведение исследования проблем семейного воспитания. Результаты исследования помогли откорректировать формы и методы воспитательной работы, составить рекомендации для родителей и педагогов, что способствует укреплению семейных отношений и правильному воспитанию детей.

«Семья – ячейка (малая социальная группа) общества, важнейшая форма организации личного быта, основанная на супружеском союзе и родственных связях, то есть на многосторонних отношениях между мужем и женой, родителями

и детьми, братьями и сестрами и другими родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство. Жизнь семьи характеризуется различными материальными (биологическими, хозяйственными) и духовными (нравственными, правовыми, психологическими, эстетическими) процессами. Социальная роль семьи определяется ее непосредственным участием в воспроизводстве самого человека, в продлении человеческого рода»¹. В это определение нужно добавить, что семья отвечает не только за «воспроизводство», но и за воспитание детей.

Семейное воспитание – это система воспитания и образования, складывающаяся в условиях конкретной семьи, обеспечивающая физическое, умственное, духовно-нравственное, эстетическое, трудовое воспитание в соответствии с возрастом ребенка. На эту систему по-разному влияют многие факторы: наследственность, биологическое (природное) здоровье детей и родителей, материально-экономическая обеспеченность, социальное положение, уклад жизни, количество членов семьи, место проживания, отношение к детям. Учитывая такую неоднородность возможностей, для определения некоего ориентира семейного воспитания нужно выделить задачи, стоящие перед каждой семьей, и условия их исполнения.

В исследовании И. Б. Левицкой определены следующие задачи семейного воспитания:

создание максимально благоприятных условий для роста и гармоничного развития ребенка; обеспечение духовно-нравственного формирования, социально-экономической, психологической поддержки и защиты личности;

передача опыта прошлых поколений, семейных ценностей, значимости сохранения семьи и воспитания в ней детей;

обучение детей полезным прикладным навыкам и умениям, включая самообслуживание и помощь близким;

воспитание у детей чувства человеческого достоинства, ценностного отношения к собственному «Я»;

поддержка национальных обрядов, культурных обычаев, сохранение и развитие семейных традиций;

воспитание уважительного отношения к старшему поколению².

Условия семейного воспитания в начале XX в. определил ученый-педагог П. Ф. Лесгафт, к ним относятся:

атмосфера любви и взаимного уважения;

наличие высоконравственного воспитателя, который учит ребенка размышлять, быть правдивым, стремиться к тому, чтобы слова не расходились с делом;

исключение так называемых «прибавочных» раздражителей из жизни ребенка: роскоши, нище-

ты, чрезмерных лакомств, беспорядочного приема пищи, табака, алкоголя, азартных игр и т.п.

соблюдение принципа постепенности и последовательности;

ограждение детей от контактов с безнравственными людьми³.

Исходя из выделенных задач и условий семейного воспитания, можно выявить причины возникающих проблем в воспитании детей и предложить пути их разрешения.

Исследуя степень выполнения условий семейного воспитания, выделенных Лесгафтом, было замечено, что отсутствие одного из пунктов этих условий непременно ведет к перекосам в воспитании. Так, в настоящее время родительская любовь и забота чаще всего выражаются или в потакании всем детским прихотям, или в усиленном развитии еще не выявленных способностей, начиная с самого раннего возраста. А проведенное исследование выявило дополнительно тот факт, что не все родители являют собой пример нравственного поведения.

Что касается прибавочных раздражителей, то и здесь ситуация неутешительна. Во-первых, самым ярким образом проявляется разница в материальном положении родителей, отсюда при достатке – изобилие подарков, дорогостоящие предметы школьного быта, одежда, чрезмерное количество всевозможных лакомств и т. д., у детей из менее обеспеченных семей возникают зависть и чувство неполноценности.

К прибавочным раздражителям нужно отнести просмотр телевизора и компьютерные игры в том случае, если дети занимаются этим без ограничений. Телевизор и компьютер прочно заняли одно из ведущих мест во временных суточных и недельных циклах жизнедеятельности людей вне зависимости от того, являются ли они жителями городов или сел, они превратилось в доминанту досуга. Роль телевидения в обществе и его влияния на духовное развитие человечества оценивается по-разному: его называют «окном в мир» и «ящиком для дураков», средством стать культурным человеком и способом превратиться в обывателя, источником просвещения и одновременно отупения. По мнению академика В. С. Леднева, «средства массовой информации (к которым относится и телевидение), ведут беспрецедентную по масштабам и разрушительности антидуховную и антинравственную пропаганду, имеющую своим стержнем разрушение положительного национального опыта, замену истинных духовных ценностей псевдо- и отрицательно нравственными идеалами»⁴.

Телевидение и компьютерные игры являются источниками контактов с безнравственными людьми. Причину этой проблемы отметила С. С. Куломзина: «...стиль семейной жизни изменился потому, что вне дома работают и отец,

и мать, следовательно, дети гораздо больше предоставлены самим себе. Из-за этого гораздо большую воспитательную роль играют внешние факторы, не находящиеся под контролем родителей, и в первую очередь – телевидение»⁵.

Следующая проблема семейного воспитания – нарушение принципа последовательности и постепенности. При современном ускоренном ритме жизни очень редко соблюдается этот принцип, наши дети узнают многие вещи гораздо раньше психологической готовности к их восприятию, некоторые образовательные программы составлены так, что складывается впечатление, будто задача образования не в том, как и какие давать знания, а в том, чтобы «напичкать» детей как можно большей информацией. Родители, покупаясь на эту наживку (многознания), тем самым лишают ребенка возможности рассудочного «переваривания» полученной информации и умения правильно применять ее в жизни. Чаще всего современные родители используют методику «включенный телевизор», чтобы занять ребенка; сегодня не читают книги, а смотрят мультфильмы и фильмы, не обсуждают их с детьми, поэтому теряется их поучительность, исчезает нравственный смысл, остается только зрительный образ хорошего или плохого поступка героя и только в том случае, если родители обратят на это внимание.

Для объективного анализа указанных выше семейных проблем нами было проведено исследование, в ходе которого были выявлены особенности воспитания в семьях учащихся воскресной школы (76 семей). Все семьи условно можно разделить на три типа, в которых условия семейного воспитания соблюдаются в разной степени: I тип – высокий, II – средний, III – низкий.

К первому типу были отнесены семьи, в которых отношения строятся на взаимном уважении и понимании, доброжелательности, привязанности и внимании, постоянной помощи и заботе о каждом. Второй – это семьи, в которых родители, правильно понимая цели и задачи воспитания и желая, чтобы их ребенок рос чутким, добрым, отзывчивым, заботливым, допускают вместе с тем ряд существенных ошибок в организации жизни ребенка, в своем поведении и взаимоотношениях с детьми. В семьях третьего типа общая атмосфера определяется чрезмерной конфликтностью, непониманием и разногласиями в вопросах воспитания.

Такое деление позволило выявить, что большинство семей относится ко второму типу (80%), а семей с высоким (9%) и низким уровнем (11%) воспитания гораздо меньше. Эти факты говорят о том, что современная семья испытывает определенные трудности в воспитании детей, даже в благополучных (в плане психологической обстановки, материального достатка и т.п.) семьях есть

острая нужда в педагогическом просвещении родителей. По многим причинам утрачены традиции семейного воспитания. Как показало проведенное анкетирование и тестирование, большинство родителей (69%) испытывают затруднения в выборе правильных подходов в процессе воспитания подрастающего поколения.

Тема возрастной педагогики – самая востребованная среди родителей, но приходится констатировать, что в большинстве общеобразовательных школ такая проблема на родительских собраниях даже не рассматривается. Родителям некогда, да и неоткуда получить квалифицированные знания о способах правильного воспитания в каждый возрастной период. Проблему начинают решать только в особо тяжелых случаях, при обращении к психологу, но пока она не станет острой, на нее, как правило, обращают мало внимания. А ведь проблему гораздо легче предупредить, чем решать ее в авральном порядке.

В процессе исследования было также выявлено, что 100% опрошенных родителей ответственность за воспитание детей возлагают, в первую очередь, на семью, а затем уже, в порядке убывания, на старшее поколение, школу и учреждения дополнительного образования. Родители понимают, что главными воспитателями своих детей являются они сами, но для выполнения этой функции у них не хватает времени, средств, знаний и опыта. Поэтому сейчас особенно остро стоит вопрос о воспитании не только детей, но и родителей. Подросшие дети, не получившие правильных семейных ориентиров, избалованные или, наоборот, «издерганные» родителями, не хотят или боятся заводить свои семьи, что мы сейчас и наблюдаем. Поколение детей, привыкших наслаждаться и развлекаться, не готово стать мамами и папами, быть примером для своих детей, нести за них ответственность, они не готовы уживаться, взаимодействовать, не умеют строить отношения, не понимают смысла самоотдачи.

Одним из способов решения таких проблем является воскресная школа, в которой создается атмосфера общей заинтересованности в воспитательном процессе. Это достигается согласованностью действий всех участников воспитательного процесса, проведением различных совместных мероприятий, участием всех членов семьи в богослужениях, созданием единого информационного пространства через концентрическую программу обучения (повторяющиеся блоки во всех возрастных группах, в том числе и во взрослой, но на разном уровне), что способствует обсуждению полученной информации между детьми и родителями.

В число воспитательных мероприятий школы входит также цикл занятий по педагогике, которые проводятся ежегодно по просьбе родителей, в связи с их изменяющимися запросами. Исследо-

вание доказывает действенность этих занятий и индивидуальных бесед с родителями по таким критериям, как улучшение взаимопонимания в семье, повышение культуры внутрисемейного поведения, увеличение количества семей – участников общешкольных мероприятий. Особенно радует тот факт, что на эти мероприятия приходят всей семьей. Таким образом, происходит более тесное общение детей и родителей как внутри одной семьи, так и с другими семьями – прихожан храма, – что способствует установлению благожелательных взаимоотношений между ними, взаимовыручке при решении семейных проблем.

Многолетний опыт работы в данном направлении, а также проведенное исследование показало, что активизация педагогической позиции родителей происходит через формирование их готовности к целенаправленному воспитательному процессу: овладению педагогическими и психологическими знаниями о возрастных особенностях детей, их нравственного развития и воспитания, обретению педагогических умений по организации целесообразной деятельности ребенка в семье. Большую часть таких знаний и умений родители приобретают в сотрудничестве

с воскресной школой, но еще более важным является сам факт активизации педагогической деятельности родителей, направленной на духовно-нравственное воспитание своих детей. Взаимодействие родителей, педагогов и администрации воскресной школы положительно сказывается на процессе семейного воспитания, позволяет решать значительную часть возникающих проблем, опираясь на нравственные и духовные ценности православной культуры.

Примечания

- 1 Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 4-е изд. М., 1981. С. 327.
- 2 См.: Левецкая И. Б. Воспитание ценностного отношения к семье у старшеклассников в условиях школьного образования : дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д, 2002. 213 с.
- 3 См.: Лесгафт П. Ф. Семейное воспитание ребенка и его значение. М., 1991. 176 с.
- 4 Леднев В. С. Духовно-нравственная культура в образовании человека // Стандарты и мониторинг в образовании. 2002. № 6. С. 4.
- 5 Куломзина С. С. Что значит молиться Богу? М., 2002. С. 22.

УДК 373.2

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОМ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ СО СВЕРСТНИКАМИ

С. С. Прищепа

Московский гуманитарный педагогический институт
E-mail: s.s.prishepa@mail.ru

Статья посвящена проблеме формирования межличностного общения у детей старшего дошкольного возраста со сверстниками; раскрывается система управления данным процессом.

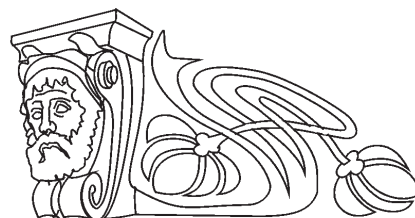
Ключевые слова: общение, межличностное общение, формирование, старшие дошкольники, система управления.

Process Control System Interpersonal Communication at the Senior Preschool Children with Their Peers

S. S. Prishchepa

The article is devoted to the problem of interpersonal communication with peers at children under school age. The system of control this process is revealed.

Key words: communication, interpersonal communication, formation, senior preschoolers, control system.

В качестве одного из важнейших факторов и условий эффективности человеческой деятельности выступает общение. В современном демократическом обществе обостряется противоречие: с одной стороны, существует потребность в гуманном общении между людьми, пронизанном уважением к личности человека, с другой – дефицит доброты, воспитанности, культуры. Это ставит педагогическую науку перед необходимостью формирования межличностного общения со сверстниками у детей, начиная с дошкольного возраста. В рамках Федеральных государственных требований к структуре основной общеобразовательной программы дошкольного образования основными интегративными качествами личности ребенка-выпускника являются

УДК 378.14.014.13

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ-ПЕДАГОГОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ

З. А. Каргина

Московский институт открытого образования
E-mail: karginazoya@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению современных методологических подходов к профессиональной подготовке педагогических кадров сферы дополнительного образования детей. Автором обосновывается необходимость системной интеграции в данной подготовке актуальных методологических оснований, реализуемых в двух образовательных сферах – дополнительном образовании детей и профессиональном педагогическом образовании.
Ключевые слова: методология, дополнительное образование детей, профессиональное педагогическое образование.

Some Theoretical Methodological Principles of Training Students Future Teachers for Their Professional Work in the Sphere of Complementary Education of Children

Z. A. Kargina

The article considers modern methodological approaches to professional training pedagogic personnel for the sphere of complementary education of children. The author is based the necessity for systematic integration into preparation of actual methodological principles which is realized in two educational spheres – complementary education of children and professional pedagogic education.
Key words: methodology, complementary education of children, professional pedagogic education.

Новым стимулом к развитию дополнительного образования детей стало включение в современный Федеральный государственный образовательный стандарт начального и основного общего образования¹ внеурочной работы, одной из составляющих которой рассматриваются различные формы дополнительного образования². Такая ситуация определяет представление о каждом педагогическом работнике общеобразовательного учреждения как о потенциальном участнике названного типа образования, что, в свою очередь, актуализирует необходимость его специальной подготовки.

В настоящее время подготовку студентов педагогических колледжей и вузов к организации дополнительного образования детей можно рассматривать скорее как перспективное направление, чем как сложившуюся массовую практику: опыт такой работы в стране пока единичен. Тем не менее педагогика дополнительного образования включена в новый образовательный стандарт

среднего профессионального образования (специальность 050148), что актуализирует необходимость формирования ее теоретико-методологических оснований³.

Базовым подходом формирования готовности студентов-педагогов к профессиональной деятельности в сфере дополнительного образования детей является системный, в контексте которого названный процесс определяется с двух позиций:

как самостоятельная образовательная система, имеющая собственные концептуальные и содержательные приоритеты;

как подсистема (необходимый элемент) более широкой системы общего и профессионального образования, что предопределяет необходимость соотношения концептуальных и содержательных приоритетов системы и подсистемы.

Взаимодействие названных систем может быть представлено как *определенная последовательность*: актуальные содержательные и концептуальные приоритеты общего образования определяют его запрос на подготовку педагогических кадров, который в условиях профессионально-педагогического образования модифицируется в его собственные теоретические основания и содержание, что, в свою очередь, предопределяет направления подготовки кадров для различных сфер общего образования. Принятие априори необходимости наличия готовности к труду в сфере дополнительного образования детей в структуре профессиональной культуры будущего педагога актуализирует необходимость модификации общих подходов, реализуемых в условиях психолого-педагогической подготовки, в содержание и технологию специальной подготовки студентов педагогических специальностей к профессиональной деятельности в условиях дополнительного образования детей.

Рассматривая формирование исследуемой готовности как части общего и профессионального образования, нужно выявить *источники определения* его приоритетов, базирующиеся на объективном анализе тех процессов, которые происходят во всех образовательных сферах.

Первым источником является *общее образование*, включающее дошкольное, базовое (основное) образование (начальное, среднее и полное среднее), дополнительное образование детей. Все они взаимосвязаны, но не равнозначны:

дошкольное образование ориентировано на общее развитие ребенка и подготовку его к полноценному начальному;

начальное образование дает элементарные научные знания, выполняя роль пропедевтического этапа основного образования;

среднее и полное среднее образование позволяет ребенку получить базовые научно-теоретические знания, являясь пропедевтическим этапом профессионального;

дополнительное образование, будучи неотъемлемой составляющей всех элементов общего, позволяет детям практически применить полученные научно-теоретические знания, создает условия для преемственности всех образовательных сфер и уровней.

В объективный анализ общего образования должны быть, по нашему мнению, включены следующие *позиции*: а) его актуальные теоретические основания; б) содержательные тенденции (государственные стандарты) в этой сфере; в) типичные проблемы развития личности ребенка; г) современные требования к выпускнику общеобразовательного учреждения; д) современные требования к педагогу.

Вторым источником определения приоритетов формирования готовности будущих педагогов к работе в сфере дополнительного образования является *профессиональное образование*, включающее три уровня – среднее педагогическое, высшее педагогическое образование, дополнительное профессиональное образование (повышение квалификации). Эти уровни взаимосвязаны и каждый из них выполняет определенную роль в совершенствовании профессиональной подготовки педагогических кадров:

в процессе среднего образования будущие педагоги получают начальную психолого-педагогическую и методическую подготовку;

в ходе высшего образования – базовую теоретико-методологическую, психолого-педагогическую, методическую и технологическую подготовку;

повышение квалификации ориентировано на актуализацию и обновление научно-теоретических и методических знаний.

Интеграция данных первого и второго источников предполагает их аналогию, что детерминировало включение в объективный анализ профессионально-педагогического образования следующих *позиций*: а) современные методологические подходы в данной образовательной сфере; б) содержательные тенденции (государственные стандарты); в) современные технологии

профессионального образования; г) актуальные требования к выпускнику учреждения профессионального образования; д) профессиональные проблемы педагогов-практиков.

Третий источник определения приоритетов – дополнительное образование детей, включающее получение такого образования детей в условиях специализированных учреждений; в условиях дошкольных и общеобразовательных учреждений; в учреждениях профессионального образования.

При сохранении единых теоретико-методологических подходов дополнительное образование в условиях разных типов образовательных учреждений имеет свои особенности и значение:

в специализированных учреждениях (дополнительного образования детей) оно представляет собой относительно самостоятельный полноценно организованный образовательный процесс;

осуществляемое в дошкольных или общеобразовательных учреждениях является составляющей единого образовательного процесса;

в учреждениях профессионального образования создает условия для расширения профессионально-личностных возможностей будущего специалиста.

Необходимость интеграции данных третьего источника в процесс формирования готовности будущих педагогов предполагает включение в объективный анализ дополнительного образования детей: а) современных методологических подходов в данной образовательной сфере; б) ее актуальных содержательных приоритетов; в) организационных традиций и инноваций; г) требований к педагогу дополнительного образования; д) социального заказа и государственного задания на такое образование. Обобщение и анализ вышеперечисленного позволит сделать процесс формирования исследуемой готовности содержательно актуальным и организационно мобильным.

Методологические основания формирования готовности будущих педагогов к труду в сфере профессионального образования включают два основных аспекта – определение понятия данного процесса и его методологических подходов. С позиций системного подхода этот процесс должен рассматриваться как необходимый элемент дополнительного образования детей и профессионального педагогического образования, что предопределяет актуальность интеграции методологических оснований образовательных сфер.

Интегрируя современные методологические представления о дополнительном образовании детей и профессиональном педагогическом образовании, мы *определяем формирование* исследуемой *готовности* как:

необходимый элемент профессиональной подготовки студентов педагогических специальностей в условиях среднего и высшего образования;

подсистему базовой психолого-педагогической подготовки всех категорий педагогических кадров;

целостный процесс подготовки специалистов дополнительного образования детей, предполагающий оптимальное сочетание процессов формирования необходимых профессиональных знаний, умений и навыков и развития личности педагога;

процесс интериоризации ценностей дополнительного образования детей в профессиональные ценности будущего педагога как основы осознания им своего места и роли в данной образовательной сфере;

условие стабильного функционирования и устойчивого развития государственной системы дополнительного образования детей.

Системный подход позволяет интегрировать методологические и теоретические подходы, реализуемые сегодня как в сфере дополнительного образования детей, так и в сфере профессионального педагогического образования, но данная интеграция будет иметь различный контекст:

а) теоретико-методологические подходы сферы дополнительного образования детей должны быть включены в содержание подготовки студентов педагогических специальностей;

б) методологические подходы сферы профессионального педагогического образования и современные требования (стандарты) к подготовке студентов педагогических специальностей составят методологические основания процесса формирования готовности студентов педагогических специальностей.

Обобщение современных исследований в области дополнительного образования детей и проблем подготовки студентов педагогических специальностей к организации внеучебной и воспитательной работы, дополнительного образования детей (Л. А. Акимова, Н. Н. Андрианова, Л. Г. Диханова, В. Г. Кочеткова, С. В. Обоева и др.) позволяет констатировать, что ряд *методологических подходов* (более десяти), реализуемых в сферах дополнительного образования детей и профессионального педагогического образования, тематически «пересекаются»⁴. Именно они оказывают наиболее значительное влияние на содержательные и организационные аспекты формирования исследуемой готовности. Рассмотрим несколько примеров.

В контексте *аксиологического подхода* базовой идеей содержания специальной подготовки студентов-педагогов становится формирование у них представлений о дополнительном образовании детей как образовательной системе, основанной на понимании личности ребенка. Тогда как в организации данной подготовки важным аспектом становится создание условий для осознания будущими учителями ценности (значи-

мости) названной сферы образования в развитии личности ребенка.

Деятельностный подход диктует необходимость в содержании процесса формирования исследуемой готовности реализовать представление о дополнительном образовании детей как системе практико-ориентированного образования, а организацию специальной подготовки рассматривать как совокупность практико-ориентированных учебных действий студентов.

С точки зрения *компетентностного подхода* основу содержания специальной подготовки составляет понимание дополнительного образования детей как сферы формирования жизненных компетенций ребенка, а организации данного процесса – как подсистемы формирования профессиональных компетенций студента.

Синергетический подход предопределяет содержательной основой формирования исследуемой готовности представление о дополнительном образовании детей как саморазвивающейся подсистемы образования, а организационной основой – процесс саморазвития студента.

С позиций *акмеологического подхода* ведущей идеей содержания рассматриваемого нами процесса становится понимание дополнительного образования детей как сферы личностных и специальных достижений ребенка, а его организационную основу составит представление о специальной подготовке как системе, ориентированной на профессиональные достижения студента.

В логике *комплексного подхода* в содержании процесса формирования исследуемой готовности базовой идеей является понимание дополнительного образования детей как системы комплексного развития личности ребенка, а в организации – понимание специальной подготовки как комплекса профессиональных воздействий на личность студента.

Многоуровневый подход актуализирует реализацию в содержании работы с будущими педагогами представлений о дополнительном образовании детей как системе непрерывного образования личности, а в организации учебного процесса – как поэтапного профессионального становления студента.

В контексте *системного подхода* содержание специальной подготовки определяет понимание дополнительного образования детей как самостоятельной образовательной системы и подсистемы общего образования, а организацию – представление специальной подготовки как подсистемы профессионально-педагогического образования.

Подводя итоги, мы можем сделать следующий *вывод*: интеграция методологических подходов, реализуемых в системе дополнительного образования детей и в системе педагогического образования, в процесс формирования готовности студентов педагогических специальностей к

профессиональной деятельности в сфере дополнительного образования детей позволяет сделать его максимально содержательным и мобильным, а, следовательно, максимально результативным и эффективным.

Примечания

- ¹ См.: Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. Утвержден приказом Минобрнауки России от 22.12.2009 № 373. URL: <http://standart.edu.ru> (дата обращения: 14.09.2011).
- ² См.: Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. Утвержден приказом Минобрнауки России от 17.12.2010 № 1897. URL: <http://standart.edu.ru> (дата обращения: 14.09.2011).
- ³ См.: Методические материалы по организации внеурочной деятельности в образовательных учреждениях, реализующих общеобразовательные программы начального общего образования : приложение к письму Департамента общего образования Минобрнауки России «Об организации внеурочной деятельности

при введении федерального государственного образовательного стандарта общего образования» № 03-296 от 12.05.2011. URL: <http://mon.gov.ru/files/materials/8498/11/05/12-metod.recom.pdf> (дата обращения: 14.09.2011).

- ⁴ См.: *Акимова Л. А.* Формирование готовности педагога к проектированию образовательного процесса в учреждении дополнительного образования детей : дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2007. 158 с. ; *Андрианова Н. Н.* Формирование готовности к профессии педагога дополнительного образования у студентов педколледжа : на примере квалификации «педагог дополнительного образования» в области художественного творчества с дополнительной подготовкой по музыке : дис. ... канд. пед. наук. М., 2001. 176 с. ; *Духанова Л. Г.* Научно-педагогические основы подготовки педагогов дополнительного образования в колледже : дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д, 2002. 240 с. ; *Кочеткова В. Г.* Уровневая подготовка педагогических кадров для системы дополнительного образования детей : дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2003. 190 с. ; *Обоева С. В.* Проектирование авторских учебных программ как основа подготовки педагогов дополнительного образования детей : проективный подход : дис. ... канд. пед. наук. М., 2001. 180 с.

УДК 37.018.1

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ ОРГАНИЗАЦИЮ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЕ

Т. В. Косолапова

Восточно-Сибирская государственная академия образования
E-mail: kosenianev@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы состояния семейного воспитания. После определения задач воспитания и условий их исполнения был проведен анализ проблем, с которыми сталкиваются семьи при воспитании детей. Учитывая накопленный опыт, предложены пути преодоления этих проблем.

Ключевые слова: семейное воспитание, воскресная школа, занятия по педагогике, совместные мероприятия.

Research of Problem of Family Upbringing. Ways of Their Overcoming Through Organization of Educational Work in Sunday School

T. V. Kosolapova

In the article is considered actual questions of condition of family upbringing. At first was defined problems of upbringing and conditions of their execution. Then was done analysis of problems, which families are faced in the time of upbringing of children. Ways of overcoming of this problems have been offered by taking into account cumulative experience.

Key words: family upbringing, sunday school, training of pedagogy, joint activities.

Воскресная школа при храме Александра Невского в г. Иркутске действует более десяти лет. Одним из важных направлений деятельности школы является работа с родителями. На основе этой работы стало возможным проведение исследования проблем семейного воспитания. Результаты исследования помогли откорректировать формы и методы воспитательной работы, составить рекомендации для родителей и педагогов, что способствует укреплению семейных отношений и правильному воспитанию детей.

«Семья – ячейка (малая социальная группа) общества, важнейшая форма организации личного быта, основанная на супружеском союзе и родственных связях, то есть на многосторонних отношениях между мужем и женой, родителями

ПЕДАГОГИКА

УДК 378

ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ ЮРИСТОВ К ДЕЛОВУМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Н. В. Абрамова

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: nataklenin@mail.ru

Статья посвящена изучению проблемы подготовки студентов-юристов к деловому иноязычному общению. Подчеркивается, что профессиональная подготовленность юриста предполагает наличие у них не только правовых знаний, но и сформированности иноязычного делового общения. В статье выявляются аспекты формирования культуры делового общения при изучении иностранного языка, рассматриваются способы организации обучения и положения, при которых должна формироваться культура иноязычного делового общения.

Ключевые слова: деловое общение, юридическая деятельность, иноязычное общение, юрист, профессиональная подготовка.

The Problem of Training of Law Students to the Business Foreign Language Communication in Theory and Practice of Higher Education

N. V. Abramova

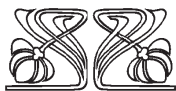
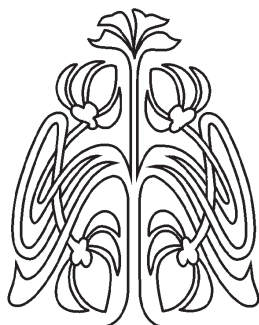
The article is devoted to the study of the problems of training the law students for business foreign language communication. It is emphasis, that the qualification of a lawyer implies not only that they have the legal knowledge, but also forming of foreign language business communication. Aspects of the formation of the culture of business foreign language communication, the ways of organization of training and conditions under which should form the culture of business foreign language communication are considered in this article.

Key words: business communication, legal activity, foreign language communication, lawyer, professional training.

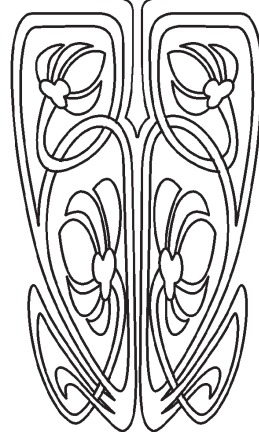
В настоящее время в России процесс становления новой государственности и фундаментальное обновление законодательства нуждаются в квалифицированных юридических кадрах. Сегодня можно утверждать, что значительно возросла социальная значимость юриспруденции, а юридические знания оказались весьма востребованными.

В последнее время поиск новых подходов к обучению студентов юридических специальностей, модернизация юридического образования в России приобретают не только национальное, но и международное значение. Это в основном связано с процессами интеграции и формированием единого образовательного пространства. С точки зрения гражданских интересов, социуму необходима образовательная система, которая может выполнять обучающую, воспитательную, общекультурную и гуманистическую функции.

Прежде чем перейти к вопросу об иноязычной подготовке юристов, нужно рассмотреть сущность юридической работы, ее черты

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

и ответить на вопрос, кто такой юрист. Начнем с краткого определения: юрист – лицо, обладающее профессиональными (фундаментальными и специализированными) знаниями в области права и умеющее применять их в практической деятельности¹. Современный юрист должен обладать развитым юридическим мышлением как наиболее ярким и четким показателем качества знаний. Высококвалифицированный юрист мыслит юридическими категориями, осмысливает факты с помощью четких юридических конструкций и понятий, дает юридическую оценку фактам и юридически правильно их квалифицирует. Вторым после юридического мышления показателем современного специалиста является умение: юрист – это специалист, умеющий применять свои знания на практике, решать юридические вопросы.

Речевая деятельность юриста предполагает общение с различными категориями граждан: умение устанавливать и поддерживать психологический контакт на нужном уровне, влияние на развитие коммуникативных процессов являются его необходимыми качествами. Знание и учёт закономерностей, являющихся основой процесса коммуникации, свободное владение навыками общения образуют такое качество личности юриста, как культура делового общения. При изучении понятия делового общения необходимо учитывать его процессуальные и непроцессуальные формы, основу которых составляют принятые в той или иной сфере общества правила речевого поведения, устойчивые этикетные формулы общения, отражающие внешнюю манифестацию отношения любого человека к окружающим людям и социальным ценностям.

Проблема формирования культуры делового общения студентов в процессе обучения в юридическом вузе представляется актуальной. Это обусловлено тем, что формирование рассматриваемой культуры (процесс целенаправленного и организованного овладения ею студентами как необходимой им для успешной профессиональной деятельности) осуществляется во время профессиональной подготовки будущих юристов, а период обучения в вузе является сензитивным для формирования личности и развития студентов в целом. В процессе обучения у студентов формируются определенные личностные качества, которые в дальнейшем и определяют степень компетентности личности и специалиста.

Профессиональная подготовленность юриста предполагает наличие не только правовых знаний, умений, навыков, усвоенных правовых традиций и стереотипов поведения, но и сформированной культуры иноязычного делового общения. В условиях значительных изменений в современной жизни, смены ценностей и потребностей нашего социума возрастают роль и значение подготовки

специалистов с развитыми коммуникативными способностями. Хороший специалист сегодня должен не только уметь применять знания, полученные в вузе, но творчески и самостоятельно мыслить, владеть навыками коммуникации как на родном, так и на иностранном языках.

Принципами государственной образовательной политики в настоящее время являются развитие личности обучающихся, адаптация высшего образования к уровню и особенностям их подготовки. В настоящее время многие высшие учебные заведения создают программы, учебники, методические рекомендации, которые направлены на получение знаний, формирование умений и навыков. Обязательным условием реализации данных программ является развитие у студентов интеллекта, речемышления, коммуникативной культуры. Это вызвано тем обстоятельством, что задача высшей школы состоит в повышении интеллектуального уровня подготовки будущих специалистов, которые способны осуществлять процесс коммуникации с представителями других культур.

Процесс увеличения взаимозависимости и взаимосвязи различных государств, культур, народов затронул все сферы общественной жизни: происходит постоянное увеличение числа культурных обменов, устанавливаются непосредственные контакты между государственными учреждениями, общественными организациями, социальными группами и отдельными людьми разных стран. Современному обществу необходимы специалисты, которые владеют как навыками иноязычного общения, так и навыками профессионального делового общения с аудиторией. Иностранному языку необходим будущему профессионалу для того, чтобы читать специальные тексты, участвовать в международных конференциях, проводить беседы, переписываться с зарубежными коллегами и т.д.

Владение иностранными языками играет большую роль в юридической деятельности. В современном мире квалифицированному юристу необходимо знание юриспруденции с учетом уметь работать с иноязычными документами, представлять интересы российских предприятий и граждан за рубежом, поэтому возникает потребность в сотрудниках, владеющих иностранными языками.

Обучение иностранному языку в неязыковых вузах, в том числе юридических, имеет специфический, вспомогательный характер, следовательно, процесс иноязычного образования будущих юристов должен быть построен так, чтобы дать студентам как умения и навыки в области практического владения языком, так и специальную подготовку, способствующую формированию личностных качеств, отдельных навыков про-

фессиональной деятельности и культуры общения. Однако интенсивно развивающаяся система профессионального образования не в состоянии обеспечить функционирование и развитие на уровне, необходимом для современного общества: требуются качественные изменения в содержании и технологиях иноязычного образования как составляющих профессиональной подготовки специалистов.

Анализ литературы показывает, что данной проблемой занимаются многие ученые и педагоги-практики²: исследуются проблемы организации учебного процесса³. В последнее время в лингвистике, педагогике, методике обучения иностранным языкам большое внимание уделяется разработкам в области процесса иноязычного образования в контексте взаимодействия культур⁴. Многие ученые разрабатывают вопросы содержания иноязычного образования⁵. Изучаются также дидактические и методические принципы в области обучения иностранным языкам с учётом принципов профессиональной направленности, активности и коммуникативности в обучении⁶. Эти исследования помогают систематизировать знания по данной проблеме, изучить эффективный педагогический опыт и определить, что уровень решения вопросов по формированию культуры делового общения недостаточен в процессе профессиональной подготовки будущих юристов.

Преобразования в жизни общества направлены на расширение межкультурного общения людей. В последнее время при изучении иностранного языка уделяется большое внимание задачам гибкого и социально приемлемого владения речевой профессионально-ориентированной коммуникацией, повышению культуры делового общения при осуществлении иноязычной коммуникации, что связано с важностью иноязычной культуры⁷.

Главной задачей в области обучения иностранному языку в юридическом вузе является наибольшее приближение программных целей содержания обучения к профессионально-ориентированным результатам овладения иностранным языком. Будущие юристы должны понимать, толковать коммуникативные тексты на иностранном языке и решать проблемно-ориентированные задачи в профессиональной сфере. При осознанном овладении иностранным языком студенты способны самостоятельно оперировать иноязычным пространством при решении коммуникативной учебной задачи, использовать методы модификации иноязычного континуума в целях решения возникающих профессиональных задач.

Анализ психолого-педагогической, лингвистической, методической и социологической литературы позволяет выделить некоторые аспекты формирования культуры иноязычного делового общения студентов юридического вуза:

аксиологическую значимость проблемы формирования культуры делового общения при обучении иностранному языку в условиях педагогического процесса вуза;

профессионально-ориентированное обучение иноязычной речи при обучении в неязыковом вузе;

параметры и функции речевой иноязычной коммуникации, включающей проблемную фабулу; социокультурные и психолингвистические характеристики в контексте иноязычной коммуникативной ситуации;

организацию и контроль педагогического взаимодействия студентов в процессе поиска адекватных способов и приемов усвоения иноязычного материала;

методический алгоритм моделирования иноязычного контекста, направленный на оптимизацию иноязычного общения в коммуникативной ситуации;

иноязычную коммуникативную компетенцию, состоящую из лингвистического, социолингвистического, прагматического компонентов и реализуемую через различные языковые действия, относящиеся к рецепции, продукции и взаимодействию; возможна также и медиация – посредничество при устном или письменном переводах.

Многоаспектность рассматриваемой проблемы предопределяет многообразие различных современных образовательных стратегий, используемых в педагогическом процессе высшей школы при изучении иностранного языка. Можно выделить два основных подхода, способа организации обучения:

а) изучение языка на основе использования сокращенной коммуникации;

б) освоение языковых явлений главным образом на основе коммуникации⁸.

Первый подход отражен в грамматико-переводной системе обучения иностранным языкам. Он предполагает освоение иностранных языков на основе изучения грамматических правил и лексики с дальнейшим переходом к конструированию и декодированию (чтению и пониманию устной речи). Как показал многолетний опыт, этот подход является неэффективным. Обучающиеся должны были использовать правила и словарный состав языка, чтобы воссоздавать новый для них язык. В данной ситуации допускалось большое количество ошибок, которые мешали усвоению языка и снижали интерес к его изучению.

Второй подход к изучению языка (через общение) стал более эффективным, однако и такое обучение содержало много недостатков. Качество владения речью на иностранном языке снижалось из-за недостаточного уровня знаний в области механизмов языка, которые сформулированы в виде правил, что приводило к увеличению сроков изучения.

Факт единства языковых правил и действий свидетельствовал, как отмечено в зарубежной и в отечественной педагогической и методической литературе, что наметилось сближение двух подходов в обучении языку. Языковые правила закрепляют закономерности употребления языковых явлений в речи и выполняют в процессе иноязычной речевой подготовки подчиненную, вспомогательную функцию. Процесс общения – это основное действие, с помощью которого осваивается иностранный язык. В процессе коммуникации осуществляется не только обмен мыслями и чувствами, но происходит освоение языковых средств, которым придается обобщенный характер. В то же время анализ современных образовательных стратегий обучения иностранному языку показывает, что можно выделить их некоторые общие основы.

Основным положением для большинства стратегий является принцип активной коммуникации, базирующийся на ситуациях различного характера (от социально-бытовых до проблемных), которые реализуются через работу в группах, в коллективной работе. Эти принципы являются личностно-ориентированными, а их эффективное использование осуществляется в позитивной психологической атмосфере, где каждый чувствует себя комфортно и находится в атмосфере взаимопонимания и активного взаимодействия. В такой ситуации происходит обмен как информацией, так и эмоциями. Создание дополнительной мотивации, которая обеспечивает повышенную заинтересованность обучаемых, является важным моментом в процессе обучения.

Также следует упомянуть, что в современных образовательных стратегиях большую роль играет самостоятельная познавательная деятельность студентов. Поскольку студенты должны проявлять больше самостоятельности, нецелесообразна подача на занятиях готового материала.

Во всех стратегиях отражена необходимость организации иноязычного делового общения: это не означает, что процесс обучения в вузе строится как копия процесса общения, так как в нем существуют параметры, которые нет смысла моделировать с точки зрения обучения – например, «бессистемность» общения, т.е. отсутствие специально направленной организации или подсознательность в овладении формальной стороной речевой деятельности и т.п.

Формирование культуры иноязычного делового общения должно осуществляться при соблюдении следующих положений:

1) определяющим должно быть не «обучение иностранному языку», а «иноязычное образо-

вание», целью которого является становление духовного человека, а содержанием образования – культура, в данном случае – иноязычная культура, имеющая четыре аспекта: познавательный, развивающий, воспитательный и учебный;

2) процесс обучения должен строиться как модель реальной коммуникации, но при этом организовываться так, чтобы студент имел возможность сам познавать и развиваться, овладевать иноязычной культурой;

3) у обучающегося необходимо выработать осознание личностного смысла его участия в образовательном процессе, в овладении иноязычной культурой, что обеспечит становление его как личности, как специалиста, как субъекта родной культуры и как участника будущего диалога культур;

4) постоянное включение студентов в процесс решения задач реального общения, которые связаны с контекстом будущей профессиональной деятельности;

5) организация иноязычного делового общения в ситуациях, которые понимаются не как обстоятельства (на переговорах, на стадионе, в течение судебного процесса и т.п.), а как система взаимоотношений между субъектами обучения;

6) опора на проблемную организацию учебного материала, его коммуникативную значимость и аутентичность.

При такой организации учебного процесса меняется и роль преподавателя, появляется возможность реализации субъект-субъектных отношений в процессе изучения иностранного языка в юридическом вузе.

Примечания

- 1 См.: Алексеев С. А. Введение в юридическую специальность. М., 1976. 256 с.
- 2 См.: Загвязинский В. И. Теория обучения : современная интерпретация : учеб. пособие. 5-е изд., стер. М., 2008. 192 с.
- 3 См.: Беспалько В. П. Слагаемые педагогической технологии. М., 1989. 192 с.
- 4 См.: Верещагин Е. М. Язык и культура. М., 1990. 63 с.
- 5 См.: Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. 2-е изд. М., 1991. 172 с.
- 6 См.: Бим И. Л. Концепция обучения второму иностранному языку (немецкому на базе английского). Обнинск, 2001. 48 с.
- 7 См.: Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие. М., 2000. 264 с.
- 8 См.: Общая методика обучения иностранным языкам. Хрестоматия / сост. А. А. Леонтьев. М., 1991. 383 с.

2011. Т. 11. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 1. С. 95.
- 2 *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. СПб., 2001. С. 89.
- 3 *Сергиенко Е. А.* Принципы психологии развития : современный взгляд // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 24. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 23.09.2012).
- 4 См.: *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб., 1999. С. 398–400.
- 5 См.: *Фельдштейн Д. И.* Психология развития человека как личности : избр. труды : в 2 т. М. ; Воронеж, 2005. Т. 1. С. 228.
- 6 Там же. С. 233.
- 7 *Шамионов Р. М.* К вопросу об адаптационной готовности личности // Адаптация личности в современном мире : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Саратов, 2011. С. 30.
- 8 *Шамионов Р. М.* Внешние и внутренние детерминанты личности в процессе её социализации : дис. ... д-ра психол. наук. Саратов, 2002. С. 112.
- 9 См.: *Гидденс Э.* Социология. М., 1999. С. 87.
- 10 См.: *Анцыферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М., 2006. С. 24.
- 11 *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957. С. 11.
- 12 См.: *Костюк Г. С.* Принцип развития в психологии // Семенов Л. М. Хрестоматия по возрастной психологии : учеб. пособие для студентов : 2-е изд., доп.; под ред. Д. И. Фельдштейна. М., 1996. 304 с.

УДК 37.015.3

УЧЕБНОЕ И МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИ БЕЗОПАСНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Т. Е. Яценко

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка
E-mail: Psychologia86@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению сущности учебного и межличностного педагогического взаимодействия, раскрытию их значения для формирования психологически безопасной образовательной среды.

Ключевые слова: педагогическое взаимодействие, психологическая безопасность, образовательная среда.

Training and Interpersonal Pedagogical Interaction as the Basis of the Formation of Psychologically Safe Educational Environment

T. E. Yatsenko

The article is devoted to the consideration of the nature of the training and interpersonal pedagogical interaction, the definition their importance in the formation of psychologically safe educational environment.

Key words: pedagogical interaction, psychological safety, educational environment.

Модернизация содержания современного образования связана с поиском эффективных механизмов решения сложной задачи: повышения качества обучения и воспитания при сохранении здоровьесберегающего характера образовательной среды. Важнейшим механизмом решения психологического аспекта указанной проблемы выступает удовлетворение базовой потребности школьников в психологической безопасности.

Рассмотрение психологической безопасности как ведущей характеристики образовательной среды связано с такими тревожными фактами, как повышение уровня индивидуальной виктимности школьников, увеличение числа учащихся с психосоматическими заболеваниями и «трудных» школьников. Исследования (А. А. Аладьина, О. О. Андронниковой, И. А. Баевой, И. А. Фурманова) показали наличие низкого уровня психологической безопасности образовательной среды вследствие психологического насилия со стороны педагогов, не осознаваемого ими. Актуальность поиска путей формирования психологически безопасной образовательной среды обусловлена тем, что только такая среда является условием возникновения стремления личности к самоактуализации (А. Маслоу, К. Роджерс), сотрудничеству и поддержанию позитивных отношений с другими людьми (А. Адлер, Э. Эриксон), формирования социальной компетентности и повышения уровня толерантности личности (О. О. Андронникова).

Психологическая безопасность определяется учеными (И. А. Баевой, В. В. Семикиным, Н. Г. Рассохиной) как состояние образовательной среды, гарантирующее личностно-эмоциональную защищенность школьников и удовлетворение их потребности в личностно-доверительном общении, создающее референтную

значимость среды, предотвращающее угрозы для продуктивного устойчивого развития личности¹. Т. С. Кабатченко в качестве главного критерия психологически безопасной среды называет содействие адаптивности личности, ее развитию и сохранению целостности². Г. В. Грачев таким критерием считает защищенность психики от воздействия информационных факторов, затрудняющих формирование социального поведения человека, и содействие среды становлению адекватной системы личностных и субъектно-личностных отношений³. Таким образом, основной инструмент превращения образовательной среды в виктимогенное или психологически безопасное и развивающее пространство – педагогическое взаимодействие, являющееся центральным звеном образовательного процесса, а главный параметр определения среды как психологически безопасной – отсутствие психологического насилия.

Очевидно, что основной субъект, определяющий степень психологической безопасности образовательной среды, – это педагог, поскольку в силу ряда причин (возрастных, ролевых, социальных) ему делегируется право первенства в определении характера взаимодействия со школьниками. Указанные обстоятельства убедительно доказывают необходимость детального психологического анализа педагогического взаимодействия с целью выделения оснований его рассмотрения как главного фактора формирования психологически безопасной образовательной среды.

Педагогическое взаимодействие дифференцируется на два вида: учебное и межличностное. Учебное педагогическое взаимодействие рассматривается как взаимосвязанный процесс обмена воздействиями между учеником и учителем, основанный на их совместной деятельности (Б. П. Битинас, Х. И. Лейметс, В. Я. Ляудис, В. Д. Масный, М. И. Смирнов, С. Е. Хозе), а межличностное педагогическое взаимодействие – как процесс, основанный на межличностном общении и оказывающий психотерапевтический эффект (Л. В. Байбородова, Я. Л. Коломинский, В. В. Новиков, Н. Ф. Родионова, Н. Н. Обозов, С. И. Хохлов).

Проанализировав типологию взаимодействия, предложенную И. В. Вачковым, мы пришли к выводу, что межличностное педагогическое взаимодействие можно обозначить как полисубъектное, а учебное педагогическое взаимодействие – как деятельностное⁴. При этом межличностное педагогическое взаимодействие является более широким понятием, чем учебное педагогическое взаимодействие, поскольку при учебно-педагогическом взаимодействии происходит ограничение межличностного познания, взаимоотношений и педагогического общения содержанием совместной деятельности. В то время как межличностное педагогическое взаимодействие определяет ха-

рактер учебного взаимодействия, его смещение к полюсу продуктивности – непродуктивности, включающему сотрудничество, компромисс или конфронтацию. Оно основывается на реализации принципа персонализации, означающего, согласно А. Б. Орлову, отказ педагога от ролевых масок в общении и включение в него элементов личного опыта⁵.

На основе анализа ряда исследований нами выделены главные критерии психологически безопасного педагогического взаимодействия. Для учебного педагогического взаимодействия таким критерием выступает продуктивность (В. Я. Ляудис) как совместная и равнопартнерская включенность учителя и учащихся в деятельность, предполагающая поощрение мыслительной активности школьников и формирование у них ощущения интеллектуальной состоятельности. Для межличностного педагогического взаимодействия – это критерий конструктивности (С. В. Кривцова) как содействие ощущению учениками своей коммуникативной состоятельности и причастности к педагогическому общению.

Следует обратить внимание на то, что если учебно-педагогическое взаимодействие может планироваться учителем заранее при составлении плана-конспекта урока, то межличностное педагогическое взаимодействие должно строиться с учетом конкретной педагогической ситуации, что обуславливает сложность его компетентной реализации с соблюдением принципа психологической безопасности, особенно молодыми педагогами.

Рассмотрим основные линии нарушения в педагогическом взаимодействии принципа психологической безопасности образовательной среды. Во-первых, рассмотрение учащегося только в одной плоскости – как обучаемого (ориентация на учебное педагогическое взаимодействие) – приводит к депривации значимых для него межличностных отношений в системе «учитель – ученик» и может, как утверждает И. В. Дубровина, стать причиной дидактогенного невроза⁶. Во-вторых, несформированность у педагогов умения оказывать не только интеллектуальную, но и, прежде всего, эмоциональную поддержку приводит к повышенной школьной тревожности и заниженной самооценке учащихся, блокирует их усилия по преодолению внешних и внутренних препятствий⁷. В-третьих, результатом рассогласования цели и методов ее достижения (применение учителем для реализации конструктивных воспитательных целей методов психологического насилия: игнорирования и равнодушия, угроз наказанием или снижением авторитета перед значимым окружением, психологических ловушек, обесценивания, высмеивания, частых замечаний, оскорблений) становится переживание школьниками длительного психологического напряжения.

Анализ трех групп психологических рисков образовательной среды, выделенных О. И. Леоновой и И. А. Басовой, показал, что две из них (психологическое насилие и депривация потребности в личностно-доверительном общении) обусловлены неконструктивным педагогическим взаимодействием. Степень психологической безопасности образовательной среды во многом связана с согласованностью внутренней (образ учащегося, взаимоотношение, межличностное понимание) и внешней (педагогическое общение) сторон педагогического взаимодействия. Очевидно, что, в первую очередь, основа формирования психологически безопасной образовательной среды – внутренняя сторона педагогического взаимодействия. Именно толерантность в восприятии школьников определяет толерантность учителя в педагогическом общении⁸. Влияние внутренней стороны педагогического взаимодействия на внешнюю сторону проявляется в том, что отношение учителя к учащимся определяет форму обращения, степень ее тактичности, качественные психоло-

гические особенности (эмоциональность и выразительность) и интенсивность общения.

Важно отметить, что позитивное отношение учителя к учащимся не всегда обеспечивает адекватное выражение этого отношения и компетентный характер педагогического общения. Данное рассогласование находит выражение в несогласованном положительно-отрицательном типе педагогического взаимодействия⁹: положительное отношение учителя к школьникам сочетается с внешне демонстрируемой эмоциональной холодностью и отстраненностью, что свидетельствует о необходимости целенаправленного формирования у будущих и практикующих педагогов психологических компетенций в области педагогического взаимодействия.

На основе анализа показателей психологически безопасной среды и структуры педагогического взаимодействия нами выделены критерии внешней и внутренней сторон педагогического взаимодействия, определяющие высокий и низкий уровень психологической безопасности образовательной среды (таблица).

Критерии психологической безопасности образовательной среды

Критерии	Психологическая безопасность образовательной среды	
	Высокая	Низкая
Стиль взаимодействия	Согласованно-положительный	Согласованно-отрицательный
Виды воздействия	Косвенное (совет, просьба), организующее	Прямое (приказ, требование), виктимизирующее
Стратегия воздействия	Диалогическая	Императивная, манипулятивная
Цель воздействия	Развитие школьников	Самоутверждение
Виды вербальных реакций	Оценочные (положительные, объективные), мобилизующие	Оценочные (отрицательные, несправедливые), наступательные, провоцирующие
Педагогическая и коммуникативная задачи	Осознаются педагогом, согласованы	Коммуникативная задача не ставится, противоречие педагогической задачи и коммуникативных средств
Техники слушания	Активное, рефлексивное и эмпатическое	Пассивное и критическое
Позиции	«На равных»	Категоричного противостояния «Я – они»
Стратегии самопрезентации	Позитивная	Наступательная, оборонительная и предохранительная
Отношение к ученику	Устойчиво положительное, симпатия, уважение	Ситуативное, отрицательное, антипатия, пренебрежение
Образ ученика	Объективное выделение положительных и отрицательных характеристик личности ребенка	Субъективное выделение преимущественно отрицательных и игнорирование положительных характеристик
Межличностное понимание	Рефлексивно-личностный уровень отражения (восприятие устойчивых свойств личности учащегося); когнитивно сложное отражение	Предметно-операциональный уровень отражения (понимание текущей информации о психических состояниях и поведении ученика)

В целом выбор учителем вида (учебное или межличностное) и характера (психологически безопасное или виктимогенное) педагогического взаимодействия является полидетерминиро-

ванным. Структурируем факторы, его определяющие. Во-первых, предпочитаемая модель педагогической деятельности: субъектно-ориентированная (А. У. Хараш) основана на учебном,

а лично-ориентированная (К. Роджерс, И. С. Якиманская) – на межличностном педагогическом взаимодействии; во-вторых, опыт взаимодействия молодых педагогов с учителями в школе и преподавателями в вузе и усвоенные модели педагогического общения; в-третьих, система ценностей, психологические качества (способность к децентрации, рефлексивность, эмпатийность, толерантность), когнитивный стиль (полнезависимый – полезависимый), профессиональная деформация личности учителя, степень индивидуальной виктимности, понимание личностных границ, своих и школьников, определяющие восприятие педагогической деятельности и мировосприятие; в-четвертых, уровень психологической компетентности педагогов, сформированность активной позиции, направленной на повышение психологической безопасности образовательной среды, а также владение способами воздействия на школьников, являющимися альтернативными насильственным способам.

Таким образом, характер учебного и межличностного педагогического взаимодействия в значительной степени определяет уровень психологической безопасности образовательной среды. Соответственно, необходимо формирование психологической компетентности педагогов в области педагогического взаимодействия, которая, будучи основанной на гуманистической направленности личности и ценностном отношении к субъектам и процессу взаимодействия, позволит

существенно снизить уровень психологического насилия в школах и обеспечить психологическую безопасность школьников.

Примечания

- ¹ См.: *Баева И. А., Семикин В. В.* Безопасность образовательной среды, психологическая культура и психологическое здоровье школьников // *Вестн. практ. психологии образования.* 2005. № 3(4). С. 12.
- ² См.: *Кабаченко Т. С.* Нарушение психологической безопасности в контексте профессионализма : дис. ... канд. психол. наук. М., 2000. 409 с.
- ³ См.: *Грачев Г. В.* Информационно-психологическая безопасность личности : состояние и возможности психологической защиты. М., 1998. 125 с.
- ⁴ См.: *Вачков И. В.* Такие разные группы // *Школьный психолог.* 2004. № 11. С. 16–18.
- ⁵ См.: *Орлов А. Б.* Проблемы психолого-педагогической подготовки учителя // *Вопр. психологии.* 1988. № 1. С. 22.
- ⁶ См.: *Психическое здоровье детей и подростков в контексте психологической службы / под ред. И. В. Дубровиной.* Екатеринбург, 2000. 176 с.
- ⁷ См.: *Митина Л. М.* Психология труда и профессионального развития учителя. М., 2004. С. 18.
- ⁸ См.: *Поваренков Ю. П.* Психологическое содержание профессиональной толерантности учителя // *Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. Сер. Психология.* 2005. № 1. С. 66–70.
- ⁹ *История психологии в Беларуси : хрестоматия / сост. Л. А. Кандыбович, Я. Л. Коломинский.* Минск, 2004. С. 44.

особенности, помня, что задача одна, а ресурсы юношей и девушек – разные.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Развитие адаптационных способностей выпускников школы в процессе взаимодействия с образовательной средой» (грант № 11-06-00716а).

УДК 316.6:159.923

ПРИНЦИП ДИАХРОНИИ В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Р. М. Шамионов

Саратовский государственный университет
E-mail: shamionov@mail.ru

В статье рассматриваются методологические основания исследования социализации личности. Подчеркивается необходимость процессуального анализа инстанций личности с точки зрения обретения ими социального контекста. Раскрывается методологический принцип диахронии применительно к исследованиям социализации личности. Обозначаются контуры системно-диахронического подхода к социализации личности.

Ключевые слова: личность, инстанция личности, социализация, система, диахронность, системно-диахронический подход.

Principle of Diachrony in Study of Socialization

R. M. Shamionov

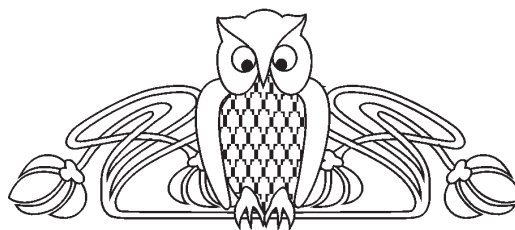
This article discusses the methodological foundation of the study of socialization of personality. Stresses the need for procedural analysis of levels of identity from the point of view of their social context. Expands the methodological principle of synchronic studies of socialization. Presents the contours system-synchronic approach to socialization.

Key words: personality, personal instance, socialization, system, diachronic, system-diachronic approach.

Исследование социализации личности в условиях динамичных общественных изменений сталкивается с недостаточной разработанностью его теоретико-методологических оснований. Понимание социализации как процесса, ограниченного усвоением правил поведения или социальных норм, оказывается совершенно неадекватным требованиям к социальной психологии как науке, ориентированной на системное изучение личности как представителя определенной группы с точки зрения ее взаимоотношений (связей) с другими, включения в деятельность различных групп и реализации социального поведения (активности) и самореализации в обществе. Назрела необходимость изучения становления социально-психоло-

Примечания

- ¹ См.: Вовченко О. М. Гендерное равенство как социально-философская проблема. М., 2000. С. 77–78.
- ² Приводится по: Поленина С. В. Гендерное равенство : проблема равных прав и равных возможностей мужчин и женщин : учеб. пособие для студентов вузов. М., 2005. С. 18.

гического содержания личности, того, что можно было бы назвать социальностью как инстанции, возвышающейся над усвоенными нормами или аттитюдами. Между тем ее формирование связано и с усвоением этих норм, и адаптацией поведения, и другими явлениями, что требует раскрытия всей системы сложных взаимоотношений личности со средой, а также между различными инстанционными образованиями самой личности.

В процессе социализации личности как ее общесистемные, так и компонентные изменения связаны с рядом общих и частных механизмов. Становление личности в процессе ее социализации происходит неравномерно и разновремено. Это связано с внешней и внутренней детерминацией, сменой оснований и условий, что приводит к множеству функциональных и динамических изменений подсистем и их координации в *многоуровневой системе*.

Содержание личности в процессе социализации меняется сообразно «движениям» ее инстанций в зависимости от условий социализации. Поэтому невозможно вывести общие для всех временные ограничения ее этапов и стадий. Однако механизмы социализации и движения инстанций вполне предсказуемы. Это связано с тем, что система личности включена в метасистему с заданными исторически сложившимися значениями, в которых закреплены принципы сосуществования (за счет этого и существуют общества). Необходимо особо отметить и то, что личность в процессе своей социализации выступает не только как *реактивное* существо, но и активное и творческое: речь идет о самодетерминации, саморазвитии, самотворении, а также выборе тех групп, общностей, в которых

она приобретает соответствующий социальный опыт. Ранее нами было показано, что личность как субъект «...не только способна усваивать социальную информацию, но и организовывать ее; она формирует отношение к внешним объектам (и самой себе) исходя из имеющейся организации и опыта, который образуется в результате взаимодействия с миром и другими людьми»¹.

Тем не менее одной из наиболее важных задач социальной психологии применительно к проблеме социализации личности является отслеживание характера процессуальности, темпоральности, определение изменений различных инстанций личности во временной перспективе. Решение этой задачи связано с принятием принципа диахронии как важнейшего методологического основания исследований социализации и развития личности. Принцип диахронии применительно к социализации предполагает не только отслеживание процессуальности, но, прежде всего, поиск прогрессивных и регрессивных изменений инстанционных образований личности, отслеживание согласованности и рассогласованности их становления на разных его этапах. Диахрония отражает внутренние изменения системы – на уровне смены доминирующих подсистем, изменений качеств подсистем, меняющихся координационных отношений и т.п. Ранее нами было показано, что в процессе социализации происходит смена оснований, преобразование критериальных образований (интегральных инстанций личности) в детерминанты, обуславливающие сложную динамику различных характеристик личности.

Социально-психологическое исследование социализации личности как системного явления предполагает анализ и межфункциональных связей, и отношений в динамике. Б. Г. Ананьев отмечал, что становление свойств личности протекает неравномерно и гетерохронно; это накладывается и на гетерохронность созревания индивида, что «...усиливает общий эффект разновременности основных состояний человека»². Кроме того, существует не только гетерохронность различных психических функций, определяемая общим онтогенезом, но и гетерохронность, определяемая социальными воздействиями, разновременным включением в различные и разнородные группы. В этом отношении можно вполне определенно обнаружить то, что социализированность разных индивидов может иметь свою временную специфику и перспективу. Гетерохронность (разновременность) созревания различных характеристик личности в процессе ее социализации проявляется в том, что различные установочные образования, поведенческие паттерны, модели ролевого поведения, свойства личности, во-первых, не сразу становятся устойчивыми характеристиками и, во-вторых, не в одинаковой динамике приобретают это свойство (устойчивость). Поэтому, анализируя

различные эффекты социализации личности, необходимо учитывать не только гетерохронность личностных образований, но и сопутствующие ей изменения других «рядов развития».

Разновременность (гетерохронность) становления различных характеристик личности предполагает не просто рост отдельных характеристик, а их качественное изменение, благодаря чему происходит скачок в возникновении отдельных образований. Как правило, это связано с синхронными изменениями отдельных характеристик. Между тем не только синхронность, но и диахронность различных характеристик личности в процессе социализации дают эффект скачка.

Одним из немаловажных аспектов диахронии является разнонаправленность изменений по отношению друг к другу различных составляющих личности. Во многих исследованиях, ориентированных на изучение развития или социализации личности, делается акцент на непрекращающемся росте, прогрессе – конечном или неограниченном (в том числе и временем). Однако особую роль как в социализации, так и развитии личности играют регрессивные изменения. В работе Е. А. Сергиенко отмечается, что регресс отдельных функций – закономерное явление развития. Он «...характеризуется таким движением исходных форм, которое приводит к понижению уровня их организации, к сужению функциональных возможностей системы, возрастанию ее специализации, снижению зависимости от частных элементов среды, замедлению темпов ее развития»³. Вместе с тем регресс одних функций, как правило, одновременно означает прогресс других. В наших исследованиях и в исследованиях наших аспирантов регрессивные изменения отмечались в «преддверии» грядущих прогрессивных изменений. Это обнаруживалось относительно и одной функции, и разных функций.

Реализация системно-диахронического подхода предполагает раскрытие как системно-структурных особенностей объекта, так и его динамических характеристик, включая множественные изменения его составляющих. Следовательно, предполагается анализ внутренних движений, нарушающих баланс системы и служащих основой активности личности. Социально-психологический анализ этих изменений позволяет определить наиболее значимые, с точки зрения социальной активности, движения системы. Иначе говоря, важным обстоятельством становится не просто анализ определенных социально-психологических характеристик, а изучение их конфигурации, соотношений, выдвигания одних (роста, стабилизации) и регрессивных изменений (спада) других. В связи со сказанным особое значение приобретает адаптация и дезадаптация, интеграция и дезинтеграция, индивидуализация и деиндивидуализация, конгруэнтность и неконгруэнтность

личности в условиях социальных отношений. Объект, обладающий признаками системы, имеет множество подсистем. В процессе социализации личности ее подсистемы вступают в различные отношения друг с другом, в результате чего происходит их изменение и изменение всей целостной системы.

Между тем необходим анализ связи «системы личности» и «системы воздействия на личность (в результате взаимодействия)». Здесь речь идет не столько о целенаправленном воздействии, реализующемся в системе воспитания, сколько о воздействии внешних условий, например, массовой культуры, медиапространства, малой группы в ситуации группового общения и т.п. Взаимодействие систем и оценка его результата – весьма трудная сфера для исследования, требующая длительного отслеживания ближних и дальних перспектив (ретроспектив). Тем не менее такой анализ дает позитивные результаты. Например, исследования, предпринятые Л. Д. Ирон, показали наличие устойчивой во времени взаимосвязи между предпочтением телепрограмм с насилием в детстве и агрессивным поведением⁴. Здесь важным обстоятельством является то, каким образом подобные взаимодействия систем приводят к диахроническим изменениям различных инстанций личности и насколько эти изменения устойчивы во времени. Поскольку признается факт временности диахронии, требуются исследования, проливающие свет на проблему устойчивости, так как от ответа на этот вопрос зависит вся система ресоциализации, например, организуемая специально, и другие вопросы.

Введение принципа диахронии в исследование социализации позволяет выяснить ряд вопросов процессуального и содержательно-динамического характера. Во-первых, принятие принципа диахронии выводит исследования социализации на уровень анализа глубинных изменений, сопровождающих становление характеристик личности. Это значит, что противоречия, обнаруживаемые в динамике различных характеристик личности и интегральных инстанций, становятся познаваемы с точки зрения этого процесса. Они выступают необходимой его составляющей и обуславливают общее «движение» личности сообразно социальной ситуации (эпохе, социально-демографическим изменениям, меняющимся объективным социальным связям или отношениям личности, в том числе и их расширению и сужению). Во-вторых, позволяет отследить скрытую динамику в становлении различных характеристик личности, особенно однородных внутрифункциональных. В-третьих, изучение разнонаправленной процессуальности дает возможность более точно определить так называемые кризисные этапы становления личности, поскольку во взрослости (это особенно видно) социальная адаптация (дез-

адаптация), предшествующая процессу присвоения значений в соответствующей области человеческих отношений, предполагает приспособление, в котором сталкиваются различные поведенческие паттерны и ценностно-смысловые образования. В-четвертых, движение инстанций личности (оснований, детерминант) выводит на передний план не только исследование актуальных изменений, но и потенциальных, поскольку от них зависит и последующее изменение всей системы. Наконец, диахронность применительно к социализации означает еще и понимание объективных различий в становлении критериальных образований социализации у различных индивидов.

Основанием же и синхронии, и диахронии выступает собственная субъективность личности. Субъективность проявляется в пристрастности к происходящим событиям как на уровне событий, ситуаций, так и на уровне самой личности, ее переживаний и отношений. Конечно, субъективная оценка всегда соотносена с множеством внешних оценок (как объективных, так и ранее усвоенных самой личностью), но в своей основе она, прежде всего, соотносена с ее потребностями. В. В. Новиков заметил, что так называемые высшие потребности являются своего рода обходными путями удовлетворения низших. Между тем чем выше социализированность личности, тем более значимы мотивы, основанные на социальных потребностях – в принятии, признании, эмоциональном обмене и т.п.

Невзирая на, казалось бы, универсальность социализационных схем, институтов и агентов, результаты социализации оказываются не едиными для всех, что связано с огромным множеством вариаций диахронии, связанной с различными условиями социализации. Между тем в процессе социализации формируются наиболее общие схемы, значения, модели поведения, наполняемые индивидуально определяемым социальным контекстом в актуализируемой социальной активности каждой личности, поэтому, кстати, весьма важным обстоятельством выступают в этом процессе те социальные продукты, которые направлены на снижение барьера критичности, что порою приводит к совершенно неожиданным результатам, в том числе и асоциальным. Д. И. Фельдштейн отмечает важность понимания социализации как реализации в человеке индивидуально-социального⁵, а в качестве главного критерия социализированности – ее независимости, инициативности, самостоятельности, проявляющихся в реализации социального в индивидуальном⁶. В этом отношении важным представляется изучение разнонаправленности социализации личностей с определенными вариациями, типами.

Выявление диахронии и синхронии применительно к различным условиям социализации позволит в немалой степени прогнозировать

социальное поведение, определить условия социальной активности, а также оказать помощь тем, чьи социальные связи нарушены по вполне объективным или субъективным причинам, в случае затяжной социально-психологической дезадаптации, не позволяющей в полной мере включиться в процесс социализации (в том числе при изменении образа жизни, потере связи с поколением или отлучении от прежних социальных связей).

Особенно значимы исследования диахронии и синхронии в социализации личности в условиях агрессивной к ней среды. Речь идет об агрессивности, связанной с признаком любой инаковости. Само определение инаковости в большей мере связано с социальными установками, это может касаться даже общества близких людей. Например, ряд психиатров отмечает сильную дезадаптацию психически больных в период ремиссии (который может длиться годами). То же самое касается реабилитации (вернее, ресоциализации) лиц, социальные связи которых длительное время были ограничены какими-либо явными или условными границами (не обязательно в обществе асоциальных личностей).

Вполне очевидно, что диахрония и синхрония наиболее интенсивны в периоды высокой динамики процесса социализации. Но, поскольку это процесс циклический, регрессирующие элементы на одних этапах могут давать скачок на других. Это может быть связано с их востребованностью в новых условиях. Равно как имеется множество элементов, так или иначе нивелирующихся со временем, как, например, возрастно-групповые ритуалы. Однако и эти элементы не уничтожаются, сохраняясь в схеме опыта, присвоенных значениях.

Важное значение при анализе временного аспекта социализации принадлежит адаптации личности. Это явление играет принципиальную роль в процессе социализации и ресоциализации. Сложность, легкость адаптации, наличие (отсутствие) адаптационной готовности связаны с социализацией. Однако адаптация, зависящая от определенной конфигурации психофизиологических свойств (а также тренинга), во многом предопределяет временные параметры социализации личности. Нами ранее отмечено, что «... между адаптацией и социализацией существуют сложные отношения. Присвоение норм, установок, ролей (в том числе актуализация латентных) выступает средством адаптации и тем самым изменения поведения в соответствии с ситуацией»⁷. Однако она выступает и важным механизмом социализации: «...адаптация к конкретной группе может означать “примерку” детерминант личности к ожидаемым группой поведенческим проявлениям, определение адекватности внешних детерминант личности (т.е. отраженной структуры внешних норм и отношений) объективным показателям

среды, с одной стороны, и изменения внутренних детерминант в силу изменившихся внешних – с другой (это своего рода процесс внутреннего уравнивания). В процессе многочисленных преобразований внешних, а затем и внутренних детерминант образуется локальная субинформация, наиболее приемлемая для функционирования личности в данной группе»⁸. Э. Гидденс, описывая процесс ресоциализации заключенных фашистских концлагерей, отмечал, что для «запуска» ресоциализации принципиальным моментом была дезадаптация заключенных⁹. В данном конкретном случае наблюдались регрессивные изменения целого ряда характеристик, но они обеспечили прогресс новых, соответствующих для данных условий. Вполне очевидно, что ресоциализация – не одномоментное явление и для ее запуска должны быть такие изменения внешних (или внутренних) условий, при которых возникает практически полная несогласованность имеющихся форм приспособления к ситуации и требуемых в данный момент. Это противоречие становится основанием для регресса одних функций и прогресса других.

Необходимо понимать, что социальный опыт представлен не в «чистом» виде. В процессе социализации присваиваются значения, а порой даже социальный контекст как то, что в индивидуальной жизни субъекта обладает общественной значимостью, разделяемой Другими. Одним из таких важных значений выступает поведенческий паттерн, который изначально может быть представлен в развернутом виде. Вместе с тем для того, чтобы какое-то значение было присвоено, необходимо, чтобы оно каким-то образом было связано с удовлетворением потребности, было эмоционально привлекательно. Поэтому поведенческий паттерн может быть присвоен, если он привлекателен, или за счет привлекательности социального контекста, в котором он используется. Необходимо обратить внимание на то, что значения, присваиваемые личностью, имеют разные (с точки зрения их «применимости», актуализации) характеристики. Имеются значения, применимые как таковые, они представлены в обыденном сознании в виде паттернов поведения (как правильно поступить) и, соответственно, ограничены либо ситуативным контекстом, либо неписанным кодексом соответствующих групп. Однако в течение всего процесса социализации (и на фоне первичной, поведенческой) происходит усвоение универсальных, отвлеченных значений, которые могут набирать свою силу латентно. В этом отношении также часто вступает в силу диахрония, при которой прогресс усваиваемых значений оборачивается регрессом, в результате чего они вытесняются из центральных в периферийные зоны структуры и наоборот. Нечто подобное происходит и со свойствами личности,

приобретающими в процессе социализации тот самый социальный контекст, благодаря которому они характеризуют человека как социальное существо.

Отметим также и то, что не всегда усвоение значений сопровождается их оценочностью. Так, смысл и оценка определенных ролевых позиций, паттернов поведения, ценностей и установок, которыми личность обладает, могут постигаться уже в процессе их объективации либо самой личностью, либо Другими. Как отмечают исследователи психологии смысла, это образование не есть раз и навсегда задаваемое. Иначе говоря, в различных обстоятельствах жизни человека возникает потребность надления смыслом не только своего объективного бытия, но и тех событий, которые происходят с Другими. Однако надление смыслом – это есть, в первую очередь, присвоение событию значения, что обусловлено всем ходом социализации, в процессе которой и происходит накопление этих значений (в том числе и через индивидуальное творчество). В этом отношении индивидуальность можно понимать как своего рода эффект социализации.

Процессуальный аспект социализации заключается и в том, что ни одна характеристика личности не возникает одновременно: это происходит через накопление, созревание, что представляет собой «функциональное развитие»¹⁰. Между тем каждое личностное образование выступает в этом отношении как синтетическое, поскольку не существует независимо от других. А внешнее воздействие вызывает внутренние изменения личности только в том случае, когда оно накладывается на определенное соотношение инстанционных образований (вспомним слова С. Л. Рубинштейна: «...внешнее воздействие определяет психическое явление лишь опосредствованно, преломляясь через свойства, состояния и психическую деятельность личности, которая этим воздействиям подвергается»¹¹).

Кроме того, ввиду наличия временного лага между восприятием явления и формированием соответствующего значения происходит значительная его модификация, что также накладывает отпечаток на содержательно-динамические изменения характеристик. Однако сформированная характеристика не является неизменной. Как отмечал Г. С. Костюк, возникают противоречия между тенденцией к инертности, стереотипии, устойчивости, в чем проявляется стремление живой системы к сохранению испытанных и оправдавших себя связей, способов действия, и тенденцией к подвижности, изменчивости, связанной с необходимостью их модификации под влиянием новых жизненных ситуаций¹². Иначе говоря, формирование и личностного образования в процессе социализации личности, и различных представлений могут быть подвержены изменени-

ям, поэтому происходит изменение и внутренней регуляции поведения.

Таким образом, системно-диахронический анализ процесса социализации предполагает выявление не только линейной динамики отдельных характеристик во времени, но и качественной динамики в самой системе – системных изменений (смены оснований, центральных, ядерных характеристик доминирующих инстанций), детерминант и т.п. Поэтому мы предлагаем, например, рассматривать два рода критериев социализации – те, которые обладают свойством накопления, т.е. меняются более или менее линейно, и те, которые сменяют друг друга в зависимости от объективных изменений: на каждом этапе появляется свой маркер, свидетельствующий о глубине и качестве социализации, благодаря которому возникает не только своего рода согласованность со средой, но и согласованность с собой, выражающаяся в удовлетворенности собой, своей деятельностью, общением, отношениями и т.п.

Применение системно-диахронического подхода к изучению социализации личности позволяет прояснить и вопрос о нормативности, ненормативности и издержках социализации. Прогресс в одном направлении сопровождается регрессом в другом, но связана эта динамика с неизбежными столкновениями транслируемых норм, значений внешними инстанциями разного порядка (слоя), т.е. в процессе и результате взаимодействия разных систем. Кроме того, понимание ненормативности социализации как имеющей те же механизмы, что и нормативная, позволяет выяснить причины, факторы и условия формирования личности, далекой от общественных идеалов, а также диалектичность самой социализации, в результате которой оформляются, говоря словами К. Г. Юнга, «функционально равноценные» противоположности – касается это норм, ролевых позиций, паттернов поведения или свойств личности. Явные издержки социализации представляют собой крайние проявления как прогрессивных, так и регрессивных изменений.

Наконец, не менее актуальны исследования внутрисистемной и межсистемной диахронии, когда внутрисистемные разнонаправленные изменения инстанций накладываются на противоречивые изменения внешних инстанций, а также имеются противоположные изменения связанных систем.

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках проекта «Социально-психологический анализ процессов социализации и адаптации личности в условиях динамично развивающегося общества» (№14.1337.21.1009).

Примечания

¹ Шамионов Р. М. Личность как субъект отношений и взаимоотношений // Изв. Сарат. ун-та. Новая сер.

2011. Т. 11. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 1. С. 95.
- 2 *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. СПб., 2001. С. 89.
- 3 *Сергиенко Е. А.* Принципы психологии развития : современный взгляд // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 24. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 23.09.2012).
- 4 См.: *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб., 1999. С. 398–400.
- 5 См.: *Фельдштейн Д. И.* Психология развития человека как личности : избр. труды : в 2 т. М. ; Воронеж, 2005. Т. 1. С. 228.
- 6 Там же. С. 233.
- 7 *Шамионов Р. М.* К вопросу об адаптационной готовности личности // Адаптация личности в современном мире : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Саратов, 2011. С. 30.
- 8 *Шамионов Р. М.* Внешние и внутренние детерминанты личности в процессе её социализации : дис. ... д-ра психол. наук. Саратов, 2002. С. 112.
- 9 См.: *Гидденс Э.* Социология. М., 1999. С. 87.
- 10 См.: *Анцыферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М., 2006. С. 24.
- 11 *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957. С. 11.
- 12 См.: *Костюк Г. С.* Принцип развития в психологии // Семенов Л. М. Хрестоматия по возрастной психологии : учеб. пособие для студентов : 2-е изд., доп.; под ред. Д. И. Фельдштейна. М., 1996. 304 с.

УДК 37.015.3

УЧЕБНОЕ И МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИ БЕЗОПАСНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Т. Е. Яценко

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка
E-mail: Psychologia86@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению сущности учебного и межличностного педагогического взаимодействия, раскрытию их значения для формирования психологически безопасной образовательной среды.

Ключевые слова: педагогическое взаимодействие, психологическая безопасность, образовательная среда.

Training and Interpersonal Pedagogical Interaction as the Basis of the Formation of Psychologically Safe Educational Environment

T. E. Yatsenko

The article is devoted to the consideration of the nature of the training and interpersonal pedagogical interaction, the definition their importance in the formation of psychologically safe educational environment.

Key words: pedagogical interaction, psychological safety, educational environment.

Модернизация содержания современного образования связана с поиском эффективных механизмов решения сложной задачи: повышения качества обучения и воспитания при сохранении здоровьесберегающего характера образовательной среды. Важнейшим механизмом решения психологического аспекта указанной проблемы выступает удовлетворение базовой потребности школьников в психологической безопасности.

Рассмотрение психологической безопасности как ведущей характеристики образовательной среды связано с такими тревожными фактами, как повышение уровня индивидуальной виктимности школьников, увеличение числа учащихся с психосоматическими заболеваниями и «трудных» школьников. Исследования (А. А. Аладьина, О. О. Андронниковой, И. А. Баевой, И. А. Фурманова) показали наличие низкого уровня психологической безопасности образовательной среды вследствие психологического насилия со стороны педагогов, не осознаваемого ими. Актуальность поиска путей формирования психологически безопасной образовательной среды обусловлена тем, что только такая среда является условием возникновения стремления личности к самоактуализации (А. Маслоу, К. Роджерс), сотрудничеству и поддержанию позитивных отношений с другими людьми (А. Адлер, Э. Эриксон), формирования социальной компетентности и повышения уровня толерантности личности (О. О. Андронникова).

Психологическая безопасность определяется учеными (И. А. Баевой, В. В. Семикиным, Н. Г. Рассохиной) как состояние образовательной среды, гарантирующее личностно-эмоциональную защищенность школьников и удовлетворение их потребности в личностно-доверительном общении, создающее референтную

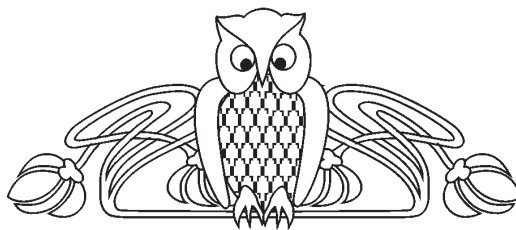

УДК 159.922.8

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИОННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛЫ

Л. Е. Тарасова

Саратовский государственный университет
E-mail: let01@mail.ru

В статье теоретически осмысливается феномен взаимодействия человека и среды в условиях нестабильности и динамичности современной жизни, разрабатываются прикладные аспекты оптимизации процессов адаптации и развития личности, выделяются факторы и условия развития адаптационных способностей выпускников, исследуемая тема рассматривается в аспекте гендерной проблематики.

Ключевые слова: взаимодействие человека и среды, адаптационные способности, оптимизация процессов адаптации, гендерные особенности.

Gender Peculiarities of Adaptation Abilities of School Graduates

L. E. Tarasova

The paper theoretically interpreted the phenomenon of interaction between man and environment in conditions of instability and dynamism of modern life, develop applied aspects of optimization of the processes of adaptation and personality development, high lighted the factors and conditions for the development of adaptive abilities of graduates, and studied the theme of the gender aspect.

Key words: human interaction and the environment, adaptive capacity, optimization of processes of adaptation, gender-specific.

Нестабильность и динамичность современной жизни требуют быстрого и адекватного реагирования на происходящие изменения. Общеобразовательная школа неотделима от современной жизни, ученики, являясь ее непосредственными участниками, как и взрослые члены общества, вынуждены приспосабливаться к реальностям современной действительности, которые предъявляют качественно новые требования к человеку, к его способностям быстро и адекватно реагировать на постоянно изменяющиеся условия, быть готовым к переменам как в макромикросоциуме, так и в собственной судьбе. Пусковым механизмом процесса адаптации человека является смена окружающей его среды. Новые условия, требования, взаимоотношения начинают формировать у человека новый образ мира, поэтому в основе процесса адаптации – преодоление затруднений, связанных с новизной условий.

Проблема адаптации учащихся в образовательном пространстве представляет собой одну из важнейших общетеоретических проблем и уже

долгое время является традиционным предметом дискуссий, поскольку остается единой для всех подсистем образования, несмотря на разницу в целях, формах и содержании учебных учреждений. Школьникам всех возрастов, а особенно выпускникам приходится адаптироваться не только к кардинальным изменениям во всех сферах жизни, но и к внутришкольной ситуации, обусловленной многообразием образовательных учреждений различной направленности, наличием разных программ и учебников, чрезмерными учебными нагрузками и т.д.

В период окончания школы, отличающийся сложностью становления личностных черт, происходит возрастной кризис. В это период закладывается база будущей успешной интеграции в общество, самореализации, создаются условия освоения новых социальных ролей, формируется всесторонне развитая личность, готовая вступить во взрослую жизнь, и практически от этого зависит её дальнейший жизненный успех. Применительно к процессу взаимодействия с образовательной средой адаптация определяется как процесс взаимодействия учащегося и окружающей среды, в результате которого у него возникают модели и стратегии поведения, адекватные меняющимся в этой среде условиям. Особенностью процесса адаптации старшеклассников является отсутствие у личности готового способа поведения в результате изменившихся условий его деятельности, внешних или внутренних, вследствие чего возникает необходимость в выработке социальных стандартов, стереотипов, эталонов.

Очевидно, что педагогическая система средней школы с ее целями, задачами, требованиями, методами обучения и воспитания существенным образом отличается от такой же системы средних специальных и высших учебных заведений. Вступление вчерашнего школьника в новую образовательную среду требует изменения моделей поведения, связанных с ломкой выработанного школьными годами динамического стереотипа. Переход из одного социального положения в другое («школьник» – «студент») вызывает напряжение, определенные трудности. Установлено, что выпускники чаще, чем учащиеся 8-10-х классов, переживают эмоциональный дис-

комфорт, более критичны к себе и сверстникам. Можно предположить, что это связано с несоответствием выбранного профиля жизненным планам, что, скорее всего, отразится на четкости представлений о будущей профессии и удовлетворенности настоящим.

Гарантией успешного осуществления любой деятельности является устойчивая адаптация личности к ее условиям, которая рассматривается как предпосылка активной деятельности и необходимое условие ее эффективности. Более того, эффективность процесса адаптации в значительной мере определяет успешность освоения последующих видов деятельности, например, обучения в вузе.

Старшая школа являет собой особую образовательную среду, в которой, с одной стороны, завершается выполнение обществом его обязательной функции по формированию социально адаптированной личности, а с другой стороны, происходит, в силу достижения соответствующего возраста, социальное, профессиональное и гражданское самоопределение выпускников. К основным условиям, обеспечивающим эффективное управление процессом адаптации, следует отнести благоприятный социально-психологический климат и взаимоотношения, сложившиеся в учебном коллективе, а также всемерный учет личностных свойств (психических, темперамента, характера и т.п.) учащихся.

При рассмотрении определенных личностных характеристик необходимо обратить внимание на социальную психологию гендера, занимающуюся исследованием социальных норм, обуславливающих то, как реагирует на половые различия отдельный человек, группа или культурное сообщество. Дословно *gender* переводится как «род», и в настоящее время в отечественной и зарубежной психологии и социологии гендер трактуется как «социальный пол», «социальные отношения полов». При этом, если термин «пол» означает, прежде всего, физические, физиологические, биологические различия между мужчинами и женщинами, то термины «гендер», «гендерные различия» употребляются, когда речь идет о социальных, культурных, психологических и иных поведенческих особенностях каждого пола¹.

Важными условиями адаптации являются включение в деятельность, направленную на обучение, правильное отношение к людям, окружающему миру, умение устанавливать взаимосвязь между организмом и окружающей средой. Оптимальное сочетание деятельностного и психологического компонентов в реальном адаптационном процессе служит необходимым условием, позволяющим эффективно и быстро осуществлять адаптацию.

В аспекте гендерной проблематики традиционно изучается протекание когнитивных

процессов и личностных особенностей, поэтому, прежде всего, мы сосредоточились на изучении гендерных различий в стилевых особенностях интеллектуальной деятельности и личностных характеристик лиц юношеского возраста. Под когнитивным стилем интеллектуальной деятельности (КСИД) понимаются устойчивые стили восприятия и переработки информации, сформированные в процессе развития и воспитания индивида. Существует шесть типов КСИД: креативный, популяционный, ригидный, продуктивный, дефицитный и дискордантный (по классификации М. М. Решетникова)².

По результатам нашего исследования на выборке 60 человек (30 юношей и 30 девушек) с использованием методов наблюдения и анкетирования выявлено, что *креативный* тип, отличающийся ярко выраженным рациональным компонентом мышления, одинаково часто встречается как у девушек, так и у юношей. *Популяционный* тип наиболее часто встречается в популяции юношеской возрастной группы 16–18 лет, причем как у девушек, так и у юношей. Подавляющее большинство выпускников общих образовательных учреждений демонстрируют достаточный уровень продуктивности, эффективности и надежности интеллектуальной деятельности при выполнении психодиагностических методик, направленных на оценку уровня общего интеллектуального развития.

Ригидный тип характеризуется более низким темпом мышления, склонностью к выполнению деятельности с ориентацией на надежность и безошибочность, избегание неудач. Установлено, что приблизительно у 7% девушек встречается данный тип, у юношей – в 2 раза реже (1,5–4,5%). Поскольку традиционное воспитание девочек ориентировано на формирование у них опрятности, аккуратности, скрупулезности, точности и безошибочности выполнения деятельности, это непосредственно влияет на формирование у них определенного индивидуального стиля деятельности. *Продуктивный* тип, характеризующийся быстрым темпом мышления и склонностью к быстрому выполнению заданий, но отличающийся пренебрежением к точности, немного чаще встречается у юношей.

Дефицитный тип, отличающийся самыми низкими характеристиками продуктивности, эффективности и надежности интеллектуальной деятельности, довольно часто встречается у девушек (20–30%), тогда как у юношей – значительно реже (15–18%). Лица, отнесенные к данному типу, отличаются скромными успехами в процессе учебы в школе. *Дискордантный* тип, которому свойственны несогласованность и разобщенность психических процессов, их мимического и речевого выражения, встречается с одинаковой частотностью как у юношей, так и у девушек (18–30%).

Полученные при исследовании данные свидетельствуют, что в изучаемых выборках существуют определенные стили интеллектуальной деятельности, в большей степени характерные для того или иного гендера: девушкам в большей степени присущи дефицитный и ригидный типы, у юношей же чаще встречаются популяционный и продуктивный, что, скорее всего, связано с особенностями воспитания мальчиков и девочек.

Рассматривая успешность социальной адаптации личности вообще, предполагается, что она зависит от жизненных целей, ценностных ориентаций, их поведенческой реализации, социальной среды, в которой происходит их реализация. Жизненные цели и ценностные ориентации закладываются главным образом в семейном воспитании. А их поведенческая реализация происходит в социальной среде, образуемой школой. Успешность социальной адаптации – это хорошо сбалансированное соотношение между эгоцентрическими потребностями человека и требованиями среды.

Для выявления ярких различий при адаптации в образовательной среде выпускников школы рассмотрим следующие характеристики: самооценку, самоуважение, конформность и агрессивность.

Самооценка трактуется как ценность, которая приписывается индивидом себе в целом или своим отдельным качествам. От того, какие положительные или отрицательные качества находят у себя девушки и юноши, оканчивающие школу, будет зависеть и адаптация в образовательной среде и в социуме в целом. Речь идет о том, как они представляют свой Я-образ, у кого он полнее, на чем делается акцент при его описании, выявлении того, кто – юноши или девушки – адекватнее оценивают себя.

В психологической литературе отмечается явное различие в самооценке у разных гендеров: если девушки при субъективной оценке характеризуют свои коммуникативные и нравственные качества, описывают свою эмоциональную сферу, то юноши описывают творческий потенциал, интеллектуальные характеристики и волевую сферу. При негативной оценке социумом личностных характеристик гендеров такая оценка переносится и на субъективное мнение, причем юноши более подвержены влиянию социума, нежели девушки. Отсюда возникает одна из проблем адаптации: человек не хочет взаимодействовать с той средой, где его качества не оценены по достоинству.

Конформность определяется как тенденция изменять свои убеждения или поведение в результате реального или воображаемого давления группы. Многие люди, экономя время и силы, подчиняясь социальным нормам, фактически «экономят» мышление: все, что от них требуется в определенной социальной ситуации, это бездумно демонстрировать социально ожидаемое

поведение. Изначально считается, что женщины больше подвержены влиянию общества, нежели мужчины, и, следовательно, стараются сохранять гармонию в группе и добрые чувства ее членов друг к другу. Юноши и мужчины менее конформны, следуя социальным нормам, которые предписывают им быть независимыми и не поддаваться влиянию со стороны.

Объективным является факт, что женщины в целом имеют более низкий социальный статус и на производстве, и дома. Лица, обладающие меньшей властью и более низким статусом, вынуждены во многом уступать влиянию тех, кто выше их по статусу. Роли с высокими статусом чаще принадлежат мужчинам – женщины вынуждены выступать в роли подчиненных. Конформность непосредственно влияет на адаптацию в обществе, но из-за того, что ее понимание ограничивается стереотипами, адаптация может носить негативные черты.

Агрессивность в контексте нашего исследования понимается как личностная черта, подразумевающая направленное, умышленное причинение вреда себе и (или) другим людям. Традиционно считается, что мужчины и юноши чаще проявляют агрессивность, чем женщины и девушки, причем как в физической форме (драке), так и в форме прямой вербальной агрессии – ругани, брани, а женщины и девушки – в косвенной вербальной агрессии – сплетнях.

Понятие «школа» в высказываниях ряда авторов стоит рядом с понятием «стресс». Любые школьные затруднения выступают как психотравмирующий фактор. Неудовлетворенность в какой-либо сфере школьной жизни, наличие барьеров, затрудняющих или блокирующих деятельность, вызывают изменение поведения ребенка, подростка или юноши, появление признаков нарушения адаптации. В ситуациях совладания со стрессом выпускники используют продуктивные паттерны поведения, но юноши значительно чаще выбирают такие копинг-стратегии, как проблемный анализ ($t = 4,12$, при $p < 0,001$), а девушки – оптимизм ($t = 3,96$, при $p < 0,001$) и пассивную кооперацию ($t = 2,07$, при $p < 0,05$), т.е. юноши чаще используют когнитивные копинги, а девушки – эмоциональные. Возможным объяснением этого факта может быть стремление юношей и девушек соответствовать своей гендерной роли, а направленность в разрешении проблемных ситуаций у выпускников на продуктивность, результат, а у выпускниц на экспрессию, взаимодействие.

Анализ результатов современных педагогических и психологических исследований позволил выделить ряд факторов и условий адаптации личности школьников: сюда можно отнести жизненные цели, ценностные ориентации, их проявления в поведении, социальную среду, в

которой происходит их реализация. В этой связи большое значение придается особенностям семейного воспитания, социальной среде школы, взаимоотношениям между учащимися в классе, предшествующему опыту общения с окружающими взрослыми и сверстниками.

Взаимоотношения между сверстниками в классном коллективе являются одним из факторов успешной адаптации. Если социально-психологические условия коллектива соответствуют направленности личности, то благоприятная атмосфера дружбы, заботы будет способствовать быстрой адаптации, но если нормы групповой морали не соответствуют компонентам социально-психологической структуры личности, то возникает состояние психологического дискомфорта. Именно через контакты со сверстниками формируется умение воспринимать и адекватно оценивать себя и других, что является одним из необходимых условий адаптации личности в группе, в обществе.

Большая роль отводится предшествующему опыту: юноши и девушки, которые имеют богатый опыт общения со сверстниками и взрослыми, получившие много разнообразных впечатлений, адаптируются быстрее. Кроме того, на характер адаптации влияют уровень психического развития, состояние здоровья адаптантов, их индивидуально-психологические особенности.

Сравнительный анализ гендерных выборок (*t*-критерий Стьюдента) показал, что имеются различия в уровне адаптированности девушек и юношей. Девушки имеют более высокие показатели по шкале «внутренний контроль» ($t = 2,64$, при $p < 0,01$) и более низкие показатели по шкале «непринятие других» ($t = 2,27$, при $p < 0,05$).

Значимые отличия выявлены и по методике «Самоактуализационный тест». Девушки имеют более низкие показатели по шкалам «принятие агрессии» ($t = 5,28$, при $p < 0,001$) и «контактность» ($t = 1,96$, при $p < 0,05$) и более высокий показатель по шкале «познавательные потребности» ($t = 2,66$, при $p < 0,01$).

Таким образом, у девушек в большей степени, чем у юношей, выражено стремление к приобретению знаний, при этом они менее, чем юноши, способны принять свое раздражение, гнев как естественные проявления человеческой природы. Несмотря на то, что девушки менее критичны и требовательны по отношению к другим (шкала «непринятие других»), они испытывают большие трудности при установлении взаимоотношений с окружающими людьми и, прежде всего, при установлении взаимоотношений со сверстниками в классе.

И юноши, и девушки высоко активны при установлении контактов со сверстниками, ставят перед собой высокие цели, продумывают действия по их достижению, гибки и мобильны в поста-

новке и достижении целей, что можно связать с высокой пластичностью нервных процессов, характерных для периода ранней юности. Данные особенности объясняются возрастными задачами, стоящими перед старшеклассниками, – личностного и профессионального самоопределения, самоутверждения.

Ярко выраженными чертами, которые наблюдаются только в выборке юношей, являются: самоуверенность, энергичность, настойчивость, нечувствительность к замечаниям, упрекам. Большинство юношей спокойны, сдержанны, невозмутимы, эмоционально устойчивы, независимы, своенравны, отличаются выраженной доминантностью в отношениях, самоконтролем эмоций и поведения. Кроме того, старшеклассники серьезны, молчаливы, малоэкспрессивны, иногда бестактны, прямолинейны, небрежны в общении, ленивы, безответственны и недобросовестны. Характерными чертами также являются напористость в поведении, большая нацеленность на успех в деятельности, чем на конформизм.

Девушки отличаются эмоциональной неустойчивостью, переменчивостью, капризностью, в то же время суровы, реалистичны, многого не замечают из-за низкой эмоциональной чувствительности, что в целом не соответствует женской гендерной роли. Вероятно, одна из причин такого положения – диспропорциональность полового состава выпускных классов, где юношей иногда в несколько раз меньше, чем девушек. Девушки вынуждены брать на себя инициативу, становиться лидерами, что не может не отразиться на изменении характера и стереотипов поведения. Девушки-выпускницы, взаимодействуя с окружающими, используют гибкость в выборе способов поведения, стремятся показать себя с лучшей стороны, более ориентированы на конформность и нормативность в соблюдении установленных правил, чем на успех в учебной деятельности. Все различия значимы.

Проведенное исследование не дает возможности однозначно утверждать, какие факторы в большей степени влияют на уровень адаптированности выпускников – внешние, к которым относятся особенности образовательного процесса, или внутренние, в частности, степень развития личностных качеств и свойств. Обобщая вышесказанное, можно охарактеризовать адаптацию как состояние взаимоотношений личности и группы, когда личность без длительных внешних и внутренних конфликтов продуктивно выполняет свою ведущую деятельность, удовлетворяет свои социогенные потребности, в полной мере идет навстречу тем ролевым ожиданиям, которые предъявляет к ней эталонная группа, переживает состояние самоутверждения и свободно реализует свои творческие способности. При этом, безусловно, необходимо учитывать гендерные

особенности, помня, что задача одна, а ресурсы юношей и девушек – разные.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Развитие адаптационных способностей выпускников школы в процессе взаимодействия с образовательной средой» (грант № 11-06-00716а).

УДК 316.6:159.923

ПРИНЦИП ДИАХРОНИИ В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Р. М. Шамионов

Саратовский государственный университет
E-mail: shamionov@mail.ru

В статье рассматриваются методологические основания исследования социализации личности. Подчеркивается необходимость процессуального анализа инстанций личности с точки зрения обретения ими социального контекста. Раскрывается методологический принцип диахронии применительно к исследованиям социализации личности. Обозначаются контуры системно-диахронического подхода к социализации личности.

Ключевые слова: личность, инстанция личности, социализация, система, диахронность, системно-диахронический подход.

Principle of Diachrony in Study of Socialization

R. M. Shamionov

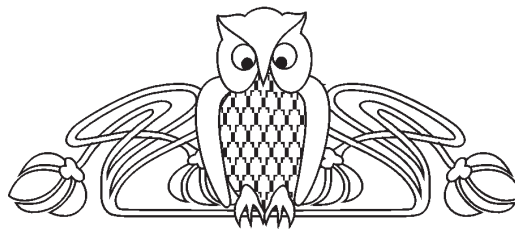
This article discusses the methodological foundation of the study of socialization of personality. Stresses the need for procedural analysis of levels of identity from the point of view of their social context. Expands the methodological principle of synchronic studies of socialization. Presents the contours system-synchronic approach to socialization.

Key words: personality, personal instance, socialization, system, diachronic, system-diachronic approach.

Исследование социализации личности в условиях динамичных общественных изменений сталкивается с недостаточной разработанностью его теоретико-методологических оснований. Понимание социализации как процесса, ограниченного усвоением правил поведения или социальных норм, оказывается совершенно неадекватным требованиям к социальной психологии как науке, ориентированной на системное изучение личности как представителя определенной группы с точки зрения ее взаимоотношений (связей) с другими, включения в деятельность различных групп и реализации социального поведения (активности) и самореализации в обществе. Назрела необходимость изучения становления социально-психоло-

Примечания

- ¹ См.: Вовченко О. М. Гендерное равенство как социально-философская проблема. М., 2000. С. 77–78.
- ² Приводится по: Поленина С. В. Гендерное равенство : проблема равных прав и равных возможностей мужчин и женщин : учеб. пособие для студентов вузов. М., 2005. С. 18.

гического содержания личности, того, что можно было бы назвать социальностью как инстанции, возвышающейся над усвоенными нормами или аттитюдами. Между тем ее формирование связано и с усвоением этих норм, и адаптацией поведения, и другими явлениями, что требует раскрытия всей системы сложных взаимоотношений личности со средой, а также между различными инстанционными образованиями самой личности.

В процессе социализации личности как ее общесистемные, так и компонентные изменения связаны с рядом общих и частных механизмов. Становление личности в процессе ее социализации происходит неравномерно и разновремено. Это связано с внешней и внутренней детерминацией, сменой оснований и условий, что приводит к множеству функциональных и динамических изменений подсистем и их координации в *многоуровневой системе*.

Содержание личности в процессе социализации меняется сообразно «движениям» ее инстанций в зависимости от условий социализации. Поэтому невозможно вывести общие для всех временные ограничения ее этапов и стадий. Однако механизмы социализации и движения инстанций вполне предсказуемы. Это связано с тем, что система личности включена в метасистему с заданными исторически сложившимися значениями, в которых закреплены принципы сосуществования (за счет этого и существуют общества). Необходимо особо отметить и то, что личность в процессе своей социализации выступает не только как *реактивное* существо, но и активное и творческое: речь идет о самодетерминации, саморазвитии, самотворении, а также выборе тех групп, общностей, в которых

общими целями и разделяющие одинаковые взгляды, сопоставимые ценности, сходные личностные смыслы, по определенным причинам (например, измена, предательство, клевета) разрывают эти отношения, внезапно становясь совершенно чужими друг другу. В предельном случае эмоционально-ценностное отношение между такими людьми может утрачивать ценностную составляющую, тогда Другой типизируется как враг, а модальность эмоциональных отношений, испытываемых личностью относительно чуждого Другого, приобретает интенсивно негативный, враждебный, агрессивный и деструктивный характер, разрушая не только межличностные отношения, но и саму личность.

Таким образом, анализ ролевой типизации показал, что она выступает одним из социально-психологических механизмов, обеспечивающих формирование эмоционально-ценностного отношения личности к ингрупповому Другому.

Репрезентации взаимодействия личности с разными видами ингруппового Другого отличаются по содержанию субъективного представления, характеру предполагаемого собственного действия относительно Другого и его ожидаемого отклика. Они опираются на ролевую типизацию, каждая из которых обуславливает свои поведенческие стратегии и коммуникативные особенности, детерминируется как социокультурным контекстом и групповыми процессами, так и индивидуально-психологическими особенностями личности и ее опытом. Эмоционально-ценностное отношение личности к ингрупповому Другому можно репрезентировать следующими основными шкалами, представляющими собой бинарные оппозиции: «доверие – недоверие», «понимание – непонимание», «принятие – отчуждение», «интерес – равнодушие», «признание

– непризнание», «открытость – изолированность», а также «ориентация на удержание в группе – ориентация на изгнание из группы». Именно эти шкалы позволяют выявлять и диагностировать эмоционально-ценностное отношение личности к ингрупповому Другому.

Примечания

- 1 См.: Салливан Г. С. Интерперсональная теория в психиатрии. СПб., 1999. 347 с.
- 2 См.: Собчик Л. Н. Введение в психологию индивидуальности. М., 1998. 512 с.
- 3 См.: Столин В. В. Самосознание личности. М., 1983. 288 с.
- 4 См.: Schutz W. C. On group composition // J. Abn. Soc. Psychol. 1961. Vol. 62. P. 275–281.
- 5 Подробное описание процедуры исследования и его результатов представлено (см.: Рягузова Е. В. Стратегии взаимодействия с ингрупповым Другим // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Сер. Педагогика, психология. 2011. № 4(7). С. 245–249).
- 6 См.: Ладанов И. Д. Окно Джогари : взгляд внутрь себя. URL: http://www.elitarium.ru/2007/05/04/okno_dzhogari_vzgljad_vnutr_sebja.html (дата обращения: 08.06.2012).
- 7 Подробное описание процедуры исследования и его результатов представлено в (см.: Рягузова Е. В. Личностные репрезентации дружеского взаимодействия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2012. Т. 12. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 2. С. 76–80).
- 8 См.: Тернер Дж. Социальное влияние. СПб., 2003. 256 с.
- 9 См.: Рягузова Е. В. Психологические риски ингрупповых интеракций // Учён. зап. Пед. ин-та Саратов. гос. ун-та. Сер. Психология. Педагогика. 2011. Т. 4, № 2. С. 24–30.
- 10 См.: Солдатова Г. У., Макачук А. В. Может ли «другой» стать другом? Тренинг по профилактике ксенофобии. М., 2006. 256 с.

УДК 316.613

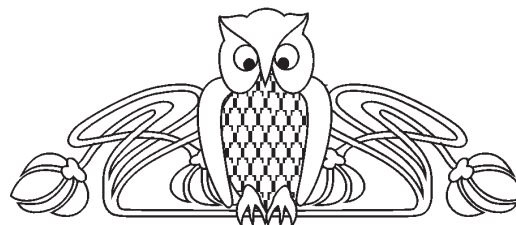
О НЕКОТОРЫХ ПОЛОВЫХ РАЗЛИЧИЯХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЧАСТЬЕ

Т. В. Семёнова

Саратовский государственный университет
E-mail: tatyana_semenova_1973@mail.ru

В статье рассматриваются различные подходы к феномену счастья. Показаны результаты исследования гендерных различий представлений о счастье. На основе эмпирического исследования выделены дескрипторы, представляющие понятие о «мужском» и «женском» счастье.

Ключевые слова: счастье, субъективное благополучие, ценности, гендерные различия.

Some Gender Differences of Happiness

T. V. Semenova

The article discusses the different approaches the concept of happiness. Shows the results of studies of gender differences in the representation of happiness. On the basis of empirical research

identified the descriptors that represent the concept of «male» and «female» happiness.

Key words: happiness, subjective well-being, values, gender differences.

В психологической науке существует множество подходов к определению понятия счастья, которые можно разделить на три составляющие: счастье как удовлетворенность жизнью (гедонистический подход), как ценность (эвдемонистический подход) и как позитивное аффективное состояние (нейропсихологический подход)¹. На первых порах изучения этой проблемы превалировали социологические исследования удовлетворенности жизнью, которые формировали общую идею «качества жизни», где главное значение имело понятие субъективного благополучия личности, обладающее психологическим смыслом, который связан с понятием счастья и удовлетворенностью жизнью².

В представлении о счастье как ценности выделяют два основных направления: счастье как мотив и как исход деятельности человека, т.е. в первом случае оно рассматривается в качестве оценок, «помечающих» предмет деятельности и координирующих ее ход, во-втором – как самоудовлетворяющая ценность, обогащающая и превращающая в дополнительный мотив деятельности сам ее процесс³.

Большинством людей счастье воспринимается как чувство или эмоция, и ключевым его показателем является эмоция радости. Неслучайно М. Аргайл определяет его как удовлетворенность человека своей жизнью, связанную с периодически ярко проявляемыми положительными эмоциями⁴. Показателями указанного феномена знаменуются объективные (социальное положение, досуг, здоровье, уровень дохода, работа, образование и т.д.) и субъективные (юмор, любовь, радость и т.д.) факторы, которые в разной мере вносят свою лепту в общий его уровень.

В современной науке особенно частыми синонимами счастья выступают психологическое благополучие и субъективное благополучие. Вместе с тем, как показали исследования, субъективное благополучие, по большей части, связывается с объективными параметрами качества жизни⁵. Причина этого в том, что понятие счастья многозначно, включает и субъективные, и объективные компоненты и в этом смысле наиболее приближено к понятию «психологическое благополучие».

В отечественной науке проблема понимания счастья в обыденном сознании была впервые поднята и разработана И. А. Джидарьян. Ею изучены особенности российского мировосприятия, а именно – представления о счастье и счастливом человеке⁶. Это исследование по своей сути подтверждает точку зрения М. Аргайла, что «большинство людей отдает себе полный отчет

в том, что это[счастье] такое»⁷. Складывается ситуация, когда наряду с неопределенностью научного определения «счастья», для обыденного сознания оно понятно и доступно, кроме того, существуют многочисленные стереотипы представлений о счастье.

Следует отметить, что мы рассматриваем счастье как психологический феномен, характеризующийся удовлетворенностью и осознанностью жизнедеятельности человека, преобладанием позитивного эмоционального состояния и положительного отношения к самому себе, окружающему миру и целостным восприятием. Оно включает эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты и обусловлено объективными и субъективными факторами.

Большая часть современных исследователей не придает особого значения гендерному различию уровня счастья и удовлетворенности жизнью. На наш взгляд, женщины себя ощущают счастливее мужчин, несмотря на то, что чаще страдают от душевных переживаний, поскольку более эмоциональны. На наш взгляд, важно то, что у мужчин и женщин существуют разные представления, восприятия и оценка критерия «счастья». Анализ различий «мужского» и «женского» счастья показывает, что они неоднозначны и часто базируются на стереотипах. По мнению И. Джидарьян, женское счастье считается более ситуативным и изменчивым, что обуславливается изначальной зависимостью женщин от эмоциональных контактов и межличностных отношений⁸. В Татаркевич отмечает существующую распространенную точку зрения, что счастье – это преимущественно женская проблема⁹.

В соответствии с утвердившимися взглядами, большинство мужчин не испытывают заметного интереса к счастью: редко задумываются о нем, не имеют четкого понятия. Эта точка зрения подтвердилась в ходе нашего исследования: ассоциаций, полученных на слово «счастье», у женщин гораздо больше, чем у мужчин. При этом следует учитывать психологические особенности женщин: средние показатели по параметрам «счастье», и «общая удовлетворенность жизнью» у женщин заметно выше, чем у мужчин¹⁰. Подобная мысль прослеживается и в работе В. К. Вилюнаса: данные, им полученные, свидетельствуют, что женщины обретают в познании, общении, равно как и в трудовой, бытовой и эстетической деятельности больше эмоционального удовольствия, чем мужчины. Но при этом воспринимаются они часто более несчастными, чем мужчины¹¹. Вполне возможно, это связано с тем, что современной женщине приходится совмещать разнообразные социальные роли и обязанности. В зарубежных исследованиях отмечается, что у мужчин основополагающие факторы счастья – материальное положение, работа, карьера, а у женщин – дети,

семья, благополучие. Что касается работы, то для женщин важны условия труда и межличностные отношения.

Нами было проведено сравнительное исследование представлений о «мужском» и «женском» счастье в зависимости от гендерных различий, в котором приняли участие мужчины и женщины разного социального статуса, образования, национальностей в количестве 160 человек. Проводилось анкетирование, чтобы выявить представления женщин о «мужском» и мужчин о «женском» счастье. Было обнаружено, что счастье опрошенными связывается с ценностями личного благополучия – любовью, семьей, здоровьем, радостью (рисунок). На уровне единичных значений определялась позиция «счастливой судьбы».

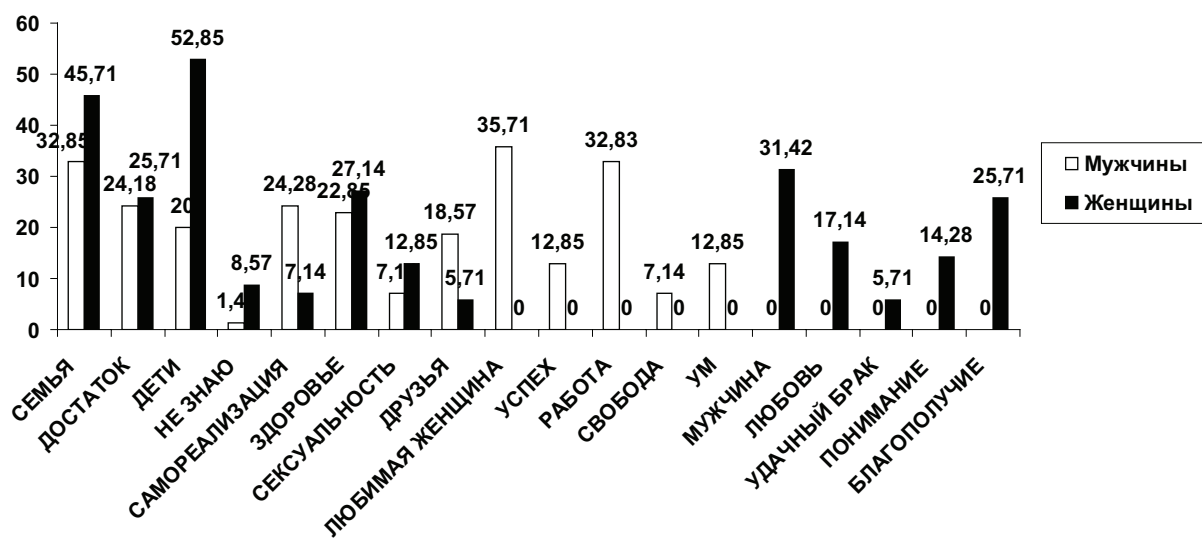
Проведенное исследование свидетельствует о том, что в настоящее время респонденты склонны воспринимать счастье достаточно рационально: они не склонны рассчитывать только на везение, чудо, удачу при его достижении. Респонденты в основном полагаются на себя при достижении поставленных целей.

Были выявлены концептуальные понятия представлений женщин о «мужском» счастье

при помощи десяти дескрипторов: любимая женщина, работа, достаток, семья, самореализация, личное здоровье, свобода, друзья, ум, успех. Все они отражают мужскую направленность счастья: самобытность, независимость, стремление к воплощению потребностей, которые по своей сути являются основой для самореализации. Особенно значимой для мужчины в достижении счастья является любимая женщина, очевидно, это обусловлено возрастными и гендерными стереотипами.

Представления женщин о счастье мужчин показывают значимость выражения себя как личности, которое достигается благодаря внутреннему покою, свободе и материальному благополучию. Но при этом указывалось, что мужчине необходимо близкое окружение – семья.

Концептуальными понятиями представлений мужчин о «женском» счастье является девять дескрипторов: дети, семья, мужчина, здоровье близких, достаток, благополучие, любовь, понимание, самореализация. В данном случае в представлениях о «женском» счастье, как и в представлениях о «мужском», проявляются гендерные стереотипы, основанные на том, что счастье женщины – забота о доме и семье (рисунок).

Характеристики представлений мужчин и женщин о счастье

Важно отметить, что приоритетными для женщин при достижении счастья, в их представлении, являются дети и семья. Можно предположить, что такая точка зрения детерминирована как особенностями российского менталитета, так и до сих пор существующими социальными стереотипами, базирующимися на том, что семья и дети – основа счастья женщины.

Из сказанного следует, что «женское» счастье по большей мере связано с благосостоянием семьи и детей, а мужчинам важно их ближайшее окружение. Природа наделила женщину эмоци-

ональностью, чувствительностью, гибкостью, направленностью на отношения. Для части женщин самореализация и семья равнозначно ценны.

Мы выяснили, что мужчины и женщины имеют различные мечты и цели: точнее, цели имеют женщины (быть любимой, создать семью, родить детей), а мужчины не могут определиться со своей жизненно важной потребностью. Замечено, что у мужчин в большинстве случаев счастье связывается с будущим и по отношению к настоящему упоминается крайне редко.

В результате проведенного исследования мы выяснили, что представления мужчин о счастье достаточно традиционны: ключевыми параметрами являются: работа (32,83%), семья (32,85%), любимая женщина (35,71%), материальное положение, достаток (24,18%). немаловажна самореализация (24,25%). Чем в большей степени самореализуется человек, тем в большей мере он предрасположен к счастью: он чаще и полнее переживает удовлетворенность жизнью в целом, испытывает положительные эмоции – «положительное самоощущение»¹².

Можно сказать, что наиболее важной для «ощущения» счастья у мужчины является внешняя оценка его деятельности, включая восхищение его неповторимостью. Женщина не только мечтает о счастье, но и пытается овладеть секретами его достижения в реальной жизни. К факторам счастья относятся: умение человека справляться с трудностями и жизненными проблемами, способность успешно противостоять различным стрессовым ситуациям и преодолевать внутреннее состояние дискомфорта.

Счастье, по мнению Э. Фромма, выражает состояние здоровья всей личности¹³. Ученый считает, что человек должен воспринимать счастье не как самоцель, а как состояние, которое возникает естественно, если человек способен раскрыть свои душевные возможности. Важно отметить, что такое же мнение высказано в работах В. Франкла. Он, как и Фромм, считает, что счастье никогда не является целью человеческих стремлений: оно – результат достижения цели. Иначе говоря, если есть причина для счастья, то само счастье вытекает из нее автоматически и спонтанно¹⁴.

В ходе проведенного исследования было установлено, что основными источниками счастья, в представлениях женщин, является наличие семьи (45,71%), дети (52,85%), любимый мужчина (31,42%), достаток (24,18%).

Различие в представлении о счастье у мужчин и женщин заключается в разнице обозначения себя в жизни. Мужчина мыслит Я-категориями: «есть Я», «моя женщина», «мой бизнес», «мой ребенок», «мои друзья», «мое хобби» и т.д. Мужчина более независим, преимущественно все свои проблемы решает сам, крайне редко обращается за помощью к друзьям, в молодом возрасте предпочитает свободные отношения с любимой женщиной, не спешит создавать собственную семью, не строит планов на дальнюю перспективу. Женщина, в отличие от мужчины, мыслит Мы-категориями: «мы с моим мужем», «мы с нашими ребенком», «наша семья», «наш дом» и т.д. В юности девушка часто думает о том, как понравиться мужчине, как привлечь его внимание, мечтает о создании счастливой семьи.

Вместе с тем каждый человек видит смысл своего существования в счастливо прожитой жизни. И хотя каждая культура, цивилизация имеют разные идеалы счастья и стереотипы представлений о нем, вместе с тем существует и общее – благополучная жизнь без любви, без спутника (спутницы), без семьи невозможна.

Таким образом, анализируя результаты проведенного исследования, можно сказать, что представление о счастье многомерно, в него входят такие параметры, как: а) духовное богатство (знания, культура); б) духовное здоровье, нравственная чистота; в) материальное благополучие, обеспеченность; г) физическое здоровье, совершенство.

И «женское», и «мужское» счастье в большей степени связаны с внутренним миром, нежели внешними благами. «Женское» и «мужское» счастье в репрезентациях мужчин и женщин имеют расхождения по ряду параметров: количеству категорий, ценностно-смысловым основаниям, ориентации на себя и других, а также использованию стереотипных представлений, отражающихся в культурных феноменах современного общества.

Примечания

- 1 См.: Леонтьев Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании // Психологическое обозрение. 1998. № 1. С.13–25.
- 2 См.: Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М., 1981. С. 9.
- 3 См.: Леонтьев Д. А. Указ. соч.
- 4 См.: Аргайл М. Психология счастья. СПб., 2003. С. 23.
- 5 См.: Шамионов Р. М. Социальная активность и субъективное благополучие личности // Личность и бытие : субъективный подход : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. (Краснодар, 15–16 окт. 2010). Краснодар, 2010. С. 61–65.
- 6 См.: Джидарьян И. Счастье в представлениях обыденного сознания // Психологический журн. 2000. Т. 21, № 2. С. 40–48.
- 7 Аргайл М. Указ. соч. С. 9.
- 8 См.: Леонтьев Д. А. Указ. соч.
- 9 См.: Татаркевич В. Указ. соч. С. 11.
- 10 См.: Джидарьян И. Указ. соч.
- 11 См.: Соловьева С. Л. Кризисная психология. М. ; СПб., 2008. С. 247.
- 12 См.: Джидарьян И. Указ. соч.
- 13 См.: Фромм Э. Бегство от свободы. Минск, 2000. С. 435.
- 14 См.: Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 56.

УДК 159.923.2

РОЛЕВАЯ ТИПИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ К ИНГРУППОВОМУ ДРУГОМУ

Е. В. Рягузова

Саратовский государственный университет
E-mail: rjaguzova@yandex.ru

В статье обобщены исследования различных типов эмоционально-ценностного отношения личности к ингрупповому Другому, ранее проведенные автором. Выделены ключевые дихотомии, с помощью которых репрезентируются межличностные взаимодействия и взаимоотношения с различными видами ингруппового Другого: «доверие – недоверие», «понимание – непонимание», «принятие – отчуждение», «интерес – равнодушие», «признание – непризнание», «открытость – изолированность», «ориентация на удержание в группе – ориентация на изгнание из группы». Обосновывается, что ролевая типизация выступает социально-психологическим механизмом, обеспечивающим специфику репрезентаций взаимодействия личности с Другими, социальную перцепцию и межличностное оценивание.

Ключевые слова: личностные репрезентации, взаимодействии «Я–Другой», межличностные отношения, ролевая типизация, ингрупповой Другой, эмоционально-ценностные отношения.

Role Typification as the Socio-Psychological Mechanism of Formation the Emotional-Valuable Relation of the Personality to Ingroup Other

E. V. Ryaguzova

In article researches of various types of the emotional and valuable relation of the personality to ingroup Other, early carried out by the author are generalized. Key dichotomies, by means of which are represented interpersonal interactions and relationship with different types of to ingroup Other are allocated: «trust – mistrust», «understanding – misunderstanding», «acceptance – alienation», «interest – indifference», «recognition – non-recognition», «openness – isolation», «orientation to deduction in group – orientation to exile from group». Locates that role typification acts as the socio-psychological mechanism providing specifics of representations of interaction of the personality with Others, a social perception and interpersonal estimation.

Key words: personal representations, interaction «I–Other», interpersonal relations, role typification, ingroup Other, emotional-valuable relations.

Проблема социального становления и самоидентификации личности в контексте ее взаимодействий с различными группами и разнообразными Другими, являющаяся частью фундаментальной проблемы социальной адаптации, эффективного социального развития и функционирования личности в социуме, не теряет своей актуальности на протяжении всего периода развития психологической науки. В условиях глубоких социальных

трансформаций, происходящих в современном российском обществе и затрагивающих все сферы его жизнедеятельности, она приобретает особое значение и звучание.

Личность, сосуществуя вместе с Другими и взаимодействуя с ними на разных уровнях – социальном, групповом, межличностном, в различных сферах – деятельности, общения, переживания, отношения, конструирует субъективные репрезентации взаимодействия «Я – Другой», которые оказывают существенное влияние и определяют характер ее реальных взаимодействий и взаимоотношений с другими социальными акторами. В связи с этим поиск факторов и механизмов конструирования личностью репрезентаций взаимодействия с различными Другими, описание их содержания и особенностей, обуславливающих характер отношений к Другому и формирование определенных поведенческих стратегий, необходимо для разработки способов достижения личностью внутренней согласованности и выстраивания эффективного взаимодействия с Другим как субъектом деятельности, общения, переживания.

Целью данной статьи является анализ ролевой типизации как социально-психологического механизма формирования эмоционально-ценностного отношения личности к Другому, включенному в малую группу, на основе ее репрезентаций взаимодействия «Я–ингрупповой Другой».

Г. С. Саливанн утверждает, что жизнь человека можно рассматривать как систему межличностных отношений, при этом личность позиционируется в виде относительно постоянной конфигурации этих отношений, которая предназначена для объяснения взаимосвязей и взаимовлияний людей. Эта конфигурация представляет собой продукт социокультурной адаптации, включает черты и потенциальные возможности индивида, поддержанные социальным окружением в детстве. Учёный подчеркивает роль тревожности, обусловленной межличностными отношениями и постоянно сопровождающей личность при контактах с другими людьми, считая, что причиной ее появления является значимый Другой, одобрения которого ребенок пытается заслужить,

или неодобрения, которого стремится избежать. Г. С. Салливан отмечает, что сама тревожность выступает источником личностной динамики, а сформированность чувства межличностной надежности у ребенка оптимизирует процесс общения¹.

По мнению Т. Лири, любой акт поведения по отношению к Другому может быть представлен как комбинация определенных вкладов по осям «любовь – ненависть» и «доминирование – подчинение». Исходя из этих бинарных оппозиций, он описывает восемь различных вариантов межличностных отношений: властно-лидирующий; независимо-доминирующий; прямолинейно-агрессивный; недоверчиво-скептический; покорно-застенчивый; зависимо-послушный; ответственно-великодушный; конвенционально-сотрудничающий².

В. В. Столин, в свою очередь, расширяет эти представления, полагая, что как эмоциональный компонент отношения личности к Другому, так и поведенческий компонент, манифестирующий это отношение, являются сложными и многомерными. Они включают в себя такие шкалы, как «симпатия–антипатия», отражающая глобальную оценку Другого; «уважение–неуважение» как его ценностное принятие; «близость–отдаленность» как показатель межличностной дистанции и «доминирование–подчинение», «зависимость–независимость», «сотрудничество–конкуренция» как возможные поведенческие паттерны³.

В основу теории межличностных отношений У. Шутца (FIRO theory) положена трехфакторная модель межличностных потребностей или желаний, в рамках которой межличностные отношения рассматриваются на трех уровнях: поведенческом, аффективном и на уровне Я-концепции⁴. Он выделяет следующие поведенческие проявления межличностных отношений, которые выступают их маркерами: включенность, отражающая интенсивность контактов личности с Другими; контроль, связанный со степенью зависимости личности от Другого; открытость, указывающая меру готовности личности делиться эмоциональными состояниями с Другими.

В контексте данной статьи эмоционально-ценностное отношение личности к Другому анализируется как социальная установка личности относительно Другого, сформированная в тех или иных социокультурных условиях и обусловленная личностными особенностями. Она имеет трехчленную структуру и включает в себя эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты, каждый из которых репрезентируется с помощью различных дихотомий. Индикатором эмоционально-ценностного отношения личности к Другому выступает личностная репрезентация взаимодействия «Я–Другой», конструирование которой детерминировано социально-психоло-

гическими факторами, а именно включенностью личности в социокультурный контекст и ее социально-психологическими свойствами (проактивность, готовность к эмоциональному отклику, ответственность, склонность к сотрудничеству, вовлеченность в жизнедеятельность группы), обеспечивающими межличностное восприятие и социальную оценку.

В качестве Другого в фокусе нашего исследовательского интереса находится ингрупповой Другой, под которым понимается представитель реальной малой ингруппы (группы, в которую включена личность), разделяющий с нею сходный культурный образец и систему релевантностей, имеющий примерно одинаковое с личностью социальное положение, определенный группой психометрический статус, занимающий то или иное место в субъективном пространстве личности в соответствии с системой ее субъективных предпочтений, аттрактивных выборов и предписанной Другому типичной ролью. Ингрупповой Другой может отличаться от остальных представителей малой группы по каким-либо признакам и полностью не соответствовать групповым нормам и стандартам, продолжая вместе с тем оставаться членом данной малой группы.

На основе проведенного эмпирического исследования, направленного на изучение влияния личностных репрезентаций взаимодействия «Я – ингрупповой Другой» на формирование поведенческих стратегий личности⁵, было выявлено, что с помощью личностных репрезентаций взаимодействия «Я–Другой» возможны реконструкция имеющихся у личности установок и прогнозирование стратегий межличностного взаимодействия.

Ингрупповой Другой может вызывать у личности симпатию и интерес, желание вступить с ним контакт и поддерживать устойчивую коммуникацию, в этом случае по отношению к нему формируется позитивная установка и реализуется поведенческая стратегия «от Я к Другому». При взаимодействии с представителем ингруппы может активизироваться амбивалентная установка личности, основной характеристикой компонентов которой выступает двойственностью: когнитивный компонент может быть представлен как интересом, так и стереотипным знанием, эмоциональный – как равнодушием, так и симпатией, а поведенческий – кооперацией, координацией или конфронтацией, при этом специфичность проявлений тех или иных составляющих установки личности относительно Другого во многом определяется позицией, действиями и поступками Другого по отношению к ней, формируя поведенческую стратегию личности «от Другого к Я». Еще один вариант интеракции личности с ингрупповым Другим основывается на актуализации негативной установки, касающейся Другого, содержание которой характеризуется

ярко выраженной антипатией, враждебностью, агрессией, аберрацией представлений об ингрупповом Другом, конфронтацией, доминированием, нападением, проявляясь в целом в поведенческой стратегии «Я против Другого».

В ходе исследования на основе изучения личностных репрезентаций взаимодействия «Я – ингрупповой Другой» была выявлена еще одна стратегия поведения личности – «Я без Другого», которая проявляется в желании отгородиться от Другого, минимизировать любые контакты с ним и связана с отчуждением и дистанцированием личности от группы, ее стремлением к эскапизму, желанием существовать в ирреальном вымышленном мире. На наш взгляд, эта установка базируется на защитной проекции личности, актуализированной для ослабления базальной тревоги, снижения личностной и ситуативной тревожности, порожденных ложными идентификациями, и недостатком Я-образов, обусловленным отсутствием реальных контактов с Другими и значимой для личности информации, полученной от них.

Следовательно, специфика личностных репрезентаций взаимодействия «Я – ингрупповой Другой» определяет модальность установок личности (позитивная, негативная, амбивалентная и нейтральная), сформированных или/и на основании интерперсонального опыта личности, или/и посредством интернализации готовых, фиксированных в культуре и обществе социальных представлений.

Конструирование образа Другого происходит с помощью ролевой типизации и приводит к формированию различных стратегий взаимодействия, некоторые из которых являются конструктивными («от Я к Другому» или «от Другого к Я»), способствующими эффективной адаптации, коммуникации и ориентированными на развитие и личностный рост, тогда как другие («Я против Другого» и «Я без Другого») деструктивны и не только искажают характер взаимодействий с Другим/Другими, но и блокируют процессы самопознания и самопонимания.

Значение личностной репрезентации взаимодействия «Я – Другой» для саморазвития и самораскрытия личности можно наглядно продемонстрировать, используя известную психологическую модель межличностных отношений «Окно Джохари»⁶, модифицированный вариант которой рассматривается (табл. 1). С помощью обратной связи, полученной личностью от Другого, и информации, переданной при взаимодействии Другому, происходит трансформация субъективных представлений личности о себе и конструирование личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» за счет расширения «открытой зоны» («open area»), сужения «слепой» («blind area») и «скрытой» («hidden area») областей и, в целом, активизации процессов самораскрытия и самопознания личности, обусловливающих уменьшение «неизвестной зоны» («unknown area»).

Таблица 1

Значение личностной репрезентации взаимодействия «Я – Другой» для самопознания

Личностные репрезентации взаимодействия Я – Другой		
Другой	Я	
Субъективные представления Другого о личности	Субъективные представления личности о себе	
Другой знает о личности	Личность знает о себе	Личность не знает о себе
	Вопрос и рассказ Другому (обратная связь)	
	Открытая зона	Слепая зона
Другой не знает о личности	Скрытая зона	Неизвестная зона

Личность, взаимодействуя с Другим, раскрывает себя и одновременно открывает в себе то, что вне подобной интеракции остается для нее недоступным и скрытым, тем самым способствуя собственному личностному развитию и росту. Указанная трансформация происходит, в том числе, благодаря конструированию личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой», которые, являясь социально-психологическими образованиями, влияют на формирование социальных установок личности, определяют стратегии ее взаимодействия с другими субъектами и особенности межличностных отношений.

Ролевая типизация выступает одним из социально-психологических механизмов, опреде-

ляющих специфику сконструированных репрезентаций и характер эмоционально-ценностного отношения личности к Другому. В её основе находятся социальные представления, стереотипы и эталоны, зафиксированные в культуре того общества, к которому принадлежит личность; групповые нормы, оценки и ожидания, транслируемые группой, в которую она включена; биографическая ситуация личности, ее индивидуально-психологические особенности и интерперсональный опыт.

Рассмотрим связь ролевой типизации, эмоционально-ценностного отношения личности к ингрупповому Другому и ее поведенческих стратегий (табл. 2).

Таблица 2

Рольевая типизация, эмоционально-ценностное отношение и стратегии взаимодействия личности с ингрупповым Другим

Рольевая типизация	Модальность эмоционально-ценностного отношения	Стратегия поведения
Друг, товарищ, приятель	Позитивная	От Я к Другому
Иной	Амбивалентная	От Другого к Я
Чуждый, чужой, враг	Негативная	Я против Другого
Чуждый	Нейтральная	Я без Другого

Проанализируем рольевые типизации на примере таких типичных репрезентаций взаимодействия, как «Я – Друг», «Я – иной Другой» и «Я – чуждый Другой».

Личностная репрезентация взаимодействия «Я – Друг» отражает представления личности о дружеских связях и отношениях, зафиксированных в культуре и усвоенных в ходе социализации, в основе которых находится доверие к Другому, восприятие себя и Другого как самобытных индивидуальностей. Дружба – это и особый вид межличностного взаимодействия, и личное отношение, и нравственная ценность, и поддерживающий ресурс личности, и источник ее самопознания.

Проведенный контент-анализ вербальных описаний Друга позволил выделить целый комплекс его функциональных характеристик, которые в результате факторного анализа были сгруппированы в четыре обобщенных фактора: обоюдное доверие (15% дисперсии), взаимный реципрокный альтруизм (14,2%), эмпатический резонанс (12,2%), безусловное принятие (11,5% дисперсии)⁷.

Анализируя эти результаты, можно констатировать, что основными шкалами, репрезентирующими дружеские взаимоотношения и взаимодействия, являются следующие: «доверие», выступающее базой любых устойчивых взаимодействий личности, предполагающее открытость Другу, вовлечение его в собственный внутренний мир и активное самопознание; «интерес», обусловленный наличием согласованных ценностей и личностных смыслов, формирующихся и трансформирующихся в процессе социализации; «понимание», усиливающее и подтверждающее аутентичность и ценность личности для себя и для Другого; «принятие», означающее не только признание ценности личности Другого, но и стимулирование ее самовыражения и самоактуализации.

Личностная репрезентация взаимодействия «Я – иной Другой» обозначает субъективное представление личности об ее интеракциях и взаимоотношениях с членом ингруппы, демонстрирующим те или иные девиации относительно групповых норм, стандартов и прототипической позиции группы⁸. С точки зрения группы, иной Другой имеет отличия от группового прототипа, которые могут касаться как внешнего облика,

включая физические отклонения, недостатков характера, проявляемых в социальном поведении, так и родовой стигмы расы, национальности или религии. Как правило, иной Другой либо вызывает отрицательные эмоции и агрессивные действия со стороны группового большинства, либо ему демонстрируется полное равнодушие и игнорирование. Иной Другой, вынужденно занимая позицию «чужой среди своих», не может рассчитывать на социальную поддержку группы и ее ресурсные возможности, более того, группа заставляет его принять чуждые для него Я-образы, что вызывает внутриличностные конфликты и психологический дискомфорт. Мы уже писали о том, что во многих языках такой ингрупповой Другой именуется как «белая ворона», «черная овца», «паршивая овца», «козел отпущения», выявив символический и психологический смыслы этих неоднозначных метафор⁹. Отличие иного Другого сопряжено с непониманием и отчуждением как со стороны отдельной личности, так и группы в целом, перемещением его на низкостатусную позицию в группе, а при определенных обстоятельствах группа легко избавляется от компрометирующего члена, влияющего на ее репутацию. Соответственно, эмоционально-ценностное отношение к ингрупповому Иному может быть представлено с помощью таких шкал, как «непонимание», «отчуждение», «равнодушие», «ориентация на изгнание из группы».

Наличие личностной репрезентации взаимодействия «Я – чуждый Другой» (или «близкий Чуждой» по Г. У. Солдатовой¹⁰) является показателем эмоционально-ценностного отношения личности с членом ингруппы, с которым у нее существует определенная негативно-окрашенная аффективная история отношений, предполагающая наличие в индивидуальном прошлом опыте личности интенсивной стрессовой ситуации, доминантной причиной, основным источником и главным действующим лицом в которой являлся этот человек, его поступки, действия, высказывания. Можно привести достаточное количество примеров, когда до недавнего времени близкие люди, включенные в одну и ту же формальную или неформальную группу (семья, школьный класс, профессиональная команда, компания друзей), связанные устойчивыми позитивными межличностными отношениями,

общими целями и разделяющие одинаковые взгляды, сопоставимые ценности, сходные личностные смыслы, по определенным причинам (например, измена, предательство, клевета) разрывают эти отношения, внезапно становясь совершенно чужими друг другу. В предельном случае эмоционально-ценностное отношение между такими людьми может утрачивать ценностную составляющую, тогда Другой типизируется как враг, а модальность эмоциональных отношений, испытываемых личностью относительно чуждого Другого, приобретает интенсивно негативный, враждебный, агрессивный и деструктивный характер, разрушая не только межличностные отношения, но и саму личность.

Таким образом, анализ ролевой типизации показал, что она выступает одним из социально-психологических механизмов, обеспечивающих формирование эмоционально-ценностного отношения личности к ингрупповому Другому.

Репрезентации взаимодействия личности с разными видами ингруппового Другого отличаются по содержанию субъективного представления, характеру предполагаемого собственного действия относительно Другого и его ожидаемого отклика. Они опираются на ролевую типизацию, каждая из которых обуславливает свои поведенческие стратегии и коммуникативные особенности, детерминируется как социокультурным контекстом и групповыми процессами, так и индивидуально-психологическими особенностями личности и ее опытом. Эмоционально-ценностное отношение личности к ингрупповому Другому можно репрезентировать следующими основными шкалами, представляющими собой бинарные оппозиции: «доверие – недоверие», «понимание – непонимание», «принятие – отчуждение», «интерес – равнодушие», «признание

– непризнание», «открытость – изолированность», а также «ориентация на удержание в группе – ориентация на изгнание из группы». Именно эти шкалы позволяют выявлять и диагностировать эмоционально-ценностное отношение личности к ингрупповому Другому.

Примечания

- 1 См.: Салливан Г. С. Интерперсональная теория в психиатрии. СПб., 1999. 347 с.
- 2 См.: Собчик Л. Н. Введение в психологию индивидуальности. М., 1998. 512 с.
- 3 См.: Столин В. В. Самосознание личности. М., 1983. 288 с.
- 4 См.: Schutz W. C. On group composition // J. Abn. Soc. Psychol. 1961. Vol. 62. P. 275–281.
- 5 Подробное описание процедуры исследования и его результатов представлено (см.: Рягузова Е. В. Стратегии взаимодействия с ингрупповым Другим // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Сер. Педагогика, психология. 2011. № 4(7). С. 245–249).
- 6 См.: Ладанов И. Д. Окно Джогари : взгляд внутрь себя. URL: http://www.elitarium.ru/2007/05/04/okno_dzhogari_vzgljad_vnutr_sebja.html (дата обращения: 08.06.2012).
- 7 Подробное описание процедуры исследования и его результатов представлено в (см.: Рягузова Е. В. Личностные репрезентации дружеского взаимодействия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2012. Т. 12. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 2. С. 76–80).
- 8 См.: Тернер Дж. Социальное влияние. СПб., 2003. 256 с.
- 9 См.: Рягузова Е. В. Психологические риски ингрупповых интеракций // Учён. зап. Пед. ин-та Саратов. гос. ун-та. Сер. Психология. Педагогика. 2011. Т. 4, № 2. С. 24–30.
- 10 См.: Солдатова Г. У., Макачук А. В. Может ли «другой» стать другом? Тренинг по профилактике ксенофобии. М., 2006. 256 с.

УДК 316.613

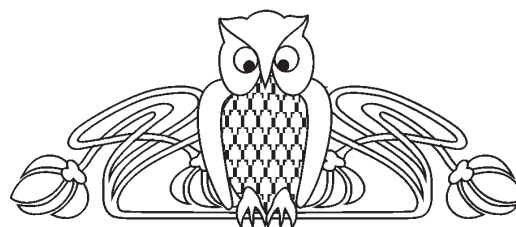
О НЕКОТОРЫХ ПОЛОВЫХ РАЗЛИЧИЯХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЧАСТЬЕ

Т. В. Семёнова

Саратовский государственный университет
E-mail: tatyana_semenova_1973@mail.ru

В статье рассматриваются различные подходы к феномену счастья. Показаны результаты исследования гендерных различий представлений о счастье. На основе эмпирического исследования выделены дескрипторы, представляющие понятие о «мужском» и «женском» счастье.

Ключевые слова: счастье, субъективное благополучие, ценности, гендерные различия.

Some Gender Differences of Happiness

T. V. Semenova

The article discusses the different approaches the concept of happiness. Shows the results of studies of gender differences in the representation of happiness. On the basis of empirical research

гической коррекции этой социальной установки, что требует дальнейших исследований.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно говорить о том, что гипотеза о положительной связи ценностной внутриличностной конфликтности и стратегии «противоборство» в ситуации межличностного конфликта в целом подтвердилась.

Примечания

¹ См.: Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003. 512 с.

² См.: Анцыферова Л. И. Развитие личности и проблемы геронтологии. М., 2006. 512 с.

³ См.: Знаков В. В. Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. М., 2007. 479 с.

⁴ См.: Красильников И. А. Личностные состояния при переживании субъектом ценностной конфликтности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2012. Т. 12. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 1. С. 54–57.

⁵ См.: Сергиенко Е. А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психол. журн. 2011. Т. 32, № 1. С. 120–132.

⁶ См.: Фромм Э. Человек для себя. Минск, 2003. 352 с.

УДК 159.9

КОГНИТИВНЫЕ РАМКИ ВОСПРИЯТИЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ВАЗОПИСИ ВРЕМЕН АРХАИКИ И КЛАССИКИ: ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОГО КОДИРОВАНИЯ

В. Ю. Михайлин

Саратовский государственный университет
E-mail: vmikhailin@yandex.ru

Автор рассматривает комплекс культурных кодов, свойственных древнегреческому симпозию, как единое целое, определяющее способы создания у симпосиастов соответствующей системы когнитивных диспозиций.

Ключевые слова: древнегреческая вазопись, архаическая и классическая, симпосий, историческая антропология, иконология, культурный код, когнитивные диспозиции.

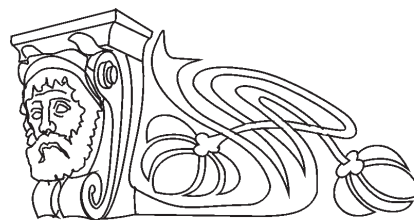
Cognitive Frames of Archaic and Classical Greek Vase-Painting Perception: Specifics of Culture Encoding

V. Yu. Mikhailin

Author examines a set of culture codes peculiar to Ancient Greek symposium as a whole defining the ways and means of symposiasts' acquiring the specific cognitive dispositions pattern.

Key words: Greek vase-painting, archaic and classic, symposium, historical anthropology, iconology, culture code, cognitive dispositions.

Сам по себе феномен постоянного присутствия в пространстве древнегреческого симпозиума изобразительных полей, апеллирующих к тем или иным когнитивным диспозициям симпосиастов, уже требует системного и подробного осмысления и освещения – естественно, в тесной связи с интерпретацией тех культурных кодов, которыми была сплошь пронизана симпосиастическая среда по обе стороны от невидимой границы между

«реальностью» и «кажимостью»: границы, в роли стража коей привычно выступало анфасное изображение Диониса, бога превращений, масок, опьянения и нарушения всяческого равновесия¹. Особым образом убранное пространство большой мужской залы частного греческого дома на то время, пока длился симпосий, «переходило под контроль» этого весьма специфического божества, и каждый участник события, возложив себе на голову плющевый венок, посвящал себя тому же богу, одним из неперемных атрибутов которого была расписная посуда, предназначенная специально для винопития и детальнейшим образом специализированная в соответствии с разными составными элементами этого процесса.

Тот факт, что на симпозиумах греки пили вино из посуды, украшенной фигуративными изображениями, своего рода «дверцами в проективную реальность», естественно, не случаен. Сама структура симпосиастического пространства предполагает одновременную актуальность как минимум двух различных поведенческих систем, домашней/хозяйственной/центральной, ориентированной на таких богов, как Зевс, Гера, Гестия и Гефест, и системы маргинальной/эфебической/воинской, ориентированной на совершенно других божеств, таких как Аполлон, Арес, Артемида и Пан. Свойственные нашему сознанию инферентные системы, которые привычно достраивают

необходимую нам информацию, опираясь при этом на переработку не всех поступающих данных, а только минимальной их части, «работают» только тогда, когда поступающая информация не бывает контр-интуитивной, т.е. не отсылает к двум и более радикально отличающимся друг от друга контекстам, кодовым системам и базовым классификационным категориям – подавая тем самым «успокаивающие» сигналы об отсутствии необходимости задействовать более затратные механизмы обработки информации. Любая же контр-интуитивная информация вызывает резкую активизацию способности к неавтоматизированному выстраиванию проективных реальностей, иначе говоря, к собственному творчеству и к активному восприятию творчества чужого. Действует и обратная логика: поскольку любое художественное творчество так или иначе построено на попытке совместить тот, условно говоря, бытовой контекст, в котором находится реципиент, с другими, существенно отличающимися от него, эмоционально окрашенными и ориентированными на эмпатию контекстами, то постоянное и навязчивое присутствие во вполне бытовом контексте артефактов и/или форм поведения, имеющих «творческую» природу, активизирует у реципиента поведенческие реакции, в иных условиях с данным бытовым контекстом, как правило, несовместимые. Современный городской человек, привыкший к тому, что значительная часть информационных раздражителей может быть просто отфильтрована как не значимая для данной конкретной ситуации, и с самого раннего детства вырабатывающий защитные системы, которые помогают адаптироваться к перенасыщенному информационному пространству, весьма радикально отличается в этом смысле от человека, привыкшего к относительно узким социальным рамкам и к жесткому культурному зонированию поведенческих практик – а именно эти особенности и были в высшей степени свойственны грекам времен архаики и классики. Грек, попавший в симпосиастическое пространство, испытывал вполне понятное возбуждение еще до того, как в игру вступали вино и эротика, и в организации этого возбуждения симпосиастическая вазопись, постоянно посылающая зрителю контр-интуитивные кодовые сигналы, играла едва ли не основную роль.

О той особой функции, которую в этом смысле выполняли анфасные изображения (и, прежде всего, изображения Диониса) и постоянное присутствие в *андроне* свежей зелени в виде венков и гирлянд (дублированных, в свою очередь, растительными узорами в проективных вазописных пространствах), я относительно подробно писал в уже упомянутой более ранней статье. Здесь же речь пойдет о культурных кодах, ориентированных на один из двух – противопоставленных друг другу и постоянно друг с другом

взаимодействующих – «контр-интуитивных» режимов. Один из них связан с имитацией одно-временного присутствия симпосиаста в двух несовместимых культурных пространствах; другой – с «игрой отражений», при которой реальное симпосиастическое пространство, в котором находится пирующий, вступает в бесконечную переключку с пространством проективным, также изображающим симпосий, но только симпосий утрированный – либо с точки зрения «градуса» происходящего (от полной идеализации до не менее всеобъемлющего снижения и фарса), либо в той или иной конкретной своей составляющей (эротика, игровая/игровая компонента, винопитие, раскованность поведения и т.д.).

Первый режим, связанный с «дублированием» культурных зон и кодов, действует в симпосиастическом пространстве практически постоянно. Расписная посуда, обреченная привлечь внимание участника дружеской попойки и провоцировать его на построение проективных реальностей, в значительном большинстве случаев организует эти реальности вокруг сюжетов и сцен, категорически несовместимых с домашним пространством как таковым. Это могут быть сюжеты мифологические, воинские, откровенно фарсовые (связанные, как правило, с сатирами и менадами), однако в любом случае они рассчитаны на то, чтобы заставить симпосиаста, возлежащего за пиршественным столом, испытывать эмпатию по отношению к персонажам и ситуациям, категорически несовместимым с бытовой обстановкой обычного греческого дома, пусть даже и празднично украшенного.

Здесь необходимо оговорить еще одно обстоятельство, связанное с функциями фигуративного изображения в архаических и ранне-урбанистических культурах, подобных древнегреческой культуре VII–VI в. до н. э. (т.е., собственно, в эпоху возникновения и расцвета чернофигурной симпосиастической вазописи). Когнитивные навыки человека, сформировавшегося в рамках архаического сообщества, с его ориентированностью на узкие социальные контексты и едва ли не полным отсутствием навыков абстрактного мышления (конечно, в сравнении с людьми, сформировавшимися в рамках более поздних культур, существующих вокруг уже сформированных широких публичных пространств), обречены на повышенное внимание к любой информации, связанной с возможностью присутствия в одном пространстве с реципиентом каких бы то ни было живых существ, а тем более существ антропоморфных. При этом внимание это носит предельно конкретный характер и направлено на считывание мельчайших признаков, которые позволят отнести данное живое существо ко вполне определенной классификационной категории и, следовательно, спроецировать как его потенциально возможные поведенческие реакции,

так и собственное поведение по отношению к нему. «Просто людей» или «просто собак», подобных тем, которых мы ежедневно встречаем на улицах наших городов и на которых привычно «не обращаем внимания» (за исключением ситуаций, требующих той или иной формы взаимодействия), автоматически присваивая им нулевой коммуникативный и прагматический статус, здесь не существует по определению. Любой человек должен быть предельно четко соотнесен с конкретным статусом (гендерным, возрастным, семейным, соседским, ситуативно-прагматическим и т.д.), точно так же, как должно быть предельно конкретно «классифицировано» и любое животное (с точки зрения не только видовых и возрастных, но и притяжательных, ситуативно-прагматических и т.д. статусов). Причем информация эта, повторяюсь, предельно детализирована и основывается на считывании мельчайших визуальных сигналов (а также, естественно, и сигналов акустических, осязательных и обонятельных, но не о них сейчас речь). Сочетание этих характеристик когнитивных навыков архаического человека (детальная регламентация визуальных сигналов плюс повышенное внимание к антропо- и зооморфным фигурам) дает нам в сумме совершенно особенный и в корне отличающийся от «современного» способ реакции на появление в поле зрения фигуративных изображений, содержащих отсылки к тем или иным знакомым воспринимающему классификационным категориям.

Те ситуативные рамки, которые современный человек привычно выстраивает в процессе восприятия действительности, «снабжены» достаточно жесткими фильтрами, способными отсекают ситуативно не значимую информацию, к числу которой принадлежит и информация о «не значимых» в данный момент живых существах. Человек архаический подобного механизма лишен: он просто вынужден делать любое появившееся в поле его зрения живое существо (или даже просто те или иные сигналы, на присутствие такового намекающие) частью актуальной когнитивной ситуации. Весьма условная, сведенная к нескольким характерным чертам статуя Приапа на границе садового участка *действительно* означает присутствие сельского бога или, по крайней мере, постоянно осязаемую возможность такого присутствия и нагляднейшим образом заставляет потенциального вора живо вспомнить о том, какое наказание ожидает *hubristai*, нарушителей границ. Анфасное изображение Диониса со «следящим» взглядом, да еще и в сочетании с физически осязаемым присутствием этого «Спотыкателя» и «Освободителя» в напитке, раскрепощающем *thumos*, душу, и заставляющем тело вести себя не так, как обычно, *действительно* заставляет почувствовать на себе его власть. А Дионис «приводит с собой» и целый выводок оживающих на глазах существ,

которые складываются из отдельных узнаваемых деталей, встроенных в весьма условные поначалу, в рамках «геометрического» стиля, а затем все более и более натуралистически исполненные персонажи, нарисованные на поверхности пиршественной посуды.

Именно тот факт, что основной когнитивной единицей визуального сообщения является не фигура целиком, а «говорящая» и «оживляющая» изобразительное поле деталь фигуры, может оказаться ответственным за обилие химерических существ в греческой изобразительной традиции – откуда они, вероятно, и перебрались в то, что мы сейчас называем греческой мифологией. Кентавры, сатиры, сфинксы, грифоны, сирены, тритоны, минотавры, гарпии, крылатые фаллосы и проч. строятся по одной и той же схеме, на сугубо контринтуитивном сочетании деталей, отсылающих к двум принципиально различным базовым классификационным категориям, одной из которых, как правило (грифон, а также ряд химерических существ «на конской основе» вроде иппокампа и иппогрифа представляют собой в данном контексте значимое исключение), является категория «человек». И сама эта закономерность уже дает нам ключ к интерпретации греческих химер: когнитивный мостик, возникающий между симпозиастом и двухмерным изображением, в котором явственно угадываются признаки человеческого существа, «подвешивается» за счет приданных этому же самому существу признаков, отсылающих к иной, не-человеческой классификационной категории. Она, будучи вторым, «комментирующим» членом единого кодового высказывания, по принципу действия похожего на визуализированную метафору, порождает значимый смысловой зазор, который заставляет зрителя «остраннять» появившееся в поле его зрения существо с выраженными человеческими чертами (и, следовательно, уже наделяемое такими вмененными качествами, как способность к речи и различению речи, к выстраиванию социально маркированных отношений, памятью и проективным мышлением и т.д.) во вполне определенном режиме и во вполне определенную «сторону».

Так, кентавры и сатиры, вероятнее всего, суть отсылки к конкретному социально-возрастному статусу и к связанным с ним поведенческим характеристикам: а именно к статусу эфебическому, «до-человеческому», с точки зрения древнегреческой нормативности. Сочетание полностью прорисованного или выполненного в одной из пластических техник мужского тела с акцентированными гениталиями и «приставленного» к нему сзади *кобыльего* крупа с не менее акцентированными широкими бедрами (а именно так выглядели архаические кентавры VIII, VII и, во многом, VI в. до н.э., более знакомый современному европейцу образ с мужским торсом и конским телом есть

феномен поздний) совершенно недвусмысленно выводит нас на типично греческие гомоэротические контексты, коими буквально насквозь были пронизаны в архаические и классические времена как тематическое поле «эфеб», так и тематическое поле «симпосий»².

Точно так же выстраиваются и изображения тех химерических персонажей, главный когнитивный «мессидж» которых связан с тематическими полями опасности и смерти: сирен, сфинксов, гарпий и горгон. «Человеческую» основу для всех этих образов составляет женское (или, скорее, девичье) тело, представленное несколькими характерными маркерами: а именно теми его деталями, которые для греческих мужчин находились на грани скрытости и открытости – грудь, лицо, волосы. Древнегреческая культура предполагала весьма тесную связь женщины с интимизированным домашним пространством: гинекей, т.е., собственно женские комнаты, находился в тыльной половине домохозяйства, проход на которую был возможен только через мужскую половину. А потому соединение деталей женского облика с чисто животными маркерами, по определению «приписанными» к маргинальному, воинскому и эфебическому пространству, уже является контр-интуитивным и внушает ощущение тревоги, «неправильности бытия», буквально физически заставляя симпосиата «смотреть в противоположных направлениях» от того места, где он возлежит – одновременно и вовнутрь дома, в интимизированное частное пространство, неотъемлемой частью которого являются женщины, и вовне, в чреватые смертью *eskhata*, территории войны, разбоя и охоты.

Подбор самих «не-человеческих» маркеров также является показательным. Лев в рамках воинского зооморфного культурного кода соответствует высшему возможному мужскому (маргинальному, как и любая практика, связанная с убийством и насилием!) статусу, после которого только смерть. Здесь и сейчас я не имею возможности приводить сколько-нибудь подробные изображения относительно той возможной ритуально ориентированной роли, которую образ сфинкса, существа с женской головой и грудью и львиным туловищем, играл в греческой и, прежде всего, беотийской традиции, но сами сюжеты с этим персонажем, регулярно встречающимся на вазописных изображениях, красноречиво говорят в пользу того, что означенная роль ему была отнюдь не чуждой. Змея есть устойчивый маркер границы, а также тех опасностей, которые связаны с пересечением оной. Птица – устойчивый в индоевропейском ареале маркер «моментального» пересечения границы между жизнью и смертью. Стоит только вспомнить ту роль, которую играли в соответствующей сюжетике крылатые скандинавские валькирии, иранские фравашы/фраварти,

да хотя бы и набор суеверий, связанных в русской традиции с птицами, залетевшими в дом, с кормлением птиц, с кукушкой, которая знает, сколько лет осталось жить человеку, и т.д. В свете высказанных соображений образы горгон, сирен и гарпий представляются в достаточной степени говорящими. Не следует забывать в этой связи и о том страхе, который внушала грекам (и не только грекам) весьма специфическая категория покойников: а именно юноши и девушки («прежде всего девушки»), умершие до полного («превращения в человека»). Для этих мертвых существовала своя особая номинация, *aiōroi*, букв. «бездвременные», им приносились особые умиротворяющие жертвы³. Так что сочетание в изобразительном поле девичьих лица и груди со змеями или птичьими крыльями внятно апеллировало к необходимости забыть на время об автоматизированных режимах считывания информации и выстраивания собственного поведения.

В этом же ключе имеет смысл воспринимать и изображения людей с животными и/или с частями животных – к привычному искусствоведческому желанию видеть в них жанровые сценки следует относиться, по меньшей мере, с остороженностью. Фигура или сочетание фигур – это грамматика визуального высказывания, та необходимая форма, которую вынуждены принимать составляющие его значимые элементы (а потому, естественно, форма, значимая и сама по себе); однако лексическими единицами этого высказывания являются кодовые маркеры, которые чаще всего имеют вид отдельных элементов фигур, атрибутов, предметов и т.д. Таким маркером, естественно, может быть и целая человеческая фигура или фигура животного, но, как правило, в рамках более широкого контекста, «комментируя» другие фигуры или их сочетания.

Так, в стандартной сцене проводов воина (естественным образом отсылающей симпосиастов к контексту, так же близко им знакомому, но при этом чуждому для актуальной на данный момент ситуации винопития) «грамматический» уровень задан сочетанием нескольких фигур, сгруппированных вокруг центральной – уходящего на войну бойца. При этом конкретная фигура отца с жертвенными потрохами в руках или фигура жены, возливающей богам из фиала, будут всего лишь комментировать основное высказывание.

Также и фигуре мальчика, с несколько отстраненным видом стоящего с цедилкой и *ойнохой*⁴ в руках и окруженного полудюжиной весьма динамичных мужских фигур (симпосиасты) и полудюжиной фигур женских (гетеры), не стоит придавать слишком прямого жанрового смысла⁵. Это не только и не столько молодой раб, который задумался на секунду, отвлекшись от своих прямых обязанностей – каким он видится совре-

менному воображению, привыкшему напрямую соотносить одни изображенные на картине человеческие фигуры с другими, изображенными там же, выстраивая между ними проективные системы отношений, имеющих вполне бытовую мотивацию. Это – воплощенный поток вина, льющегося в чаши тогда, когда чаши пустеют, сам собой, безо всякого сознательного усилия со стороны пирующих. Этот мальчик, по крайней мере отчасти, существует в совершенно другом измерении, чем окружающие его симпосиасты и гетеры, – и даже размеры его фигурки, нарисованной под ручкой чаши и четко соотносенной с точки зрения пропорций с нарисованным под противоположной ручкой кратером⁶, свидетельствуют о том, что он представляет собой отдельную часть визуального высказывания, которую не следует смешивать с основной – так же, как не следует помещать в одно «лексическое» пространство огромную фигуру фараона с египетской фрески и окружающие оную маленькие фигурки поверженных и плененных врагов.

Это изображение, кстати, выводит нас на **второй** характерный для симпосия контр-интуитивный режим, связанный с постоянной «игрой отражений» между реальной ситуацией пира и проективными пространствами симпосиастической вазописи. Ситуация пира – одна из самых распространенных тем греческой вазописи, а если добавить к ней другие темы, так или иначе отражающие такие элементы симпосиастического действия, как гомо- и гетеросексуальная эротика, музыка, танец, игры, связанные с ловкостью и удержанием равновесия (коттаб, аскос) и т.д., то по этому ведомству можно будет провести едва ли не половину всей дошедшей до нас вазописной традиции.

Расписную посуду, выступающую в роли своеобразного зеркала, в котором пирующие могли видеть не буквальное свое отражение, а отражение, «переведенное» на язык достаточно жестко простроенных симпосиастических кодов, должно воспринимать в строгой связи с теми чисто практическими функциями, которые она выполняла во время пира. Ряд изображений вообще крайне трудно оценить по достоинству, если не иметь в виду того непосредственного действия, участие в котором принимали сосуды, выступающие для них в качестве носителя. Так, смысл изображений на плафонах *киликов*, пиршественных чаш, приобретает совершенно особенное измерение, когда ты начинаешь отдавать себе отчет в том, что в тот момент, когда симпосиаст принимал наполненную вином чашу, «картинки» этой он видеть не мог,

поскольку она была скрыта вином. И только выпив вино и заглянув в чашу – которая и впрямь превращалась в данном случае в некое подобие зеркала, – он получал визуальный сигнал, который мог весьма специфическим образом «откомментировать» его место и роль на этой дружеской попойке. То же касается и изображений на внешних сторонах чаш. Греки пили вино, поднося килики ко рту обеими руками, так что на какое-то время выпуклый кружок расписной керамики закрывал ото всех остальных симпосиастов лицо пьющего неким подобием глиняной маски (Дионис – бог преображений и масок!), и от того, что и как на этой маске было изображено, тоже могло зависеть очень многое. Не говоря уже о том, что каждый из симпосиастов, скрывая лицо под наполненной вином «маской», хотя бы на миг превращался – в Диониса.

Примечания

- ¹ См. в этой связи мою публикацию (Михайлин В. Ю. Когнитивные рамки восприятия древнегреческой вазописи времен архаики и классики: пространственные и контекстуальные аспекты // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. 2012. Т. 12. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 3. С. 78–83), по отношению к которой нынешняя статья является логичным продолжением и дополнением. Там же см. библиографию по вопросам, связанным с самим феноменом древнегреческого симпосия и с интерпретацией разных аспектов симпосиастического поведения и симпосиастической визуальной культуры.
- ² См.: Лиссарраг Ф., Михайлин В. *ЧеловеКонь* : кентавры и сатиры в греческой традиции : тр. семинара «Пространственно-магистические аспекты культуры». Вып. 17. Саратов ; СПб., 2011. 46 с.
- ³ См. в этой связи: Dowden K. *Death and the maiden: girls' initiation rites in Greek mythology*. L., 1989. 257 p. ; Johnston S. I. *Restless dead. Encounters between the living and the dead in Ancient Greece*. Berkley ; Los Angeles ; L., 1999. 337 p. Весьма любопытный материал есть и в книге Дженифер Ларссон о нимфах (см.: Larsson J. *Greek Nymphs : myth, cult, lore*. Oxford, 2001. 392 p.).
- ⁴ Т.е., собственно, кружкой, при помощи которой вино разливалось по чашам пирующих.
- ⁵ Аттическая краснофигурная чаша работы Макрона, подписанная Иероном (ок. 480 г. до н.э. Нью-Йорк, 20, 246. Приводится в: Beasley J. D. *Attic red-figure vase-painters*. L., 1942. 467/118).
- ⁶ Большим сосудом, в котором смешивали вино и воду, прежде чем разливать смесь по чашам. Эта смесь и называлась по-гречески вино – *oinos*, тогда как вино, в нашем понимании, чистый, не смешанный с водой напиток, именовалось конструкцией откровенно производной – *akratos*, т.е., буквально, «несмешанное».

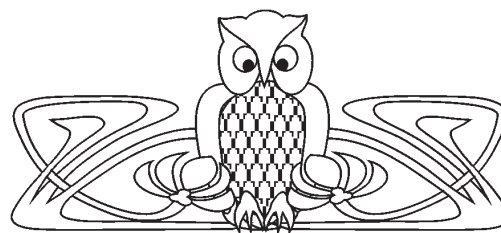

УДК 159.923 (075.8)

СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ КОНФЛИКТЕ ПРИ РАЗЛИЧНОЙ ЦЕННОСТНОЙ ВНУТРИЛИЧНОСТНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ

И. А. Красильников

Саратовский государственный университет
Email: igor.krasilnikov@mail.ru

В статье приводятся результаты эмпирического исследования стратегий поведения в конфликте при различной ценностной внутренней конфликтности. Определены основные закономерности взаимной связи межличностной и внутренней конфликтности личности. Обсуждается проблема детерминации внутренней и внешней конфликтности.

Ключевые слова: ценностный жизненный мир, субъект, межличностный конфликт, ценностная внутренняя конфликтность личности.

Strategy of Behaviour in the Conflict at a Various Valuable Intrapersonal Conflictness

I. A. Krasilnikov

In the article results of empirical research of strategy of behaviour in the conflict are resulted at a various valuable internal conflictness. The basic laws of mutual connection of an interpersonal and internal conflictness of the person are defined. The problem of determination of an internal and external conflictness is discussed.

Key words: valuable vital world, subject, interpersonal conflict, valuable internal conflictness of the person.

Человек живет в сложном, полном противоречий жизненном мире. Характерно, что этот мир представлен в сознании личности, в первую очередь, как ценностный мир¹. Для продуктивного личностного развития необходимо достижение этих ценностей. Однако широкие, казалось бы, социальные возможности в значительной мере обманчивы. Кроме того, современный человек подвержен влиянию трудно предсказуемых обстоятельств, которые блокируют ценностные реализации. Субъективные жизненные ценности, образуя жизненный мир, либо становятся недостижимыми, либо ставятся под угрозу². Личность реагирует на эти трудные жизненные ситуации стрессом, экзистенциальными эмоциями, переживаниями³. Однако понятие переживания является несколько размытым: важно понять предмет этих переживаний. На наш взгляд, полезно было бы использовать понятие «внутриличностная конфликтность»⁴.

Проблема детерминации внутриличностной конфликтности поставлена в психологии давно, однако вопросы ее разрешения активно обсуж-

даются в научной литературе. В современной отечественной и западной психологии все большее внимание уделяется разработке методологии с опорой на понятие «субъект»⁵. Применительно к поставленной нами проблеме именно субъект разрешает жизненные трудности и собственные внутриличностные конфликты.

В данном эмпирическом исследовании была поставлена задача изучить связи ценностной внутриличностной конфликтности со стратегиями поведения в ситуации межличностного конфликта. Ценность конфликтна, если она одновременно обладает мотивационным значением для субъекта и труднодоступна, что сопровождается эмоциональным страданием. *Гипотезой* исследования явилось положение, что лица с высокой ценностной внутриличностной конфликтностью чаще опираются на стратегию поведения «противоборство» в межличностном конфликте. *Методиками эмпирического исследования* были «Уровень соотношения ценности и доступности» Е. Б. Фанталовой (модификация И. А. Красильникова) и «Стратегии поведения в конфликте» (К. Томаса).

Исследование проводилось на выборке, состоящей из 95 человек, служащих и студентов различных вузов; возраст – $27,1 \pm 6,7$ лет.

Выборка в результате тестирования разделилась на две группы: первая включала лиц, не имеющих для конкретной ценности внутриличностной конфликтности, вторая – имеющих ценностную конфликтность (ценность субъективно недоступна). Разделение на две группы осуществлялось 12 раз, так как методика Фанталовой включает 12 ценностей. Затем проводился сравнительный статистический анализ стратегий поведения в конфликте между полученными группами по t-критерию Стьюдента; также использовался корреляционный анализ Пирсона (пакет прикладных статистических программ SPSS 15).

В *жизненные ценности* вошли: 1) интересная работа; 2) свобода (как независимость в поступках и действиях в личной, профессиональной или общественной жизни); 3) стремление к более высоким достижениям и личному успеху;

4) благополучие родных людей (близких, детей); 5) счастливая семейная жизнь; 6) справедливость в отношении ко мне или моим любимым людям; 7) материально обеспеченная жизнь; 8) активная творческая деятельность; 9) внешняя физическая привлекательность; 10) любовь; 11) наличие хороших и верных друзей; 12) здоровье.

Результаты сравнительного статистического анализа стратегий поведения в межличностных конфликтах показывают, что стратегия «противоборство» достоверно более выражена (менее вы-

ражено избегание и стремление к сотрудничеству) у групп лиц с более выраженной конфликтностью ценностей: свобода (как независимость в поступках и действиях в личной, профессиональной или общественной жизни); стремление к более высоким достижениям и личному успеху; благополучие родных людей (близких, детей); справедливость в отношении ко мне или моим любимым людям; активная творческая деятельность; внешняя физическая привлекательность (табл. 1–3).

Таблица 1

Сравнительный анализ стратегий поведения для ценностей «свобода» ($n_0 = 70$ чел., $n_n = 25$ чел.) и «стремление к более высоким достижениям» ($n_0 = 48$ чел., $n_n = 47$ чел.)

Стратегии поведения в конфликте	Показатели групп					
	Для ценности «свобода»			Для ценности «стремление к более высоким достижениям»		
	Среднее арифметическое		t	Среднее арифметическое		t
	О	Н		О	Н	
Противоборство	3,53	5,48	2,96*	3,43	4,65	2,05***
Сотрудничество	6,41	6,56	0,39**	6,47	6,42	0,16**
Компромисс	7,34	6,76	1,43**	7,52	6,85	1,88***
Избегание	7,13	6,04	2,27***	7,00	6,68	0,74**
Уступка	5,53	5,08	0,89**	5,39	5,42	0,06**

Примечание. О – группа с отсутствием конфликтности для данной ценности; Н – группа с наличием конфликтности для данной ценности; * – $p \leq 0,01$; ** – $p \geq 0,05$; *** – $p \leq 0,05$.

Таблица 2

Сравнительный анализ стратегий поведения для ценностей «благополучие родных людей» ($n_0 = 71$ чел., $n_n = 27$ чел.) и «справедливость в отношениях» ($n_0 = 75$ чел., $n_n = 20$ чел.)

Стратегии поведения в конфликте	Показатели групп					
	Для ценности «благополучие родных людей»			Для ценности «справедливость в отношениях»		
	Среднее арифметическое		t	Среднее арифметическое		t
	О	Н		О	Н	
Противоборство	3,71	5,00	1,86***	3,77	5,85	2,79*
Сотрудничество	6,29	6,91	2,71***	6,54	6,10	1,12**
Компромисс	7,28	6,92	0,88**	7,14	6,60	1,41**
Избегание	7,15	5,92	2,57***	6,78	7,35	1,10**
Уступка	5,43	5,33	0,20**	5,41	5,40	0,02**

Примечание. Условные обозначения см. табл. 1.

Таблица 3

Сравнительный анализ стратегий поведения для ценностей «активная творческая деятельность» ($n_0 = 79$ чел., $n_n = 16$ чел.) и «внешняя физическая привлекательность» ($n_0 = 81$ чел., $n_n = 14$ чел.)

Стратегии поведения в конфликте	Показатели групп					
	Для ценности «активная творческая деятельность»			Для ценности «внешняя физическая привлекательность»		
	Среднее арифметическое		t	Среднее арифметическое		t
	О	Н		О	Н	
Противоборство	4,01	5,87	2,47***	3,81	5,64	2,20***
Сотрудничество	6,56	5,25	2,85***	6,57	5,71	2,24***
Компромисс	7,15	7,37	0,46**	7,27	6,85	0,82**
Избегание	7,05	6,00	2,52**	6,75	7,14	0,65**
Уступка	5,54	4,75	1,23**	5,53	4,43	1,82***

Примечание. Условные обозначения см. табл. 1.

Имеется более сильная связь стратегии противоборства с конфликтными ценностями «свобода» и «справедливость в отношениях» (см. табл. 1, 2). Возможно, это связано с тем, что такие ценности образуют глубинный уровень личности человека, о чем писал Э. Фромм⁶. Свобода и справедливость являются высшими человеческими социальными ценностями в современном мире; в условиях рыночной системы личность особенно чувствительна к блокировке их реализации.

Лица, испытывающие трудности в достижении ценности «стремление к более высоким достижениям и личному успеху», достоверно менее склонны к стратегии «компромисс» (см. табл. 1). Интересным является тот факт, что у лиц, испытывающих внутренний конфликт, связанный с внешней привлекательностью, одновременно наблюдается стремление к противоборству и снижены стратегии сотрудничества и уступки в ситуации межличностного конфликта.

Результаты сравнительного статистического анализа стратегий поведения в конфликте групп с наличием и отсутствием других конфликтных ценностей показывают, что блокировка реализации ценностей «интересная работа» и «материально обеспеченная жизнь» не приводит к явному противоборству, однако отмечается снижение стратегии «уступчивость», что можно характеризовать как латентное стремление к «противоборству».

Сравнительный статистический анализ стратегий поведения в межличностном конфликте у лиц с конфликтной ценностью «счастливая семейная жизнь» выявил, что труднодоступность этой ценности связана с уменьшением стратегии «компромисс». Также интересным для нас явился факт, что при этом у лиц с реализацией этой ценности менее выражена стратегия «избегание». Этот результат находит свое объяснение в экзистенциально-гуманистической парадигме понимания личности. Реализация ценности «счастливая семейная жизнь» сопряжена не с избеганием различных семейных проблем, а с активным взаимодействием со значимыми членами семьи; важен «экзистенциальный контакт», который возможно и приводит к напряженным отношениям, но он носит, скорее, временный характер, снимая различные неопределенности в отношениях, освобождая «дорогу» к главным семейным смыслам.

Достоверных различий стратегий поведения в межличностных конфликтах групп с наличием и отсутствием конфликтности ценности «любовь» не обнаружено; аналогичная картина выявлена также для ценностей «здоровье» и «друзья». Скорее всего, жизненные трудности, связанные с этими ценностями, вызывают сложные амбивалентные (астенические) чувства, где возможна различная непредсказуемая форма поведения.

Для дополнительной проверки нашей гипотезы мы исследовали корреляционные связи между коэффициентом внутриличностной конфликтности (КВК) и стратегиями поведения в межличностном конфликте. КВК определялся как общее число конфликтных ценностей для отдельного испытуемого. Коэффициент внутриличностной конфликтности положительно коррелирует со стратегией «противоборство» – 0,34 ($p < 0,01$) и отрицательно с «компромиссом» – $-0,27$ ($p < 0,01$), т.е. чем больше конфликтных «жизненных тем» имеет личность, тем более вероятно, что в ситуации межличностного конфликта субъект будет опираться на стратегию «противоборство».

В заключение можно сделать выводы: для значительного числа жизненных ценностей их конфликтность (труднодоступность) положительно связана со стратегией «противоборство» в ситуации межличностного конфликта. Конфликтные ценности «свобода как независимость в поступках и действиях в личной, профессиональной или общественной жизни» и «справедливость в отношении ко мне или моим любимым людям» имеют наиболее сильную связь со стратегией «противоборство». Лица, у которых наблюдается конфликтность ценности «стремление к более высоким достижениям и личному успеху», одновременно склонны к противоположным стратегиям – «противоборство» и «компромисс», – это свидетельствует о том, что такая ценность косвенно оказывает влияние на возникновение сложных, амбивалентных чувств в ситуации межличностного конфликта. Труднодоступность вышеуказанной ценности приводит к стенически эмоциональным формам поведения. Для современной личности глубоко субъективно значимы эти ценности и высока потребность в их самореализации.

Для ценностей «любовь», «здоровье» и «друзья» конфликтность не коррелирует с какими бы то ни было стратегиями в ситуации межличностного конфликта. Скорее всего, невозможность их реализации приводит к астеническим переживаниям или смешанным, амбивалентным чувствам, что проявляется в неустойчивых формах поведения.

Чем больше конфликтных (не реализуемых) ценностей представлено в субъективном мире человека, тем выше его склонность проявлять стратегию «противоборство» в ситуации межличностного конфликта. Этот факт может быть полезен для консультативной психологии в целях коррекции конфликтного поведения: изменение социальных установок на противоборство может привести к снижению внутренней конфликтности. Однако в современном мире рыночных отношений, где высока конкуренция, борьба за лидерство неизбежно связана с противоборством, поэтому существует трудная проблема психоло-

гической коррекции этой социальной установки, что требует дальнейших исследований.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно говорить о том, что гипотеза о положительной связи ценностной внутриличностной конфликтности и стратегии «противоборство» в ситуации межличностного конфликта в целом подтвердилась.

Примечания

¹ См.: Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003. 512 с.

² См.: Анцыферова Л. И. Развитие личности и проблемы геронтологии. М., 2006. 512 с.

³ См.: Знаков В. В. Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. М., 2007. 479 с.

⁴ См.: Красильников И. А. Личностные состояния при переживании субъектом ценностной конфликтности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2012. Т. 12. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 1. С. 54–57.

⁵ См.: Сергиенко Е. А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психол. журн. 2011. Т. 32, № 1. С. 120–132.

⁶ См.: Фромм Э. Человек для себя. Минск, 2003. 352 с.

УДК 159.9

КОГНИТИВНЫЕ РАМКИ ВОСПРИЯТИЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ВАЗОПИСИ ВРЕМЕН АРХАИКИ И КЛАССИКИ: ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОГО КОДИРОВАНИЯ

В. Ю. Михайлин

Саратовский государственный университет
E-mail: vmikhailin@yandex.ru

Автор рассматривает комплекс культурных кодов, свойственных древнегреческому симпозию, как единое целое, определяющее способы создания у симпосиастов соответствующей системы когнитивных диспозиций.

Ключевые слова: древнегреческая вазопись, архаическая и классическая, симпосий, историческая антропология, иконология, культурный код, когнитивные диспозиции.

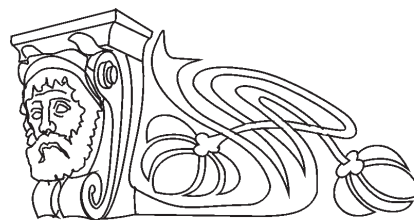
Cognitive Frames of Archaic and Classical Greek Vase-Painting Perception: Specifics of Culture Encoding

V. Yu. Mikhailin

Author examines a set of culture codes peculiar to Ancient Greek symposium as a whole defining the ways and means of symposiasts' acquiring the specific cognitive dispositions pattern.

Key words: Greek vase-painting, archaic and classic, symposium, historical anthropology, iconology, culture code, cognitive dispositions.

Сам по себе феномен постоянного присутствия в пространстве древнегреческого симпозиума изобразительных полей, апеллирующих к тем или иным когнитивным диспозициям симпосиастов, уже требует системного и подробного осмысления и освещения – естественно, в тесной связи с интерпретацией тех культурных кодов, которыми была сплошь пронизана симпосиастическая среда по обе стороны от невидимой границы между

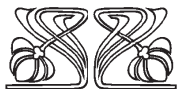
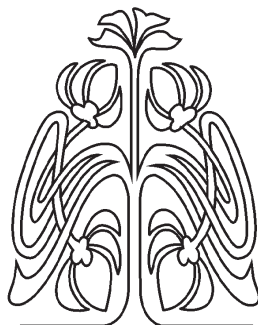

«реальностью» и «кажимостью»: границы, в роли стража коей привычно выступало анфасное изображение Диониса, бога превращений, масок, опьянения и нарушения всяческого равновесия¹. Особым образом убранное пространство большой мужской залы частного греческого дома на то время, пока длился симпосий, «переходило под контроль» этого весьма специфического божества, и каждый участник события, возложив себе на голову плющевый венок, посвящал себя тому же богу, одним из неперемных атрибутов которого была расписная посуда, предназначенная специально для винопития и детальнейшим образом специализированная в соответствии с разными составными элементами этого процесса.

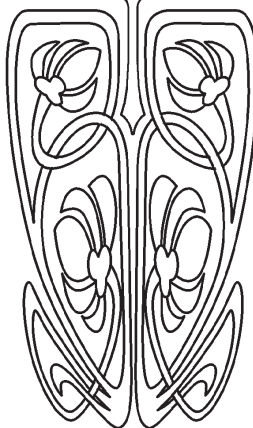
Тот факт, что на симпосиях греки пили вино из посуды, украшенной фигуративными изображениями, своего рода «дверцами в проективную реальность», естественно, не случаен. Сама структура симпосиастического пространства предполагает одновременную актуальность как минимум двух различных поведенческих систем, домашней/хозяйственной/центральной, ориентированной на таких богов, как Зевс, Гера, Гестия и Гефест, и системы маргинальной/эфебической/воинской, ориентированной на совершенно других божеств, таких как Аполлон, Арес, Артемида и Пан. Свойственные нашему сознанию инферентные системы, которые привычно достраивают

ПСИХОЛОГИЯ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

УДК 159.9.01; 159.9:001.8

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

М. В. Григорьева

Саратовский государственный университет
E-mail: grigoryevamv@mail.ru

В статье анализируются возможности диахронического подхода к исследованию процессов социализации и социально-психологической адаптации. Предлагается определение единицы психологического анализа, детерминант и критериев диахронии и синхронии в процессе адаптационных взаимодействий личности и среды. Анализируется роль и соотношение процессов рассогласования и согласования в системе личность – среда.

Ключевые слова: диахронический подход в психологии, адаптационные взаимодействия, личность, образовательная среда, адаптация, социализация, единица анализа, детерминанты, развитие системы.

Diachronic Approach to the Study of the Processes of Social-Psychological Adaptation of Personality

M. V. Grigoryeva

The paper analyzes the possibility of a diachronic approach to the study of the processes of socialization and social-psychological adjustment. In article offers a description of the unit of analysis, the determinants and criteria diachrony and synchrony in the adaptation of the individual and environment interactions. The article examines the role and the ratio of processes of unbalance and coordination in the system person – environment.

Key words: diachronic approach to psychology, adaptive interaction, personality, educational environment, adaptation, socialization, the unit of analysis, determinants, development of the system.

В условиях современного динамично развивающегося общества к психологии обращен социальный заказ, связанный с проблемой активного отражения в психике изменений в различных сферах общественных взаимодействий и отношений и адекватного эффективного реагирования на них. Психические новообразования, формирующиеся в психике индивида под влиянием сложной и нестабильной действительности, приобретают многоаспектность, темпоральность их функционирования возрастает, появляются характеристики, объединяющие в себе историю бытия индивида и общества, актуальное состояние этого бытия и обращенность в будущее. В то же время активное и адекватное воздействие субъекта на окружающую среду (природную, предметную, социальную, образовательную, профессиональную и т.д.) обусловлено образом актуальной ситуации, в котором сочетаются, как бы сжимаются в единое целое перечисленные выше характеристики.

Появляется определенный контекст ситуации взаимодействия субъекта с окружающей средой. Контекст конкретной ситуации взаимодействия индивида и среды зависит также и от отношений субъекта к различным сторонам этой ситуации, и от его прошлого

опыта в связи с различными сторонами данной ситуации, и от того, какую роль она играет в его будущей жизни и деятельности. Таким образом, ситуация взаимодействия «... парадоксальна: включая в себя субъекта, <...> одновременно противостоит ему; одной <...> стороной являются условия жизни, другой – их отражение человеком, включенным в ситуацию»¹.

Учет исторического развития ситуации взаимодействия субъекта и среды требует от психологического исследования новых методологических оснований, позволяющих рассматривать явление в его развитии, раскрывающих психологические механизмы, способствующих не просто констатации прошлого и актуального состояния психического явления и ситуации его функционирования, а антиципации их развития в будущем, другими словами, способствующих научному представлению о возникновении, развитии и предсказании возможных вариантов временной динамики системы взаимодействия личности и среды.

В современной психологии существуют научные подходы, позволяющие рассматривать психическое явление в динамике: это – системно-генетический, системно-функциональный, синергетический и другие подходы к исследованию. Все они акцентируют внимание исследователя на процессуальных аспектах изучаемого явления. Выполненные с учетом этого аспекта исследования социализации и адаптации² не только представляют научные данные об их актуальных признаках, но и обращены к анализу исторического развития явления в определенном временном промежутке.

Вместе с тем трудно выделить научный подход, способствующий изучению психического явления с учетом прошлого, настоящего и будущего в его развитии, который позволял бы обозреть конкретное явление в реальном временном промежутке, на необходимом уровне психологического анализа и с учетом сложной системы детерминант. Сложность и неоднозначность самого процесса детерминации функционирования психики человека в системе «личность – среда» приводит к тому, что при определенных обстоятельствах система становится неустойчивой, а процесс ее развития «размывается». Рассматривая проблему детерминации психических явлений, Б. Ф. Ломов также имеет в виду не только детерминацию развития, но и «развитие детерминации»³. Другими словами, для более адекватного описания психической реальности необходим поиск новых оснований и детерминант ее развития. Одним из путей может быть применение диахронического подхода в психологическом исследовании.

Термин «диахрония» первоначально получил распространение в исторической лингвистике. Буквально «диахрония» переводится с греческого языка как «течение сквозь время» и обозначает

историческое развитие тех или иных явлений и систем. Введенный в науку швейцарским лингвистом Ф. де Соссюром термин «диахрония» обозначал в лингвистике отношения и связи элементов (единиц языка) в исторической последовательности их возникновения⁴. Диахрония, по Ф. де Соссюру, дополняется синхронией – существованием установившейся в настоящий момент времени системы языка. Диахрония и синхрония взаимодополняют друг друга как методы познания эволюции системы в другую систему в первом случае и исследование системы в ее функционировании в настоящий момент во втором. При этом основными критериями эволюции явлений являются их последовательность во времени (раньше – сейчас, прошлое – настоящее, настоящее – будущее и т.п.) и их качественное различие, не позволяющее объединить следующие друг за другом во времени явления в систему⁵. Как считает О. С. Разумовский, «диахрония – это важнейшая характеристика формы и архитектуры основного процесса, в котором находится все бытие и мышление. Динамическое бытие без диахронии невозможно»⁶.

Применительно к психологическому явлению диахронический подход требует, во-первых, определения единицы анализа, т.е. системы, перерабатывающей в своем развитии себя и переходящей в другую, во-вторых, указания детерминант данного перехода. В качестве системы как единицы психологического анализа в рамках диахронического подхода необходимо выбирать структурно сложно организованные, динамично функционирующие, подчиненные жизненно важным целям и сочетающие в себе возможность учета многочисленной детерминации реальной действительностью образования. В качестве таковых можно назвать, например, систему взаимодействий учащихся школы с образовательной средой, системы – школьной адаптации, социальных взаимодействий личности в процессе ее социализации и др. В любом случае системообразующей будет являться категория взаимодействия, так как именно она сочетает в себе возможность учета активности личности в процессе ее вхождения в социальную среду и приспособления к ней с последующей интеграцией; реализации идеи взаимовлияния личности и среды; наблюдения последовательности во времени инициативных и ответных личностных и средовых влияний.

Анализ исторического развития категории взаимодействия позволяет сделать вывод о ее важнейшем значении для психологического исследования⁷. Благодаря взаимодействиям личности и среды любая изучаемая система, их включающая, приобретает функциональность, согласованность, эффективность или разрушается с тем, чтобы была организована качественно новая система взаимодействий, функционирующая в следующий

временной промежуток. Таким образом, категория взаимодействия личности и среды удовлетворяет основному требованию диахронического подхода – организации изучения последовательного во времени процесса развития системы в другую, качественно новую. Категория взаимодействия также позволяет интегрировать в единое целостное знание различные и многообразные факторы и явления, сложным образом соединяющиеся в систему психического функционирования социализирующейся и развивающейся личности.

Наиболее общей детерминантой динамики системы является рассогласование функционирования ее элементов. Так, в модели адапционных взаимодействий личности и образовательной среды, разработанной нами⁸, развитие системы адапционных взаимодействий начинается в условиях дисбаланса, несогласованности, нарушения равновесия между требованиями (возможностями) среды и возможностями (требованиями) личности. Рассогласование в системе взаимодействий со средой может осознаваться или не осознаваться личностью. В первом случае динамика изменений внутри системы личность – среда может инициироваться самой личностью. Механизмами, позволяющими индивиду осознать рассогласование со средой, могут быть когнитивные – различения минимальных изменений, эмоциональный механизм тревоги, мотивационные – стремления к равновесию с требованиями среды и т.д. Если рассогласование не осознается, то динамика взаимодействий в данной системе может инициироваться социальной средой с использованием социально-психологических механизмов.

Функцией системы адапционных взаимодействий является достижение динамического равновесия личности с требованиями среды. При этом такое достижение детерминируется многочисленными внутренними и внешними по отношению к индивиду факторами. Конечным результатом работы индивидуальной системы взаимодействий является готовность к изменениям, подстройке, которая выражается в способности человека успешно осуществлять ведущую для данного возраста и/или индивидуально значимую деятельность в этих изменяющихся условиях.

Взаимодействуя со средой, субъект достигает или не достигает поставленной цели – оптимальных взаимодействий. В первом случае возникает согласование с требованиями среды, которое осуществляется за счет внутренних изменений или активных изменений среды, или сочетания того и другого. С точки зрения ведущей деятельности и личностного развития, согласование может быть оптимальным или неоптимальным (слабым или статичным во времени). В результате оптимального согласования в системе «личность – среда» наблюдается успешная психологическая или социально-психологическая адаптация и возникают

новообразования личности, которые влияют на последующие адаптационные процессы. Слабое, недостаточное для успешного осуществления деятельности согласование, так же как и слабое рассогласование, можно считать положительным результатом адаптационного процесса, если оно дает хотя бы минимальную или временную возможность осуществлять учебную деятельность или личностное развитие.

Статичное во времени согласование с требованиями среды приводит к тому, что субъектом не учитываются изменившиеся условия среды и как следствие разрушается система адаптации в данной среде. Система взаимодействий в данном случае переходит на новый уровень развития, формируется качественно другая, функционирующая в других условиях и другом времени система. Избыточное рассогласование со средой приводит к такому же результату, если человек волевым усилием не «запускает» цикл необходимых взаимодействий вновь.

Диахроническое исследование чередующихся таким образом во времени под влиянием рассогласований систем взаимодействий позволяет проследить закономерности перехода и предсказать возможные траектории развития процессов социализации и социально-психологической адаптации в будущем с учетом прошлого и настоящего.

Эмпирическое доказательство детерминирующей роли рассогласований в развитии системы взаимодействий личности и среды представлено нами на примере системы школьных взаимодействий⁹. Показано, что целостная система данных взаимодействий является гибкой и находится в постоянной динамике: изменяются ее структура, соотношение различных элементов внутри отдельных subsystem и внутрисистемные взаимосвязи. Система взаимодействий школьника и образовательной среды функционирует также в зависимости от контекста ситуации взаимодействия и в соответствии с требованиями возрастных периодов.

На протяжении всего времени обучения в школе система взаимодействий несколько раз качественно меняется. Качество изменения связано с повышением адаптационного потенциала системы школьных взаимодействий. Это происходит при условии накопления в системе информации о большем количестве вариантов (видов) взаимодействий. В свою очередь, это становится возможным или через мысленное моделирование субъектом (школьником или педагогом) множества вариантов взаимодействий с образовательной средой, или через освоение субъектом множества инициативных и ответных действий в процессе его реального взаимодействия с образовательной средой. Другими словами, механизмами, отвечающими за оптимальную динамику системы взаимодействий школьника

и образовательной среды, являются интеллектуализация всех сфер его активности за счет накопления опыта в прошлом и настоящем и расширение сфер реальной активности (множество деятельностей) в процессе его взаимодействия с образовательной средой.

Методологическое требование диахронического подхода, заключающееся в необходимости связывать в исследовании прошлое, настоящее и будущее ситуации или явления, заставляет обозначить еще один механизм оптимизации динамики системы взаимодействий личности и среды. Это – механизм антиципации личностью процесса и результата взаимодействий со средой. Значительная роль интеллектуальных действий в адаптационном процессе, начиная со способности к минимальным различиям, позволяющим заметить несоответствие своих возможностей требованиям среды, и заканчивая антиципацией и способностями широкого переноса эффективного адаптационного действия на множество ситуаций при сохранении гибкости ментальных структур, позволяет определить интеллект индивида как общую адаптационную способность.

Как было сказано выше, диахронический подход позволяет изучать определенную систему, выбранную в качестве единицы анализа, на определенном временном отрезке при условии, что на этом отрезке она несколько раз качественно меняется. При этом возникает проблема выбора масштаба времени. Очевидно, данный выбор должен быть обусловлен объективно существующей динамикой реальности, целями исследования и уровнем психологического анализа. Применительно к системе школьных взаимодействий масштаб времени существования определенного качества системы может быть привязан к этапам обучения – начальной школе, среднему звену и старшим классам. Однако индивидуальные системы школьной адаптации могут существовать в более кратком временном промежутке и обуславливаться гетерохронией индивидуального развития и обобщенных требований образовательной среды, привязанных к групповой форме обучения. Кроме того, на психофизиологическом уровне анализа системы школьных взаимодействий масштаб времени, выбранный для изучения, может быть более длительным, чем на психологическом и социально-психологическом уровнях. Так, нами показано, что для изменения индивидуальной динамики психического функционирования учащихся, связанной со свойствами нервной системы, требуется больше времени и личностных затрат, чем для качественного изменения когнитивных и социально-психологических явлений¹⁰.

Если понимать под диахронией переход изучаемой системы на другой уровень, т.е. ее структурные или качественные изменения и трансформацию в систему с другими признаками,

характеристиками, целями, а под синхронией функционирование измененной системы, то неизбежно возникает проблема соотношения данных феноменов. Когда начинается и заканчивается диахрония в развитии, каким образом синхрония переходит в диахронию, каковы механизмы данного перехода, какими методами изучать оба процесса и их взаимопереходы?

Разработчики диахронического подхода в философии и лингвистике говорят о неразрывной взаимосвязи диахронии и синхронии в процессе развития языка: «... хотя синхронный анализ явлений языка и предшествует диахронному, но диахрония, все же, имеет основу для осмысления фактов языка именно в синхронии»¹¹, «... диахрония не исключает понятия системы, а синхрония не может исключить целиком понятие эволюции. Диахрония и синхрония сами, вместе образуют две последовательные фазы диахронного по форме и структуре анализа языка – как элементов общего подхода»¹².

Очевидно, применительно к системе адаптационных взаимодействий, основная цель которых установление динамического равновесия в системе «личность – среда», ответы на данные вопросы следует искать в анализе процессов рассогласований и согласований требований (возможностей) среды и возможностей (требований) личности. Объективное наличие рассогласования требований и возможностей в системе «личность – среда» может быть критерием синхронического существования системы адаптационных взаимодействий, поскольку основная их цель – преодоление данного рассогласования и стремление к соответствию требований и возможностей личности и среды. В то же время эта же ситуация наличия объективного рассогласования является началом диахронического существования в системе «личность – среда», поскольку личность в своем взаимодействии со средой стремится к его оптимальности и эффективности, а так как существующая система взаимодействий не позволяет достичь данной цели, то ее необходимо разрушить или преобразовать и создать новую.

Рассмотренное выше соотношение рассогласования и согласования требований и возможностей позволяет определить очень сложный и нелинейный характер развития системы адаптационных взаимодействий. В определенный момент времени проявляется способность личности к спонтанному порождению новых структур за счет внутренних резервов. В качестве таких новообразований могут выступать не только множество знаний, умений и навыков, но и сложная система межличностного взаимодействия с социальным окружением, готовность рассматривать проблему, делать это открыто, отражать целостную структуру основных элементов проблемы, «обобщение» личностью своего способа жизни и т. д.

Сформированность любого новообразования в данном процессе может служить критерием окончания диахронии и перехода системы адаптации к синхроническому существованию. Избыточное накопление согласования между требованиями (возможностями) среды и возможностями (требованиями) личности во время синхронии адаптации является одновременное диахронией для системы «личность – среда», так как приводит к разрушению привычных и уже не способствующих личностному развитию отношений со средой.

Чередующиеся периоды синхронии и диахронии в процессах взаимодействия индивида со средой и адаптации могут определять качественное различие взаимодействия и адаптации. Эффективные взаимодействия осуществляются на основе успешного результата адаптации индивида к условиям жизни или деятельности в определенной среде, т.е. на основе достигнутого равновесия в системе «личность – среда». Адаптация как процесс начинается в условия дисбаланса между требованиями (возможностями) среды и возможностями (требованиями) индивида. Однако характеристики активности и рефлексивности субъекта в адаптационном процессе позволяют выделить категорию «адаптационные взаимодействия», которая включает в себя перцептивные, интеллектуальные, коммуникативные, волевые и др. действия, направленные на выявление несоответствия в системе «личность – среда», моделировании его преодоления и антиципации результата. В свою очередь, любое взаимодействие индивида со средой направлено в конечном итоге на достижение равновесия с ней или через изменения в среде, или через самоизменения, или через то и другое одновременно. Все действия субъекта, связанные с познанием и изменением окружающей среды и с познанием и изменением себя, так или иначе всегда соотносятся с целями адаптации. Все вышесказанное позволяет рассматривать адаптацию как постоянный процесс рассогласования и согласования в системе «личность – среда». Кроме того, в данной системе могут поддерживаться некоторые параметры динамики, детерминирующие наступление рассогласования вслед за согласованием.

Таким образом, диахронический подход в психологических исследованиях позволяет проследить закономерности эволюции изучаемого явления, развитие системы, выбранной в качестве предмета анализа, раскрыть закономерности перехода неэффективной системы на необходимый уровень развития, предсказывать возможные траектории эволюционного и синхронного процесса развития системы. Однако начало разработки диахронического подхода для анализа процессов социализации и адаптации в психологии требует

дальнейшей разработки и эмпирических подтверждающих исследований.

Работа выполнена в рамках проекта «Социально-психологический анализ процессов социализации и адаптации личности в условиях динамично развивающегося общества» Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (2012-1.2.1-12-000-3005-012).

Примечания

- ¹ Барabanщиков В. А. Принцип системности в современной психологии : основания, проблемы, тенденции развития // *Идея системности в современной психологии* / под ред. В. А. Барabanщикова. М., 2005. С. 35.
- ² См.: Шамионов Р. М. О некоторых преобразованиях структуры субъективного благополучия личности в разных условиях профессиональной социализации // *Мир психологии*. 2010. № 1. С. 237–249 ; Григорьева М. В., Шамионов Р. М. Временные соотношения субъектных и личностных проявлений в адаптационном процессе // *Известия Волгоград. гос. пед. ун-та*. 2009. № 9. С. 127–130 ; Григорьева М. В. Психологическая структура и динамика взаимодействия образовательной среды и ученика в процессе школьной адаптации // *Психология обучения*. 2010. № 6. С. 33–42 ; Тарасова Л. Е. Педагогический такт в процессе осуществления контроля качества подготовки студентов // *Инновации в образовании*. 2011. № 1. С. 29–46.
- ³ См.: Ломов Б. Ф. *Методологические и теоретические проблемы психологии*. М., 1984. С. 100.
- ⁴ См.: Соссюр Ф. де. *Курс общей лингвистики* / пер. с фр. А. М. Сухотина; под ред. и с примеч. Р. И. Шор. М., 2004.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Разумовский О. С. Диахрония. URL: http://www.chronos.msu.ru/TERMS/razumovsky_diakhronia.htm (дата обращения: 03.09.2012).
- ⁷ См.: Григорьева М. В. Взаимодействие как категория современной психологии // *Учён. зап. Пед. ин-та Саратов. гос. ун-та. Сер.: Психология. Педагогика*. 2009. Т. 2. № 3–4. С. 3–12.
- ⁸ См.: Григорьева М. В. Основные концептуальные положения исследования школьной адаптации // *Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Сер.: Педагогика, психология*. 2011. № 2. С. 63–66.
- ⁹ См.: Григорьева М. В., Шамионов Р. М. Временные соотношения субъектных и личностных проявлений в адаптационном процессе // *Известия Волгоград. гос. пед. ун-та*. 2009. № 9. С. 127–130 ; Григорьева М. В. Психологическая структура и динамика взаимодействия образовательной среды и ученика в процессе школьной адаптации // *Психология обучения*. 2010. № 6. С. 33–42.
- ¹⁰ См.: Григорьева М. В. Психологическая структура и динамика взаимодействия...
- ¹¹ Разумовский О. С. Указ. соч.
- ¹² Там же.

и сокрытие (оберегание мифа). Бытие, являясь в череде самоскрываний и самораскрытий как постоянной смене восхождения и нисхождения, называется в λόγος.

Λόγος, понятый в смысле изначального λέγειν, с одной стороны, называет бытие, с другой – называет способ его бытийствования – упорядоченность сущего. «Логос, во-первых, есть единство вещей, во-вторых, это всеобщность вещей, присущая всем вещам настолько глубоко, что логос, согласно Лосеву, является “мировым порядком, тождественным для всех”»¹⁹. Такой порядок есть некая закономерность существования всякого сущего, в котором свобода и необходимость являют тождество, происходящее из самого бытия.

Результатом данной работы стало уяснение того, что множественный перевод греческого λόγος в наше мышление не есть вольная его интерпретация, поскольку само существо термина максимально обще – оно называет связь «слова» с бытием. Мы говорим: λόγος есть «разум» и имеем в виду родство бытия и мышления, их тождество в самом основании как способность разума постигать саму «основность» всякого существования. Λόγος есть «закон»: этим выражается такая связанность бытия и «слова», которая действует как некая необходимость. Всякий перевод греческого λόγος призван называть его связь с бытием. Греческий λόγος, исходящий из самого бытия, восходит в «сказывание об истоке» нашего существования.

Примечания

- ¹ Хайдеггер М. Положение об основании / пер. с нем. О. А. Коваль. СПб., 2000. С. 176.
- ² Там же. С. 187.
- ³ Хайдеггер М. Парменид / пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб., 2009. С. 244.
- ⁴ Трубецкой С. Н. Соч. М., 1994. С. 53.
- ⁵ Там же. С. 54.
- ⁶ Мень А. Дионис. Логос. Судьба. Брюссель, 1992. С. 112.
- ⁷ Хайдеггер М. Гераклит / пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб., 2011. С. 267.
- ⁸ Хайдеггер М. Положение об основании. С. 180.
- ⁹ Там же. С. 181.
- ¹⁰ Хайдеггер М. Парменид. С. 244.
- ¹¹ Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге / пер. с нем. ; под ред. А. Л. Доброхотова. М., 1991. С. 52.
- ¹² Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян / сост. А. А. Тахо-Годи ; общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. М., 1996. С. 16.
- ¹³ Там же. С. 41.
- ¹⁴ Хайдеггер М. Парменид. С. 312.
- ¹⁵ Там же. С. 136.
- ¹⁶ Там же. С. 138.
- ¹⁷ Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Миф – Число – Сущность / сост. А. А. Тахо-Годи ; общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. М., 1994. С. 28.
- ¹⁸ Хайдеггер М. Парменид. С. 242.
- ¹⁹ Лосев А. Ф. История античной эстетики (ранняя классика). М., 1963. С. 389.

УДК 1:792 + 316.74:792

СТАНОВЛЕНИЕ СЕКУЛЯРНОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

С. В. Чигирёв

Саратовский государственный университет
E-mail: sgu-uspo@mail.ru

В статье рассматриваются концептуальные основания исследования процесса секуляризации, в частности, указывается, что М. Вебер впервые связывает секуляризацию с модернизационными процессами в европейском обществе, а также с движением магии к рациональности. Выявление последствий секуляризации является актуальной задачей социально-философской мысли.

Ключевые слова: секуляризация, модернизация, рациональность, религия, социальные основания, секулярное общество.

Formation of Secular Society: Social and Philosophical Bases of Research

S. V. Chigirev

In article the conceptual bases of research of process of a secularization are considered, in particular, it is specified that Max Weber connects

for the first time a secularization with modernization processes in the European society, and also with magic movement to rationality. Identification of consequences of a secularization is an actual problem of social and philosophical thought.

Key words: secularization, modernization, rationality, religion, social bases, secular society.

Начиная с XV–XVI вв. процесс секуляризации, его причины, механизмы и последствия становятся объектом социального исследования, результаты которого помимо объективного научного значения оказываются еще и орудием идеологической борьбы. Чтобы преодолеть растущий разрыв с изменившимся миром, религия вынуждена идти на компромисс, приспосабливаясь к

новым условиям, внося коррективы в вероучение, социальные и этические доктрины, формы организации и деятельности. Для обозначения явлений такого рода применяются два понятия – секуляризация и модернизация.

Обратимся к некоторым смыслам понятия секуляризации, которые группируются в трех концептуальных направлениях понимания её сущности. В рамках первого секуляризация определяется как процесс вытеснения религии из культуры и общества светскими элементами (наукой, рациональным мышлением, светской этикой, светским гуманизмом). В рамках второго предлагается понимать секуляризацию как «утрату священного», или десакрализацию, когда религия перестает быть центральным, священным символом единства, смысла и пути. Секуляризация – освобождение от влияния религии не только институтов и сфер общества, но и сознания индивида. Третье направление – вариант эволюционистской трактовки, которая обращает внимание на два аспекта: во-первых, процесс изменения (исторического развития) религии неизбежен, и, во-вторых, это не означает ее исчезновения как таковой. На практике мы имеем дело с трансформацией форм и технологий существования религии, но не с ликвидацией ее сущности и функций.

На данный момент в социальной науке категория секуляризации является одной из самых дискуссионных как в плане трактовки, так и с позиций её правомерности и научности как таковой. Несмотря на довольно длительную историю термина понятие «секуляризация» вводится в оборот социальной науки в своём близком к современному значению только в конце XIX – начале XX в., и этот процесс традиционно связывается с именем известного немецкого социолога М. Вебера. Обращаясь к его изначальной трактовке данного термина, становится возможно понять генезис его смыслового разнообразия в современной науке и установить трансформационные процессы в социальной реальности современной западной цивилизации, приведшие к возможности поливариантной трактовки феномена секуляризации.

Началом интереса Вебера к проблемам социальной роли религии принято считать 1904 г., когда в свет вышла его работа «Протестантская этика и дух капитализма». На первом этапе его интерес к религии, в данном случае к протестантизму, ограничивался определением роли религиозной этики, изменение которой повлияло на становление капитализма. Изучая взаимосвязь религии и экономики, Вебер сравнивает степень рационализации хозяйственно-экономической деятельности, допускаемую в рамках конкретной религиозной этики (пара противоположностей рациональное – магическое первоначально является главным методологическим принципом его анализа религии). Степень рационализации

обратно пропорциональна силе влияния магического элемента – сущностного атрибута любой религии.

В «Хозяйственной этике мировых религий» речь идет не только о выяснении соотношения хозяйственных и религиозных форм и институтов, но и о зависимости форм власти, искусства, науки, философии от религиозных практик, принятых в обществе¹. Данная установка опирается на фундаментальное методологическое основание веберовской теории «социального действия» как ориентированной на «субъективно подразумеваемый смысл», что характерно для методов «понимающей» социологии в целом².

Путем эмпирического наблюдения и сравнения Вебер дал религиозную типологизацию по отношению к социальным условиям, слоям и группам. Соответственно, им были выделены: аскетически-деятельный, ритуально-культурный, мистико-созерцательный и интеллектуально-догматический типы.

Интересными являются суждения Вебера о характере религиозности пролетариата и его антипода – буржуазии. По его мнению, для современного пролетариата характерно, как и для широких слоев буржуазии, равнодушие к религии или полное ее отрицание. Религию в таком случае обычно заменяют иные идеологические суррогаты. Правда, «нижние слои пролетариата, наиболее подверженные влиянию экономических колебаний, которым меньше всего доступны рациональные концепции, а также близкие к пролетариату, постоянно испытывающие нужду и опасющиеся пролетаризации слои мелкой буржуазии легко могут стать объектом религиозной миссии, но только ярко выраженного магического оттенка»³.

От факта и степени принятия мира зависит отношение религиозной этики к политике и к насилию в обществе. Отвергающая мир религия, как правило, аполитична. Там, где мир полностью принимается, религиозные воззрения легко согласуются со сферой политики. В то же время Вебер констатирует, что неизбежное переплетение интересов религиозных организаций с интересами и борьбой сил в реальном мире с неизбежностью приводит к заключению компромиссов, причем даже при самом остром противостоянии миру, а сами религиозные организации используются как для политического умиротворения масс, так и легализации власти.

Со временем Вебер приходит к необходимости смены оснований различения и противопоставления феноменов религиозного состояния, от схемы магическое – рациональное к принципу наличия и роли религиозного традиционализма. Традиционализм характерен для форм с такими чертами, как несамостоятельность индивида и магия, опирается на иррациональное начало.

Антитрадиционализм для отдельного индивида несёт освобождение от иррациональных элементов религиозности, в том числе института священства и культовой практики, способствует раскрытию в обществе рационально-этического потенциала. Так, Вебер использует классическое сопоставление католицизма и протестантизма как традиционной формы религиозности и нетрадиционной, возлагающей на самого индивида задачу общения с Богом.

Общие представления Вебера о секуляризации вкладываются в схему движения от магизма к рациональности, хотя это движение и оценивается им неоднозначно. Когда М. Вебер предупреждает о процессе рационализации, он обращает внимание на проблемы разочарования, вызванные последней. Один из наиболее общих тезисов М. Вебера заключается в том, что вследствие рационализации западный мир все более разочаровывается. Разочарование предполагает вытеснение «магических составляющих мышления». История покинула околдованное прошлое по пути к разочарованному будущему – это путешествие, которое постепенно лишает природный мир его магических свойств и осмысленности. По мнению Вебера, в рамках скоростного развития науки и бюрократической социальной организации разочарование все дальше будет отступать от институциональных центров нашей культуры. Доведенный до конца данный процесс превратит жизнь в повесть, которая, безусловно, не будет означать ничего, так как смысл из нее выхолощен.

Среди аргументов, подрывающих позиции основных положений концепции секуляризации Вебера, есть, в том числе, и упреки в ограниченности его выводов, как в социально-исторической, так и в религиозной перспективах. Однако необходимо иметь в виду, что учёный был погружен в европейское культурное пространство, и ему был не чужд европоцентризм, как и многим исследователям того времени, который на тот момент только начинал ревизироваться наиболее смело настроенными учёными. Если встать на культурно-исторически обусловленную точку зрения Вебера, то можно понять, что для собственных выводов у него были веские основания. Действительно, на тот момент в рамках европейской цивилизации процессы социальных трансформаций шли в направлении секуляризации уже не первую сотню лет, и это наблюдалось не только в рамках основных сообществ, но и в среде ортодоксальных национальных меньшинств, традиционно занимавших охранительно-изоляционистскую позицию даже в условиях чуждой социально активной внешней среды.

Несмотря на историческую обусловленность оснований общей теории секуляризации и, в частности, её положений, разработанных Вебером,

современные учёные имеют множество оснований для её критики, поскольку считают, что: 1) теория секуляризации не соответствует эмпирическим фактам; 2) основывается на ложных идеологемах.

Теоретические претензии группируются вокруг следующих теоретических оснований, свойственных теории секуляризации (по Р. Старку и Р. Финку):

1) теория секуляризации коренится в традиции теорий модернизации, говорящих, что при росте индустриализации, урбанизации и рационализации религиозность неминуемо падает;

2) эта теория прямо не предсказывает институциональную дифференциацию, т.е. отделение религиозных организаций от государства и уменьшение влияния религиозных лидеров, а пытается доказать упадок личной религиозной веры;

3) рассматриваемая теория утверждает, что именно рост научного знания ведет к наиболее плачевным для религии последствиям;

4) теория секуляризации рассматривает секуляризацию как необратимый процесс: однажды достигнутая, она не может быть обращена вспять;

5) эта теория претендует на универсальность своих выводов: по мнению её теоретиков, вера в сверхъестественные существа исчезнет во всем мире⁴.

На данный момент исследования в области определения сущности и степени религиозности вообще размывают рамки представлений о возможности существования чисто секулярных обществ⁵. Новые формы религиозности, светская религиозность, расширение представлений о культовых практиках с распространением последних на светские области заставляют по-новому взглянуть на концепт секуляризации как пригодный для теоретических построений. Исходя из поля современных исследований, обусловленного широтой проявленных и научно обоснованных точек зрения, секуляризация предстаёт определённым культурно-историческим этапом более серьёзного трансформационного процесса, вступающего в наши дни.

Конец XX – начало XXI в. характеризуются культурологами, социологами, философами достаточно неопределённо, единственной характерной чертой является универсальная приставка «пост-», указывающая на некую концептуальную пустоту по отношению к различным культурным трендам прошлого. Подобной концепцией является и *постсекуляризм*, правда, с более высокой степенью определённости, поскольку он основан на реальных трансформационных процессах отношений религии и общества. Сам термин был введён в оборот в 2008 г. Ю. Хабермасом и характеризовал новую форму отношений между светским обществом и религией на современном этапе возрастания роли религии в секуляризованных обществах, но уже в новом качестве. По

его мнению, существуют три взаимопересекающихся феномена, создающие впечатление повсеместного «возрождения религии»: миссионерская экспансия, фундаменталистская радикализация и политическая инструментализация присущего религиям потенциала насилия⁶. Религиозный компонент в общественных отношениях приобретает новую значимость, религия больше не вытесняется обществом и не изживается им, а занимает почётное место среди сфер социальной жизни, выигрывая за счёт изначальной комплексности и интегрированности подхода к решению практических задач. Подобные мысли посетили Хабермаса не случайно: сложная ситуация в Европе, обусловленная наличием большого числа эмигрантов – носителей религиозной социальной парадигмы, заставила многих европейцев ответить адекватной мерой и вернуть, хотя бы отчасти, основания идентификации по религиозному признаку, тем более что это нашло свою поддержку в политических кругах, на фоне мирового кризиса настроенных на популизм.

В отечественном культурном пространстве оценка постсекулярности носит более мягкий характер: она расценивается как определённое следствие постмодернистских процессов в постсовременном обществе, а сам «религиозный ренессанс» считается неподлинным. Даже термин подобран иной – с целью подчеркнуть линейность и приемственность секуляризации прошедшей. Современная секуляризация — это освобождение религиозного от трансцендентного⁷. Оно происходит как утверждение религиозного «образа жизни», культурного стандарта локального сообщества. Глубочайшее заблуждение многих современных, в том числе и наших православных критиков глобализации, заключено в утверждении, будто бы глобализация разрушает основы культурных стандартов национальных сообществ. В действительности, глобализация работает в обратном направлении – она укрепляет эти «культурные», «поведенческие» стандарты локальных обществ, поддерживает ритуализацию религиозной жизни. Но она готова принимать их религиозное только как стиль, как «образ жизни».

Подводя итоги, следует отметить, что теория секуляризации, в том числе в её веберовском варианте, безусловно была своевременной и достаточно адекватной для описания и исследования социальных процессов в соответствующих культурно-исторических условиях. Современная критика не столько опровергла изначальные постулаты, сколько расширила и адаптировала их по отношению к меняющимся условиям как общества, так и сферы фундаментальных социальных теорий. Подобно концепции «защитных поясов теории» И. Лакатоса, эволюция представлений об изменении роли религиозного компонента в жизни общества только укрепляла базовые принципы теории секуляризации. Даже Ю. Хабермас признался в том, что критика несостоятельности была поспешной. Так или иначе, но теоретический базис, заложенный Вебером, реализовавшись с высокой долей успешности, ныне открыл перспективы новой концептуализации роли религии в обществе. Возможно, в ближайшее время в пространстве социальных теорий появится новый метанарратив, по крайней мере, основания для этого имеются.

Примечания

- ¹ См.: Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 43–73.
- ² См. Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность : социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991. С. 98–99.
- ³ Там же. С. 153.
- ⁴ Приводится по: Опалев С. А. Критика теории секуляризации в теории рационального выбора // Религиоведческие исследования. 2010. № 3–4. С. 170–189.
- ⁵ См.: Синелина Ю. О критериях определения религиозности населения // Социс. 2001. № 7. С. 89–96.
- ⁶ См.: Хабермас Ю. «Постсекулярное» общество – что это? // Российская философская газета. 2008. № 4(18). С. 3.
- ⁷ Морозов А. Четвертая секуляризация. URL: <http://www.archipelag.ru/geoculture/religions/religio-sekulario/four-secularization/> (дата обращения: 09.06.2012).

УДК 1(38) + 929 Хайдеггер

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЛКОВАНИИ ГРЕЧЕСКОГО ΛΟΓΟΣ

М. В. Феллер

Саратовский государственный университет
E-mail: maksfell@mail.ru

В статье производится попытка осмысления греческого λόγος в ракурсе той многозначности, которую он приобрел в современной мысли. Ставится вопрос о характере этой многозначности и способности ее объяснения с позиции существа λόγος. Рассматривается проблема отношения λόγος к μύθος.

Ключевые слова: μύθος, λόγος, λέγειν, ratio, Хайдеггер.

On the Question of the Interpretation of «the Greek» ΛΟΓΟΣ

M. V. Feller

The article deals with an attempt to understand the meaning of λόγος, considering all significance this term in the modern philosophy obtained. The article focuses on the essence of polysemy and its explanatory ability from the λόγος entity perspective. Also it is considered the relation between λόγος and μύθος.

Key words: λόγος, μύθος, λέγειν, ratio, Heidegger.

Древнегреческая философия являет собой начало всего западного мышления. Именно из этой мысли исходит М. Хайдеггер, который дал одну из наиболее глубоких интерпретаций происхождения и сущности древнегреческой философии и ее основных понятий. Говоря о начале, мы говорим здесь об «изначальности» как существе истока, о том, что говорит «о первом», а не первым. Такое сказание, выбрав предметом своего мышления «первое», «изначальное», в конечном счете неминуемо должно прийти к вопросу о сущности этого «первого». Вопрос же о сущности отсылает к вопросу о бытии. Бытие есть начало, основа, основание для всякого сущего. В своем «Положении об основании» М. Хайдеггер подробным образом разобрал существо основания как такового, найдя его «основность» («первоосновность») в бытии, в слове «быть», производном от слова «есть». «Бытие и основание: то же самое»¹. При этом будучи «первым» (исходным) основанием, бытие само по себе лишено основания, такого, которое может быть принято «как некое только его обособляющееся основание»².

Вопрос о бытии сущего ставится в надежде разрешить наиболее важный из вопросов человеческого духа: чем определяется бытие человека? Греческая философия, мысля «изначально», т.е. из начала, дала «первый» (в смысле его «изначальности») ответ на эти вопросы. «Человек есть ζῷον λόγον ἔχον, то есть то сущее <...> которое совершает свою сущность в сказывании»³. Вопрос о бытии, вопрос о сущности сущего есть вопрос об отношении бытия к λόγος.

Соотнесенность бытия и λόγος ставит их в такую взаимозависимость, при которой понимание сущности бытия будет в полной мере зависеть от понимания того, что мыслили греки под λόγος. Греческое слово λόγος является одним из самых переводимых и самых интерпретируемых слов греческого языка. Наиболее часто его переводят как «слово» или «речь». Это в большей степени соответствует дословному его переводу, но им поиск греческого понимания λόγος не исчерпывается. За переводом слова следует его интерпретация: за переводом из языка в язык следует перевод из мышления в мышление, поэтому широко известны такие интерпретации λόγος как «разум», «закон», «мера» и проч. Всего же И. Х. Дворецким было выявлено 34 значения λόγος.

В данной работе дается попытка ответить: является ли многозначность λόγος его свободной интерпретацией, даваемой ему отдельно взятыми интерпретаторами? Или многозначность термина присутствует в самой его природе, называя под разными именами нечто одно единое, основу?

Трудность понимания λόγος обусловлена, прежде всего, трудностью понимания самой греческой мысли. Однако значимость проблемы столь велика, что покрывает все опасения, связанные с возможностью негреческого, а значит, по Хайдеггеру, неистинного рассмотрения проблемы, и настраивает нас на внимательное и всестороннее ее изучение в самом источнике ее возникновения – в древнегреческой философии. С. Н. Трубецкой в «Идее логоса в его истории», говоря о значимости проблемы логоса, отмечает, что «...в данном случае мы имеем дело с одной из величайших идей, которая связана неразрывно с основными вопросами человеческого духа, и ее полная история могла бы быть изложена лишь в связи с историей человеческого духа во всем ее объеме»⁴.

Приведем некоторые определения понятия древнегреческого λόγος. С. Н. Трубецкой определяет его так: «λόγος, слово, происходит от λέγειν – говорить; логос означает слово или речь, то, что сказано, что говорится, причем этот термин может обозначать как форму, так и содержание речи, ее смысл или связь отдельных частей <...> впоследствии он означает и самую мысль, выражающуюся в речи»⁵. Такое определение логоса имеет две особенности: во-первых, оно в большей степени говорит нам о его грамматической свя-

занности с высказываемым. Во-вторых, философ задействует в определении («впоследствии»), разбивая целостность термина на его «до» и «после», говорит об изменчивости термина внутри самого древнегреческого мышления. В этом случае λόγος в силу своей изменчивости не может, если следовать Хайдеггеру, претендовать на высокую связь с самим бытием всякого сущего.

Другое понимание λόγος, дает прот. А. Мень в труде «Дионис, Логос, Судьба»: «Логос у Гераклита это – начало, определяющее все процессы быстротечного мира, рациональная его сущность, сходная с тем, что человек сознает в себе как разум. Эту родственность мышления и “скрытой гармонии” космоса философ подчеркивает, называя и то и другое “Логосом”»⁶. Такое определение λόγος говорит именно о λόγος, а не о «слове», т.е. не о переведенном, а о самом переводимом. В первой части своего определения А. Мень называет греческий логос «началом», определяющим собою все процессы, т.е. все то, что существует и в своем существовании находится в движении. Нахождение в движении представляется как само существо называемого здесь «всего», его бытие. Далее он добавляет такому бытию («началу») «рациональную сущность». В греческом языке использование таких терминов, как рациональный, *ratiōne*, вполне уместно. Искажения перевода (в данном случае – с греческого на латинский язык), в конечном итоге, затрагивают самое сокровенное для человека – его отношение к его бытию, искажают способность бытийствования.

Рациональное есть исходящее из разума, разумное. Разум есть внутренне присущая человеку способность мышления и, исходя из римского понимания человека как *animal rationale*, он составляет основу человеческой сущности. Разумность есть чисто человеческий атрибут. Тогда в каком случае бытие может называть некую рациональность? «Рациональность» бытия есть такое его свойство, которое принято называть тождеством. Мы говорим: тождество бытия и мышления. Такое тождество делает взаимопринадлежными друг другу «бытие» и «слово». «Слово» существует в своем «есть» (поскольку оно есть) как «быть»; «бытие» же впервые раскрывается в «слове». Характер его раскрытия есть самораскрытие перед нами некоего «вида», поэтому λόγος переводят и как «слово» в смысле раскрывающей сущности, и как «разум» в смысле сущностной возможности раскрытия.

Интересен также перевод λόγος как «закон». Любой закон представляет собой такую связь участвующих в нем сущих, которая есть действие, совершаемое ими по необходимости. Сущностная связь между «словом» и «бытием» являет собой ту самую необходимость, которая есть «закон». Широта греческого λόγος вполне очевидна, тер-

мин не только называет некое сущее, но также призван выражать сущностную связь этого сущего с его существом.

Перевод λόγος как «слово» М. Хайдеггер, при многих оговорках, считает истинным. Вместе с тем он указывает на то, что это значение в самом греческом языке не являлось изначальным: «... в своем собственном значении греческое слово λόγος не имеет никакой прямой связи с языком и речью»⁷. Λόγος мыслится из λέγειν, исконное значение которого – собирать, класть одно к другому: «Причем это может происходить так, что одно кладется к другому таким образом, что одно следует за другим, т.е. в его направлении»⁸. Направление есть некое отношение одного к другому, выстраивание.

Собирающее «слово» двояко: оно есть и само существо, и способ своего существования, поэтому по-гречески понимаемое «слово» есть одновременно и «сказание». «Сказать» означает «обнаружить нечто», «позволить чему-либо появиться в своем виде»⁹. Сказание есть не только греческий λόγος, но и греческие έλος и μύθος. Все три греческих слова буквально означают «сказание», «слово», «λόγος, έλος и μύθος едины в своей сущности»¹⁰.

Первоначальная форма миропонимания выражалась греками в мифе. Как известно, переход от мифа к логосу явился началом древнегреческой философии. При этом не говорят, что сам логос явился этим началом. Таким началом явился именно сам переход. Логос определяет мышление бытия, миф же определяет непосредственное ощущение бытия. «Философия, – формирует мысль Хайдеггер, – не происходит от мифа. Она про-ис-ходит лишь из мышления в мышление. Но мышление есть мышление бытия. Мышление не про-ис-ходит. Оно есть, коль скоро существует бытие»¹¹. И миф, и логос есть «слово», «сказание» из самого бытия. Поэтому вопрос о первоначальности мифа не есть вопрос о его первичности по отношению к логосу. На самом деле и тот, и другой вытекают из общего источника – бытия как такового.

Бытует мнение, что на стадии господства мифа весь мир и все в мире для грека представлялось в виде одной неразличимой единости. Причем характер единости здесь представляется таким, что она не есть основная черта самого мира, единящего в себе все, а скорее неспособность греческого разума различать в этом единстве множество единичностей, поэтому миф предстает как первоначальная стадия именно в смысле примитивности, «не-способности» человека. Такое представление можно отнести разве только что к древнейшей стадии мифа. «Человек, – подтверждает эту мысль А. Ф. Лосев, – здесь еще не осознает себя более или менее самостоятельной субстанцией, но скорее только атрибутом, или,

попросту говоря, одним из внешних признаков природы»¹². Но со временем человек становится все более самостоятельным, он научается отделять идею вещи от самой вещи. Это приводит к разрушению монолитного представления о единстве природы и созданию «мифологии самостоятельных богов, демонов и героев»¹³.

Итак, миф явился первой, изначальной ступенью античного мироощущения, выраженного в слове. Миф есть само изначальное слово. Значит то, что говорится в мифе, есть сказание из начала, миф раскрывает некую сущность, которая являет себя как начало. Начало есть некая основа, раскрывающаяся перед нами как некий «вид». Миф же есть сказание о «виде» и его раскрытии перед человеком как его собственное переживание. При этом первоначальное переживание явления мира осуществляется человеком, главным образом, посредством чувственного восприятия.

Из всего спектра чувственных ощущений зрительные издревле считались истинными, раскрывающими истину. Вкусовые и обонятельные ощущения одного и того же изделия могут отличаться у разных людей, но его изображение будет одинаковым для всех. Такая всеобщность зрительного переживания говорит уже о свойстве самого явления, а не о только человеческого его восприятии. Зрение соприкасается с верой: мы верим именно в то, что мы смогли увидеть, что само раскрылось перед нами как присутствующее. В конечном смысле, зрение есть та чувственная основа, которая связывает нас с жизнью, выражающаяся в диалоге человека и бытия.

Греков, которые дальше многих ушли в понимании этой связи, принято считать «людьми глаза». «Они схватывали “мир” прежде всего “глазами” и поэтому “естественным образом” в первую очередь обращали внимание на видение и открывающийся вид. Такая картина заставляла их размышлять о свете и ясности»¹⁴. Свет и ясность – вот та основа, в рамках которой бытие предстает перед человеком как «вид». Свет и ясность должны также мыслиться двояко: как существо и как действие. В данном случае существо неотделимо от его действия: существо и действие света приходят к мысли как основные категории сокрытия и несокрытости. «Все бытийствующее исконно предстает перед греками в ракурсе сокрытия и несокрытости, говоря о начале всего в целом, они говорят о ночи (νύξ) и ясном небе, ясном дне (οὐρανός)»¹⁵. Ночная тьма, погружая в себя, все скрывает, полуденное солнце освещает, переводя все в область несокрытого.

Слова «сокрытие», «несокрытость», «раскрытие» представляют собой наиболее адекватный перевод греческого мышления. Эти слова имеют общий корень – крыть. Такое совпадение говорит о единности действий, названных этими словами. Крыть означает иметь перед собой два

нетождественных предмета так, что один накрывает другой, утаивая его от нашего взора. Таким образом, мы видим лишь покров, утаивающий от нас покрываемое. Слово «сокрытие» есть не что иное, как пребывание с покровом, с «крытием»; «несокрытость» не отрицает «крытия», а указывает на его отсутствие здесь; «раскрытие» приставкой рас- (раз-) разъединяет, снимает покров.

Все эти операции с сущим производит отнюдь не сам человек, эти действия исходят из самого бытия: сокрытие и раскрытие есть бытийствование сущего, они есть события (со-бытие есть пребывающее с-бытием).

Миф сказывает о наступлении дня (восхождение, раскрытие) и наступлении ночи (отход в сокрытие). «Сокрытие и несокрытость, – раскрывает эту мысль Хайдеггер, – изначально переживаются настолько сущностно, что простой смены дня и ночи еще вполне хватает, чтобы бытийствующее всякого бытийствования поднять в хранящее его слово, то есть в μύθος»¹⁶. При этом смена дня и ночи не мыслилась отвлеченно, иначе она не была бы мифом. Напротив, она мыслилась из самой жизни, как составляющая ее основу и исходящая из нее. Ведь миф, – как замечательно точно говорит А. Ф. Лосев, – это «не гипотетическая, но фактическая реальность, не функция, но результат, вещь, не возможность, но действительность, и притом жизненно и конкретно ощущаемая, творимая и существующая»¹⁷.

Движение возрастания и убывания всевременно, пребывая в пути, движение всегда имеет начало и конец. Каждый момент времени есть его настоящее, но прошлое не есть то, что было, а будущее не то, что будет, они всегда «есть» (присутствуют) в настоящем.

Миф есть учение о богах. Такое утверждение верно, но только при адекватном понимании сущности, в частности, греческих богов. Наиболее важной характеристикой греческих богов, согласно Хайдеггеру, является то, что они не повелевающие, а указывающие, не личности, а «само бытие, взирающее в сущее»¹⁸. Своим взиранием они выводят бытие на свет, высветляют его, таким образом вручают ему «вид». Греческие боги есть θεῖον – рождающие сияние. Миф есть первое обнаружение божественного сияния.

Слово λόγος происходит от λέγειν, первое значение которого М. Хайдеггер видит в значении собирать, класть друг к другу. Здесь указывается на нечто собираемое, которое есть «изначальное слово», «первое» переживание, миф. Λόγος, мыслимый в ракурсе сбора, есть начало того, что мы назвали бы аналитической способностью разума. Собирая, он хранит в себе миф, сберегает его «изначальное слово» как впервые раскрывшееся в нем бытие. Но оберегание есть сокрытие с целью уберечь. Поэтому существо λόγος двояко: оно содержит раскрытие (самораскрытие бытия в мифе)

и сокрытие (оберегание мифа). Бытие, являясь в череде самоскрываний и самораскрытий как постоянной смене восхождения и нисхождения, называется в λόγος.

Λόγος, понятый в смысле изначального λέγειν, с одной стороны, называет бытие, с другой – называет способ его бытийствования – упорядоченность сущего. «Логос, во-первых, есть единство вещей, во-вторых, это всеобщность вещей, присущая всем вещам настолько глубоко, что логос, согласно Лосеву, является “мировым порядком, тождественным для всех”»¹⁹. Такой порядок есть некая закономерность существования всякого сущего, в котором свобода и необходимость являют тождество, происходящее из самого бытия.

Результатом данной работы стало уяснение того, что множественный перевод греческого λόγος в наше мышление не есть вольная его интерпретация, поскольку само существо термина максимально обще – оно называет связь «слова» с бытием. Мы говорим: λόγος есть «разум» и имеем в виду родство бытия и мышления, их тождество в самом основании как способность разума постигать саму «основность» всякого существования. Λόγος есть «закон»: этим выражается такая связанность бытия и «слова», которая действует как некая необходимость. Всякий перевод греческого λόγος призван называть его связь с бытием. Греческий λόγος, исходящий из самого бытия, восходит в «сказывание об истоке» нашего существования.

Примечания

- ¹ Хайдеггер М. Положение об основании / пер. с нем. О. А. Коваль. СПб., 2000. С. 176.
- ² Там же. С. 187.
- ³ Хайдеггер М. Парменид / пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб., 2009. С. 244.
- ⁴ Трубецкой С. Н. Соч. М., 1994. С. 53.
- ⁵ Там же. С. 54.
- ⁶ Мень А. Дионис. Логос. Судьба. Брюссель, 1992. С. 112.
- ⁷ Хайдеггер М. Гераклит / пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб., 2011. С. 267.
- ⁸ Хайдеггер М. Положение об основании. С. 180.
- ⁹ Там же. С. 181.
- ¹⁰ Хайдеггер М. Парменид. С. 244.
- ¹¹ Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге / пер. с нем. ; под ред. А. Л. Доброхотова. М., 1991. С. 52.
- ¹² Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян / сост. А. А. Тахо-Годи ; общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. М., 1996. С. 16.
- ¹³ Там же. С. 41.
- ¹⁴ Хайдеггер М. Парменид. С. 312.
- ¹⁵ Там же. С. 136.
- ¹⁶ Там же. С. 138.
- ¹⁷ Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Миф – Число – Сущность / сост. А. А. Тахо-Годи ; общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. М., 1994. С. 28.
- ¹⁸ Хайдеггер М. Парменид. С. 242.
- ¹⁹ Лосев А. Ф. История античной эстетики (ранняя классика). М., 1963. С. 389.

УДК 1:792 + 316.74:792

СТАНОВЛЕНИЕ СЕКУЛЯРНОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

С. В. Чигирёв

Саратовский государственный университет
E-mail: sgu-uspo@mail.ru

В статье рассматриваются концептуальные основания исследования процесса секуляризации, в частности, указывается, что М. Вебер впервые связывает секуляризацию с модернизационными процессами в европейском обществе, а также с движением магии к рациональности. Выявление последствий секуляризации является актуальной задачей социально-философской мысли.

Ключевые слова: секуляризация, модернизация, рациональность, религия, социальные основания, секулярное общество.

Formation of Secular Society: Social and Philosophical Bases of Research

S. V. Chigirev

In article the conceptual bases of research of process of a secularization are considered, in particular, it is specified that Max Weber connects

for the first time a secularization with modernization processes in the European society, and also with magic movement to rationality. Identification of consequences of a secularization is an actual problem of social and philosophical thought.

Key words: secularization, modernization, rationality, religion, social bases, secular society.

Начиная с XV–XVI вв. процесс секуляризации, его причины, механизмы и последствия становятся объектом социального исследования, результаты которого помимо объективного научного значения оказываются еще и орудием идеологической борьбы. Чтобы преодолеть растущий разрыв с изменившимся миром, религия вынуждена идти на компромисс, приспосабливаясь к

УДК 161.114

О ГРАНИЦАХ ПРИМЕНИМОСТИ ПРОЦЕДУР ОБОБЩЕНИЯ: КРИТИКА СТОРОННИКОВ «НАИВНОЙ» ЭПИСТЕМОЛОГИИ

А. В. Нехаев

Омский государственный технический университет
E-mail: A_V_Nehaev@rambler.ru

В статье предпринимается критика одной из догм «наивной» эпистемологии, согласно которой процедуры обобщения ведут к появлению и росту «нового» знания, но принятие которой, как показывает логический анализ, ведет к появлению серии парадоксов. **Ключевые слова:** обобщение, логический анализ, «наивная» эпистемология, принцип абстракции, языковой каркас, познаваемость, синтез.

**About Borders of Applicability Procedures of Generalization:
Criticism of Supporters «Naive» Epistemology**

A. V. Nekhaev

In article is undertaken the criticism of one of dogmas «naive» epistemology, according to which procedure of generalization conduct to occurrence and growth «new» knowledge, but, nevertheless, which acceptance as shows the logic analysis, conducts to occurrence of a series of paradoxes.

Key words: generalization, logic analysis, «naive» epistemology, principle of abstraction, language framework, cognoscibility, synthesis.

Среди устоявшихся догм «наивной» эпистемологии особое место занимают утверждения, касающиеся характера процедур роста «нового» знания. Так, в частности, именно обобщение, рассматриваемое в контексте такой важной черты развития современной науки, как стремление к подведению всех ее исследований под единую основу¹, признается сторонниками «наивной» эпистемологии одним из наиболее эффективных способов получения и развития «нового» научного знания².

Однако, несмотря на оптимистический пафос, разделяемый сторонниками такого рода моделей появления и роста научных знаний, приходится констатировать, что все попытки «наивной» эпистемологии установить и проанализировать функциональные связи между такими фундаментальными понятиями, как «новое знание», «рост научного знания», с одной стороны, и «обобщение» – с другой, оказываются несвободными от ряда очень серьезных логических затруднений. В этой связи само признание сторонниками «наивной» эпистемологии за «обобщением» статуса общелогического процесса, позволяющего осуществлять *переходы от единичного к общему или от менее общего к более общему*³ и приобретать в качестве своего прямого результата понятия, суждения или их системы (теории), что, как ка-

жется на первый взгляд, должно было повлечь за собой усиление целостности основанных на таком понимании процедур обобщения эпистемологических моделей, подвергнутое пристальному логическому анализу, вскрывает неустранимую самопротиворечивость тех исходных посылок, которые оказываются заложены в основание этих моделей.

Без сомнения, сама интенция, предпосылаемая сторонниками «наивной» эпистемологии своим собственным исследованиям, может быть признана вполне корректной. Ведь действительно, анализ той роли, которую играют структуры обобщения в процессе формирования «нового» знания, влечет за собой необходимость вскрытия логических и функциональных свойств процедур обобщения, т.е. изучения того, каким именно образом структуры обобщения позволяют субъекту познания предпринимать разного рода генерализации в области построения им дискурсивно организованных множеств высказываний, в частности, теорий, как, впрочем, и других подобного рода связанных систем суждений со все более растущей степенью абстрактности. В этом смысле особый интерес представляет утверждение, что любые вопросы о значении структур обобщения в процессах роста знания всегда должны предваряться исследованием самих способов их использования, которые во многом определяют конкретное наполнение процедур обобщения, а также механизм их реализации. Как следствие, к числу бесспорных достоинств подхода, опирающегося на догмы «наивной» эпистемологии, надлежит отнести стремление ее сторонников к построению целостной концепции, раскрывающей значение «метода обобщения» для всего комплекса когнитивных действий, которые могут быть предприняты субъектом познания, хотя вместе с тем нельзя не указать на ряд спорных моментов, которые или ускользают от их внимания, или в недостаточной степени обстоятельно ими анализируются.

Прежде всего, следует отметить, что аналитические построения сторонников «наивной» эпистемологии не дают ясного ответа на вопрос о границах применимости процедур обобщения, без ответа на который их исследовательская концепция всегда будет находиться в несколько «не-

устойчивой», по крайней мере, рассматриваемой из чисто логической перспективы, позиции. В частности, следует указать на то, что такие «неудобные» явления, как антиномия или парадокс возникают главным образом именно в области крайних обобщений. В этой связи демонстрируемое сторонниками «наивной» эпистемологии стремление «*обобщить само “обобщение”*» (что, кстати, как нельзя лучше увязывается с их настойчивыми попытками построения целостной концепции такого метода, как обобщение), в свою очередь, оказывается не свободным от возможности появления ряда парадоксальных утверждений, выводимых как прямые следствия из их исследовательских позиций.

Так, внутренним вопросом в отношении границ применимости процедур обобщения является вопрос об их «полноте», который, к сожалению, сторонниками «наивной» эпистемологии либо упускается, либо, по-видимому, намеренно игнорируется. Как следствие, в «наивной» эпистемологии не в достаточной степени исследуется и само различие процедур обобщения на «полные» и «неполные», лежащее в основе проблемы границ применимости процедур обобщения, приобретающей в таком контексте форму *вопроса о «полноте» или о степени «полноты» обобщения, необходимых для его реализации*. Хотя именно это различие («полное» / «неполное») только и позволяет сформулировать четким образом и проблему границ обобщения, и вопрос о том, является ли «неполное обобщение» обобщением в смысле определения его структур, даваемого самими сторонниками «наивной» эпистемологии, согласно которому «*обобщение – логический процесс перехода от единичного к общему, от менее общего к более общему знанию*». Тем самым, если мы признаем, что указанное различие, ускользающее от внимания сторонников «наивной» эпистемологии, является весьма существенным в контексте той тематической проблемы – «природы обобщения», которая ими же ставится в их исследованиях, то, разумеется, нам следует, прежде всего, и сосредоточить свои аналитические усилия именно на нем, тем более что в результате удастся сделать ряд весьма нетривиальных утверждений, заключающих в себе прямую критику, которую можно высказать в отношении концепций, опирающихся на позиции, отстаиваемые «наивной» эпистемологией.

Так, в частности, оказывается вполне возможным следующий ряд утверждений, ведущий к своеобразному парадоксу: если представить себе множество элементов x (ради простоты данное множество трактуется как финитное), состоящее из индивидов $\{a, b, c, \dots, z\}$ (в терминологии сторонника «наивной» эпистемологии, единичностей), то вполне очевидным является, что ни один из них (точнее, знания ни об одном из них) не

будет знанием их обобщения, то есть знанием об x , более того, можно утверждать, что и некоторая «неполная» совокупность этих индивидов n не будет образовывать условий для обобщения. Теперь если согласиться со сторонником «наивной» эпистемологии, что в общем смысле процессы роста знания связаны с переходом от единичного к общему, дающему в качестве результата некоторое понятие, фиксирующее достигнутое посредством обобщения знание, то возникает парадокс, схематично напоминающий общеизвестный парадокс «куча»: 1 , или единичное (точнее, знание о нем) не может образовывать обобщения, а если и n единичностей (или знаний о них, то есть знаний о некотором количестве единичностей, но всех, которые подпадают под формулируемое на их основе путем обобщения понятие, выражающее данное общее) не могут образовывать обобщения, то и $n+1$ единичностей не могут образовывать обобщение, а значит обобщение невозможно⁴.

Полученный нами вывод, разумеется, обескураживает, но, как кажется, лишь сторонника «наивной» эпистемологии, поскольку причиной этой «неприятности» является, прежде всего, отсутствие у него указаний на границы процедур обобщения, которые бы в явном виде вскрывали значение обобщения, а точнее тех *познавательных ситуаций, когда оно дано налично*, а это, в свою очередь, по-видимому, связано с тем, что сторонник «наивной» эпистемологии, касаясь логического среза исследуемой проблематики, не учитывает одного принципиального обстоятельства: в логике процесс обобщения не может являться источником «нового» знания, потому что его механизм опирается на «уже имеющееся» знание того свойства, в отношении которого это обобщение строится. Более того, это обстоятельство вполне уместно и адекватно, так как оно с необходимостью согласуется с «*определенностью*» – таким общепризнанным требованием к любому понятию, которое, как абсолютно верно замечает сторонник «наивной» эпистемологии, является результатом реализации процедур обобщения или применения механизмов «принципа абстракции» и которое при этом позволяет рассматривать границы применимости процедур обобщения в терминах «полноты» и «неполноты». Тем самым отнюдь не случайным оказывается тот факт, что многочисленные споры в области теории понятия – *Theorie des Begriffs* – между самыми различными линиями анализа его природы и источников происхождения, например, линией Зигварт – Лотце – Кассирер, с одной стороны, и линией Фреге – Рассел – с другой, усматривая те или иные изъяны или достоинства в «принципе абстракции» (в терминологии сторонника «наивной» эпистемологии – «методе обобщения»), никогда не ставили под сомнение именно *определенность* как свойство любого понятия. Так,

именно на определенность как ведущий принцип при образовании понятия указывал Э. Кассирер, который, в частности, опираясь на логическую теорию Лотце, отмечал, что «...первичная задача образования понятий состоит не в том, чтобы придать представлению более общий характер <...> а в том, чтобы вести его к все более растущей определенности...»⁵, т.е. «...если уж от понятия требуется “общий” характер, то ведь он не самоцель, а лишь средство, помогающее достичь *подлинной цели понятия – определенности...*»⁶ Вместе с тем, как и один из его идейных оппонентов – Фреге, исходя из нескольких иных соображений в своем проекте логицизма, формулирует известный «принцип полноты», устанавливая тем самым основоположение для дефиниции понятия, предполагающее, что определение понятия должно быть «полным», а именно для любого предмета оно должно недвусмысленно указывать, подпадает ли он под это понятие или нет (иными словами, любой произвольный предмет *x* подпадает либо не подпадает под некоторое понятие *A*), а стало быть, понятие должно иметь резкие границы, как, впрочем, и сами процедуры обобщения, поскольку, если понятие определено нечетко, то его в целом некорректно называть понятием, так как в этом случае установление объема понятия оказывается невозможным, что, собственно, является ключевым моментом фрегеанского теоретико-множественного подхода к природе понятия⁷.

Таким образом, если вопрос об определенности и «полноте» понятия, а значит и границах механизмов реализации процедур обобщения или «принципа абстракции» с очевидностью демонстрирует, что его чисто логическая трактовка исключает возможность получения «нового» знания, то оказывается возможным с полным основанием аргументировать в пользу того, что сам по себе механизм процедур обобщения может быть определен только рекурсивно. Ведь по сути, процесс обобщения предполагает, что у нас уже есть, так сказать, некоторый «языковой каркас» – *language framework*, оперирующий абстрактными объектами, содержащий в себе как минимум четыре вида понятийных знаков и выражений (используемых для обозначения понятий)⁸:

1) знаки для выражения самих абстрактных объектов (например, «красный»), используемые, в том числе, и в предложениях, имеющих фактическое содержание (например, «это яблоко красное»);

2) общий термин для самого класса абстрактных объектов и форм предложений, включающих или собирающих имена этих абстракций в один класс, делающих их абстракциями одного сорта (например, «цвет», «красный – это цвет»);

3) знаки для выражения свойств общего термина (например, «темный», «светлый»), его отношений, т.е. отношений между элементами

(абстрактными объектами), входящими в этот класс (например, «черный цвет темнее желтого»), а также специфических функций над областью заданных абстрактных объектов (например, «если смешать желтый и красный, то получится оранжевый»);

4) наконец, множество имен переменных и кванторов для общих и экзистенциальных предложений, включающих вхождение абстрактных объектов.

Теперь, как мы видим, процесс обобщения включает в себя лишь рекурсивное определение свойства класса абстрактных объектов (например, «красное и желтое – это цвета») на область самих абстрактных объектов, или, попросту говоря, *для того чтобы обобщить, необходимо знать то, что подлежит экстраполяции на само обобщаемое, то есть знать само это общее*. Как следствие, статус «нового» знания, получаемого посредством обобщения, оказывается весьма проблематичным, даже если оставить в стороне целый ряд вопросов о логико-лингвистических следствиях принятия языка, ссылающегося на абстрактные объекты, а именно: «какие семантические оправдания имеет операция обобщения и образуемые при ее помощи абстрактные объекты?», «возможно ли для выражения операций мышления ограничиться лишь строго номиналистическим языком?», «в чем собственно состоит онтологический статус абстракции, т.е. возможно ли говорить о том, что определенные языковые конструкции, выражающие обобщение, обозначают определенные объекты, и не путаем ли мы в этой ситуации имена классов с именами их свойств?».

Очевидным источником такого рода проблем, как кажется, является сам *диалектический метод*, применяемый сторонником «наивной» эпистемологии в своем исследовании, именно он вынуждает его трактовать все процедуры обобщения чисто процессуально, как кумулятивное движение, выражающее рост «нового» знания, хотя здесь есть и еще одна серьезная опасность, ускользающая от внимания сторонника «наивной» эпистемологии, которая заключается уже отнюдь не в проблеме достижимости обобщения и границах его применимости, а предполагает возможность вывода следствий, напрямую противоречащих друг другу, из системы тех исходных посылок, которые закладываются им в свою эпистемологическую модель, объясняющую появление и рост «нового» знания.

Так, есть еще одно интересное следствие из принятия тезиса о том, что обобщение является источником «нового» знания, а именно – суждение, согласно которому сама *возможность «нового» знания посредством применения процедур обобщения является довольно проблематичной*, позволяя еще раз продемонстрировать необычай-

ную плодотворность применения логического анализа для исследования философских проблем, в частности проблем теории познания и эпистемологии. По сути, опираясь на утверждения сторонника «наивной» эпистемологии, согласно которым, во-первых, «единичное» служит основой для обобщения и приобретения «нового» знания, а во-вторых, исходной ситуацией для обобщения и получения «нового» знания является ситуация *возможности знания «единичностей»* (факт или чего-то им подобного) и *невозможности*, по крайней мере в этот момент, *знания «общего»*, можно продемонстрировать возникновение абсурдных следствий, указывающих на самопротиворечивость установки сторонника «наивной» эпистемологии, которая в целях положительного усиления или устойчивости к критике должна быть, на наш взгляд, существенно откорректирована.

Суть указанного парадокса (схема которого отчасти аналогична известному «парадоксу познаваемости Фитча»⁹) состоит в том, что если мы соглашаемся признать позицию сторонника «наивной» эпистемологии, включающую две вышеприведенные посылки, то оказывается, что обобщение несет в себе знание общего и, более того, данное знание является вполне достижимым для нас, иными словами, любое «общее» в принципе может быть познано, причем в данном случае «тезис познаваемости» даже может быть в целях элиминации онтологических допущений любого рода сформулирован без каких-либо дополнительных отсылок к некоей «внешней реальности», т.е. в терминах одних лишь лингвистических и семантических понятий. Хотя в то же самое время нельзя не учитывать, что каждое «единичное», создавая условия для роста знания, с необходимостью репрезентирует некий *факт*, а именно *тот факт, который делает его истинным*, а это означает, что «тезис познаваемости» без каких-либо затруднений может быть переформулирован в терминах *возможности познания фактов* (причем в данном случае вполне позволительно отвлечься от таких представлений о фактах, согласно которым факты есть нечто объективное и не зависящее от нашей языковой и познавательной практики).

Теперь, если вернуться к самой сути «парадокса», возникающего в построениях сторонника «наивной» эпистемологии, то следует отметить, что когда речь идет о возможности познания «единичностей-фактов», то в логическом аспекте это означает, что здесь задействуется комбинация оператора возможности – « \diamond » и оператора знания – « K ». Отсюда, в том случае, когда некоторое высказывание « a » представляет некоторый факт, то тогда « $\diamond a$ » означает «возможно, что a », а « Ka » означает «имеется знание, что a » и, наконец, выражение «единичность-факт a может быть

познана» записывается как « $\diamond Ka$ », а выражение «общее $R(a)$ может быть познано» записывается как « $\diamond KR(a)$ », следует, что в целом «тезис о познаваемости», а именно «если единичность-факт a имеет место, то он в принципе может быть познан», или «если общее $R(a)$ имеет место, то оно в принципе может быть познано» – символически может быть записан, как « $a \supset \diamond Ka$ », или « $R(a) \supset \diamond KR(a)$ ».

При этом сам парадокс заключается в том, что этот «тезис о познаваемости» в совокупности, во-первых, с «тезисом об условиях обобщения», понимаемого в согласии с позицией сторонника «наивной» эпистемологии как процесс получения «нового» знания « $R(a)$ », базирующегося или выводимого из «единичности-факта» – « $Ka \supset \diamond KR(a)$ », а во-вторых, в совокупности с некоторыми другими, довольно очевидными функциями вывода по правилам *modus ponens* и *modus tollens*, влечет за собой определенные абсурдные следствия. Итак, если теперь предположить, что имеет место: во-первых, какая-то конкретная «единичность-факт» – « a », которая известна, а также какое-то абстрактное «общее» – « $R(a)$ », которое в настоящий момент, как полагается, еще невозможно знать – « $Ka \wedge \neg \diamond KR(a)$ », то, присоединив вначале к этому предположению-посылке «тезис об условиях обобщения», получается – « $[Ka \supset \diamond KR(a)] \wedge [Ka \wedge \neg \diamond KR(a)]$ », из чего оказывается возможным вывести следующие утверждения: « $Ka \wedge \neg Ka$ » и « $\diamond KR(a) \wedge \neg \diamond KR(a)$ », – которые содержательно означают, что в *принятой системе посылок «единичность-факт « a » одновременно известна и неизвестна, а «общее» « $R(a)$ » одновременно познать возможно и невозможно*, а это, безусловно, очевидное противоречие, означающее необходимость признания неверности системы исходных посылок – « $[Ka \supset \diamond KR(a)] \wedge [Ka \wedge \neg \diamond KR(a)]$ ».

Разумеется, полученный нами «неверный» вывод в условиях диалектического способа философского осмысления не только не является признаком изъяна концепции, на нем базирующейся, но и в принципе вполне «естественен» именно для диалектики. Поэтому к указанному замечанию следует относиться, скорее, как к предостережению против попыток трактовки обобщения как чисто логической функции, поскольку в этом случае исследователь с необходимостью должен избрать чисто метафизическую, в широком смысле этого слова, перспективу.

Вместе с тем, несмотря на проанализированную нами спорность некоторых положений «наивной» эпистемологии, сама интенция на исследование процедур обобщения и границ их применимости представляется весьма интересной и перспективной, поскольку положительным образом создает условия, стимулирующие рассуждения: критику и аргументацию создаваемых

эпистемологических моделей, делающих своей целью объяснение процессов появления и роста знания, что во многом позволяет более или менее корректно прояснить условия и основания такого метода, как обобщение.

В определенном смысле сторонник «наивной» эпистемологии может даже позволить себе оставить большую часть приведенных выше замечаний без каких-либо комментариев, так как, по-видимому, главным источником для контраргументов послужила в известной мере подмена в терминах, т.е. то, как кажется, сторонником «наивной» эпистемологии определяется и понимается в качестве *логической операции обобщения*, реализация которой не несет в себе «нового знания», есть по сути своей такая *операция мышления*, как *синтез*, действительно позволяющий его приобретать, хотя и в этом случае мы, скорее всего, столкнемся с серьезными затруднениями, имеющими уже не логический, а, скорее, идеологический характер, в частности, с вопросом «зачем сторонником “наивной” эпистемологии все это делается?».

Примечания

- ¹ Загадки индукции и, в частности, проблема валидности механизмов обобщения основаниям научного метода привлекали к себе внимание многих исследователей, начиная еще с раннего Нового времени, над поисками ее решения бились и Ф. Бэкон, и Дж. Локк, но особую актуальность, а значит, и новую волну исследовательского интереса они привлекли к себе после того, как в середине XX в. Н. Гудмен, рассматривая общие термины, применяемые нами для фиксации знаний в некоторой области (здесь стоит вспомнить знаменитое гудменовское различие изумрудов на «зелубые» и «голузелые»), сформулировал парадокс о случайности наших обобщений, поставив тем самым под сомнение возможность и уместность использования процедур обобщения в научном знании (см.: Гудмен Н. Факт, фантазия и предсказание // Способы создания миров. М., 2001. С. 72–79).
- ² Стоит отметить, что критическая ревизия некоторых из догм так называемой «наивной эпистемологии»,

- предпринимаемая в данной статье, и, в частности, тех затруднений, которые возникают при несколько более «искушенном» анализе механизмов и логики использования процедур обобщения, имеет своей непосредственной полемической мишенью все то множество исследовательских практик, которое имплицитно разделяет «наивные» эпистемологические идеалы и стандарты, основанные на явной или неявной вере в необходимость отождествления результатов, приобретаемых в ходе использования процедур обобщения, с действительным ростом наших знаний. И хотя сам по себе имплицитный характер этих догм «наивной» эпистемологии влияет не только на их устойчивость, а во многом представляет их столь тривиальными, что они становятся почти незаметными и «невидимыми» для критики, тем не менее имеется ряд работ, в которых критикуемые положения выражены в эксплицитной форме, в частности (см.: Горский Д. П. Вопросы абстракции и образование понятий. М., 1961. С. 313–333; Горский Д. П. Обобщение и познание. М., 1985. 208 с.; Войшвилло Е. К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М., 1989. С. 185–203). Кроме того, о степени распространенности «наивных» трактовок процедур обобщения свидетельствуют и некоторые современные диссертационные исследования, в частности (см.: Панышева Н. И. Обобщение как метод формирования нового научного знания: дис. ... канд. филос. наук. Тюмень, 2009. 123 с.).
- ³ Горский Д. П. Вопросы абстракции и образование понятий. С. 313.
 - ⁴ Френкель А. А., Бар-Хиллел И. Основания теории множеств. М., 2006. С. 123–139.
 - ⁵ Кассирер Э. Философия символических форм. Язык: в 3 т. М.; СПб., 2002. Т. 1. С. 219.
 - ⁶ Там же.
 - ⁷ Фреге Г. О понятии и предмете // Логика и логическая семантика. М., 2000. С. 253–254, 259–262; Фреге Г. Функция и понятие // Там же. С. 221–222.
 - ⁸ Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М., 2007. С. 300–303.
 - ⁹ Fitch F. B. A Logical Analysis of Some Value Concepts // J. of Symbolic Logic. 1963. Vol. 28. P. 135–142.

выдвигается категория исторической вины. «Появилась идея вины государств перед народами, – пишет А. Левинсон, – а с ней – идея раскаяния и признания вины. Это – не идея чужой национальной вины, которую искупить можно только мезтью. Это – гражданская идея своей вины»³. В ряде стран, например, публичное отрицание Холокоста карается законом; Россия признала свою вину за так называемое «Катынское дело»; в январе 2012 г. Сенатом Франции был поддержан законопроект, вводящий уголовную ответственность за отрицание геноцида армян в Османской империи в период Первой мировой войны.

Все же современную ситуацию с бóльшим основанием можно назвать «памятизацией политики», нежели политизацией памяти, поскольку так мы снимаем исключительно политический контекст, который зачастую трактуется не иначе как насилие над живой памятью. В самом деле, государство как локальность, стремясь сохранить свою основу, национальную идентичность, вынуждено использовать механизмы реконструкции памяти о прошлом⁴. Конфликты, возникающие вследствие реализации той или иной политики памяти, возникают именно потому, что нацио-

нальную память сегодня необходимо вписывать в контекст памяти глобальной (если такая вообще возможна) или, по крайней мере, соотносить свою память с памятью других государств. На этом уровне диалектика глобального и локального проявляет себя наиболее очевидно (национальное государство в условиях глобального мира, обращаясь к коллективной памяти своего народа, реализовывает процесс локализации), представляя в виде борьбы противоположностей на фоне и с целью единства.

Примечания

- ¹ См.: Политика. Толковый словарь. М., 2001. 760 с.
- ² Аникин Д. А. Политика памяти в глобальном мире : предпосылки социально-философского исследования // Уч. зап. Казанского ун-та. 2011. Вып. 153. С. 18.
- ³ Левинсон А. Фундаментализм и категория исторической вины // Неприкосновенный запас. 2010. Вып. 3(71). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/3/fu6-pr.html> (дата обращения: 15.12.2012).
- ⁴ Стратегии памяти, действительно, становятся орудием политической борьбы, но эту проблему мы оставим за рамками нашей статьи.

УДК 114; 115.4

ПРОСТРАНСТВО: ФРАКТАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

К. В. Кочелаевская

Саратовский государственный аграрный университет
E-mail: kochelaevskaya21@rambler.ru

Статья посвящена анализу философских, физических и математических представлений о пространстве. Обсуждаются революционные топологические идеи, связанные с феноменом фрактальности, и возникающие при этом гносеологические проблемы; выясняется онтологический смысл феномена фрактальности.

Ключевые слова: пространство, фрактальность, непрерывность, неопределенность, сингулярность, самоподобие.

Space: Fractal Representations

К. V. Kochelaevskaya

The article deals with the philosophical, physical and mathematical concepts of space. The novel topological ideas related with fractality phenomenon are discussed. Ontological meaning of fractality is cleared out.

Key words: space, fractality, continuity, uncertainty, singularity, self-scaling.

Известно, что построение любой онтологии не обходится без пространственных представле-

ний, без этого невозможно описать отношения между существующими в мире объектами. Как основополагающая философская категория «пространство» получало многочисленные философские и естественно-научные интерпретации, однако становление постнеклассической научной парадигмы требует нового осмысления этого фундаментального понятия.

Эволюция представлений о пространстве берет свое начало в античности и связана с великими онтологическими и гносеологическими концепциями. Платон, например, сопоставлял пространство с реальным Ничто, с *не-существующим*, в котором обнаруживается материя чувственно постигаемого мира (диалог «Тимей»)¹. Аристотель заменял категорию «пространства» представлением о «месте» (*τόπος*), которое определял как границу объемлемого и объемлющего тел². Демокрит рассматривал пространство как пустоту (*τόκενόν*), содержащую все подвижные сущности³. Декарт

полагал пространство специфической, независимой от человеческого восприятия реальностью, непрерывной протяженностью, континуумом⁴. Модусами протяженности как атрибута пространства полагал все материальные объекты Спиноза⁵. Начиная с работ Лейбница, вводится представление о пространстве как взаимопорядке всего существующего, как вместительности всех мировых объектов⁶.

Особую роль в развитии онтологии пространства сыграли исследования И. Ньютона. Его пространство физически реально, абсолютно, однородно, изотропно, не зависит от движения физических тел и само не влияет на последнее. Собственно, именно эти представления и легли в основу классической естественно-научной парадигмы пространства, просуществовавшей до конца XIX в. В классических представлениях пространство наделено прямоугольной метрикой, т.е. полностью описывается геометрией Евклида.

Абсолютное пространство Ньютона чувственно не постигается, не идентифицируется приборами, его невозможно обнаружить. Именно поэтому оно предполагает возможность онтологической альтернативы: можно считать его не объективной реальностью, а плодом человеческого сознания, «координатной сеткой», которую человек налагает на физический мир для собственного удобства и пользы. В таком представлении о пространстве кроются корни кантовской концепции пространства как априорной формы человеческого чувственного восприятия. Кантовский тезис о субъективности пространства не подлежит опровержению в рамках классических наук именно из-за постулата об абсолютности, поскольку абсолютное не поддается эмпирическому исследованию. Объективный идеалист Гегель видел в пространстве категорию Абсолютного Духа⁷, и такое представление тоже не позволило приписать пространству какие-либо физические свойства и обнаружить их в реальности.

Не только в философии, но и в естественных науках существуют множественные представления о пространстве. В классической физике пространство, с одной стороны, полагалось реально существующим, бесконечным материальным трехмерным объектом, включающим в себя Вселенную и все находящиеся в ней физические объекты. При этом во все фундаментальные физические законы непременно включались пространственные координаты, а всем реальным физическим объектам приписывались пространственные характеристики, такие как длина, площадь, объем, легко определяемые в классическом случае. С другой стороны, удобство пространственных представлений предполагало и возможность конституирования умозрительных, «нереальных» физических и математических пространств с относительными, специально заданными свой-

ствами, в которых помещались нефизические сущности, например, математические объекты или физические идеализации. Так появились математические и физические пространства, например, линейные математические пространства и физические фазовые пространства с произвольными размерностями и метриками. Подобные идеальные, «субъективные» пространства широко использовались и используются при построении значимых физических и математических теорий, делая представления о пространстве более универсальными.

Только в XX в. появилась возможность доказать сам факт реального существования физического пространства⁸. После создания теории относительности и космологии и их экспериментальной верификации стало очевидно: пространство является объективной, но не абсолютной, а относительной реальностью, чувственно постигаемой, эмпирически исследуемой; оно влияет на свойства движущихся в нем материальных объектов и само зависит от них. Пространство Эйнштейна связано со временем в единый четырехмерный континуум и в общем случае не подчиняется евклидовой геометрии, для его описания необходимы альтернативные, криволинейные геометрии, например, Лобачевского и Римана. Позже стало ясно, что физическое пространство является онтологически и гносеологически нетривиальным, с большим трудом познаваемым объектом: основные физические теории до сих пор не согласуются в его описании на мега- и микроуровнях, поскольку его характеристики в этих случаях существенно отличаются.

Новые естественно-научные результаты, появившиеся во второй половине XX в., привели к тому, что неопределенными оказались не только характеристики самого физического пространства, но важнейшие характеристики пространственных объектов. Традиционно принято выделять метрические (протяженность, длина) и топологические (размерность, непрерывность и связность) свойства пространственных объектов. Эти характеристики определяются как в реальном физическом пространстве, так и в идеальных умозрительных пространствах, причем во втором случае диапазон изменения пространственных характеристик гораздо шире: идеальным пространствам может быть приписана любая размерность от нуля до бесконечности, в них могут существовать объекты бесконечной или нулевой длины. Однако в классических представлениях размерность любого пространственного объекта всегда целая, а протяженность непрерывна и определяется по хорошо известному алгоритму. В евклидовой геометрии постулируется, что размерность пространства и любого объемного тела равна трем, но в математике существуют представления о плоскости как о двумерном простран-

стве и о линии – как об одномерном. Однако еще Б. Рассел обратил внимание на то, что аксиома о трехмерности пространства является не логически необходимой, а всего лишь гносеологически удобной, поскольку с легкостью интуитивно постигается и представляется очевидной⁹.

Благодаря успехам синергетики и нелинейной динамики было обнаружено, что существуют многочисленные математические и физические объекты с дробной размерностью и свойством самоподобия, названные фрактальными, или фракталами¹⁰. Позже было выяснено, что фракталы повсеместно распространены в природе: это звездные кластеры, береговые линии водоемов и материков, сети дорог, многие химические продукты, все пористые материалы (металлические порошки, угли, протеины, ветвящиеся полимеры, смолы, стекла), все кристаллы, все растения, многие живые ткани и системы биологических организмов. Особую роль фракталы играют в искусстве и культуре: фрактальной структурой обладают живописные, архитектурные, музыкальные, литературные произведения. Прояснить смысл дробной размерности можно, сравнив дерево с покрывающим его параллелепипедом той же высоты: объем первого очень сложно определить из-за его непростой формы, объем второго элементарно вычисляется. Очевидными примерами фракталов являются снежинки и кружевные салфетки, площади которых не совпадают с площадями покрывающих их кругов того же диаметра.

Самоподобие фракталов предполагает наличие иерархичной, самоповторяющейся структуры, фрактальность означает существование масштабной инвариантности: часть любого фрактала повторяет целое с некоторым коэффициентом подобия. Примером фрактального самоподобия являются деревья: ветви многократно разделяются, повторяя свою форму в уменьшенном размере. При характеристиках фрактала с необходимостью возникает представление о сингулярности, особенности, негладкости: фрактал прирастает и множится углами, острями, изломами, пустотами – это всегда чрезвычайно сложное топологическое образование, не описываемое классическими геометрическими построениями, основанными на представлениях о гладкости и непрерывности.

В настоящее время известно, что фрактальные объекты имеют не только сложную форму и нецелую размерность, но и особенности существования и поведения. Фракталы по-особенному растут, существуют законы фрактального роста, и выделенные направления развития фрактальных объектов – пространственная фрактальность – влекут за собой временную, обуславливают существование фрактальной сети событий во времени. Пространственно-временными фракталами оказываются такие физические процессы, как диффузия, определяющая динамику огромного

числа смесей, растворов, расплавов; адсорбция; рассеяние; флуктуации температуры и плотности в жидкостях и газах; биологически значимые процессы полимеризации; турбулентность жидкостей и газов; рост снежинок и других кристаллов; образование облаков; эволюция горных пород; образование трещин; отвердевание жидкостей и сплавов; структуризация молний и других электрических разрядов; процессы химического и биологического транспорта; эпидемии; миграции; динамика популяций; скручивание спиральных галактик; распределение материи во Вселенной.

Значимость феномена фрактальности как физической реальности приводит не только к необходимости переосмысления многих традиционных метрических и топологических характеристик пространственных объектов, но и к поиску онтологического смысла фрактальности как таковой. Феноменологическое прояснение понятия «фрактальность» приводит к пониманию ее как предельной сложности пространственной формы и временного развития. Итак, онтологический смысл фрактальности – предельная сложность пространственного и временного существования, определенный собственным сложным законом развития. Онтология фрактальных объектов должна естественным образом включаться в постнеклассическую онтологию, постулирующую сложность развития нелинейных систем, как пространственную, так и временную.

Феномен фрактальности порождает и некоторые гносеологические и методологические проблемы. Благодаря негладкости фракталов, существованию в них множества разрывов и изломов для них теряет привычный смысл определение классической протяженности. Известно, что протяженность есть свойство всякого материального тела занимать некоторую часть пространства, иметь длину, ширину, высоту, а значит – площадь и объем, и именно благодаря протяженности, которая легко вычисляется или измеряется в классическом случае, физические объекты соотносятся со всеми остальными и сравниваются. Существование у фракталов многочисленных сингулярностей означает, что для определения длины математического фрактала приходится искать сумму бесконечного числа очень малых величин – и эта операция не определена в классической геометрии. Протяженность же физических фракталов и вовсе затруднена, это иллюстрирует пример весьма изрезанной береговой линии России вдоль Северного Ледовитого океана, длину которой вычислить чрезвычайно трудно. Для фрактальных объектов протяженность теряет свои классические характеристики, перестает быть непрерывной, определенной и однозначной. Это и приводит к трудности, а иногда и невозможности определения и сравнения размеров фрактальных объектов. Для плоских фрактальных объектов

неопределенной оказывается площадь, для объемных – объем. Вычисление площадей и объемов физических фракталов на сегодняшний день весьма проблематично, если вообще имеет смысл. Таким образом, при изучении фракталов мы сталкиваемся со значительными гносеологическими проблемами: необходимостью переосмысления фундаментальных метрических характеристик пространства, таких как протяженность, длина, ширина, площадь, объем, и поиска методов их определения для фрактальных форм.

Существует и еще одна чрезвычайно важная, связанная с существованием фракталов гносеологическая проблема, на сегодняшний день далекая от решения. Дело в том, что фрактальность, с одной стороны, означает существование строгого пространственного и (или) временного порядка, наличие четкого алгоритма, закона построения или роста. С другой стороны, известно, что фрактальность есть атрибут хаотичности временного развития физического объекта, «след» его непредсказуемого, неупорядоченного поведения¹¹, а дробная часть фрактальной размерности определяет степень хаотичности поведения системы. Это соотношение хаоса и порядка в существовании и динамике фрактальных объектов является парадоксальным для классического научного описания, но вполне естественным для постнеклассического научного мировоззрения. Связь порядка и хаоса через фрактальность еще ждет своего онтологического осмысления и объяснения.

Универсальность и значимость фрактальности как феномена, многообразие природных фрактальных объектов заставляют вспомнить уже упоминавшееся высказывание Б. Рассела о недоканности евклидова положения о трехмерности пространства. В самом деле, если фрактальность так часто встречается в живой и неживой природе, если она есть тотальное пространственное свойство огромного числа физических объектов, не является ли она следствием более сложной, чем это представляется в настоящее время, структуры самого физического пространства? Иными словами, не является ли фрактальность физических объектов следствием фрактальности самого пространства? Сказанное означает, что осмысление феномена фрактальности приводит не только к необходимости новой интерпретации важнейших пространственных характеристик реальных объектов, не только к решению связанных с этим гносеологических проблем, но и к возможности радикально новых онтологических представлений о самом пространстве – и это важнейшее и радикальное онтологическое положение. Достоверность сделанных в этой работе выводов о способах существования фрактальных объектов и их эпистемической нетривиальности, о возможности конституирования принципиально новой онтологии пространства определяется соответствием

гносеологических и онтологических оснований данного исследования теоретическим и практическим результатам современных естественных наук, подкрепляется непротиворечивостью полученных результатов и постнеклассической онтологической концепцией, разрабатываемой философами Саратовской школы¹².

В заключение отметим, что построение постнеклассической онтологии пространства, выделение существенных свойств фрактальных объектов имеют значение не только для философской онтологии, но и для социальной философии, и для философии культуры, и для социологии, и для политологии. В самом деле, теория фрактальности имеет важные практические приложения, связанные с социумом, созданием технических и культурных объектов, социальной динамикой. Фрактальностью обладают, например, городские пространства¹³, многие социальные инфраструктуры, высокотехнологичные средства коммуникации, любые сетевые организации (в том числе политические партии), архитектурные, живописные, музыкальные, литературные произведения, а феномен фрактального роста определяет такие значимые социальные процессы, как миграция и динамика финансовых операций, и такие важнейшие биологические – как рост, деление клеток и образование живых тканей. Знание законов существования и развития фрактальных объектов, их структуры оказывается в этом контексте не только теоретически, но и практически значимым.

Примечания

- 1 См.: Платон. Диалоги. М., 2009. 448 с.
- 2 См.: Аристотель. Соч. : в 4 т. М., 1983. Т. 1. 552 с.
- 3 См.: Трубецкой С. Н. Метафизика в Древней Греции. М., 2003. 590 с. ; Материалисты Древней Греции. М., 2010. 590 с. ; Лурье С. Я. Демокрит. Л., 1970. 664 с.
- 4 См.: Декарт Р. Избр. произведения. М. ; Л., 1956. 712 с.
- 5 См.: Спиноза Б. Избр. произведения. М., 1998. 608 с.
- 6 См.: Лейбниц Г. В. Соч. : в 4 т. М., 1983. Т. 2. 654 с.
- 7 См.: Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. М., 1977. Т. 2. 680 с.
- 8 См.: Эйнштейн А. Работы по теории относительности // Собр. науч. тр. М., 2008. 336 с. ; Грюнбаум А. Философские проблемы пространства и времени. М., 1969. 591 с.
- 9 См.: Рассел Б. Проблемы философии. СПб., 2000. 318 с.
- 10 См.: Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. Минск, 2001. 656 с.
- 11 См.: Афанасьева В. В. Детерминированный хаос : феноменологическо-онтологический анализ. Саратов, 2002. 246 с.
- 12 См.: Афанасьева В. В. Тотальность виртуального. Саратов, 2005. 176 с. ; Афанасьева В. В. Онтология научной неопределенности. Саратов, 2007. 180 с.
- 13 См.: Афанасьева В. В., Лазерсон А. Г., Позднева С. П. [и др.]. Философия города. Саратов, 2012. 243 с.

Именно мифология может создавать образы или наполнять новым содержанием существующие мифомодели для манипулирования общественным сознанием. В свою очередь, мифологическое мышление задает тон потреблению как одной из сфер общественных отношений, поэтому становление символического потребления напрямую зависит от трансляции с помощью СМИ определенных мифов. Взаимосвязь современного мифотворчества и символического потребления сегодня представляется достаточно отчетливо, и это дает право говорить, что мифо-мышление необходимо обществу не только как пережиток прошлого и составная часть любого мировоззрения, но и как определенная матрица, закладывающая нравственные ориентиры и моральные ценности.

Примечания

- ¹ Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 9.
- ² Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С. 63.
- ³ Мартишина Н. И. Наука и паранаука в духовной жизни современного человека. Омск, 1997. С. 70.
- ⁴ Мартишина Н. И. Указ. соч. С. 71.
- ⁵ Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избр. работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 72–130.
- ⁶ Юнг К. Г. Психологические типы. СПб., 2001. С. 97.
- ⁷ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 733.
- ⁸ Жолдуев С. И., Плотников В. Г. Влияние древних религий на современные корпорации. М., 2006. С. 35.
- ⁹ Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002. С. 59.
- ¹⁰ Ильин В. И. Поведение потребителей. Краткий курс. СПб., 2000. С. 81–83.

УДК 101.1:316

ДИАЛЕКТИКА ГЛОБАЛЬНОГО И ЛОКАЛЬНОГО: НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е. Н. Костина

Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: kostina2010@inbox.ru

В статье рассматривается вопрос о судьбе национального государства в условиях глобализации. Объектом исследования является диалектика глобального и локального; в качестве предмета анализа выступает политика памяти, рассматриваемая с точки зрения метода сохранения позиций национального государства. **Ключевые слова:** национальное государство, глобальное, локальное, идентичность, коллективная память.

The Dialectics of Global and Local: the Nation State and the Collective Memory within Globalization

Е. Н. Kostina

The article discusses the place of nation state phenomenon in an atmosphere of globalization. The object of analysis is the dialectics of global and local; the subject is historical politics regarded as a nation state's preservation method.

Key words: nation state, global, local, identity, collective memory.

Процесс глобализации не перестает интересовать исследователей в различных областях социально-гуманитарного знания, поскольку изменения, которые повлек за собой этот процесс, носят настолько масштабный характер, что нет, пожалуй, такой сферы общественной жизни,

которая не трансформировалась бы под его влиянием. Не является исключением и феномен национального государства, основы которого также пошатнулись перед лицом глобализации.

Национальное государство (nation state), как его определяют Д. Андерхилл, С. Барретт, является «мифологической и интеллектуальной конструкцией, обладающей высокой степенью убедительности и большой политической силой»¹. Это определение интересно, на наш взгляд, тем, что представляет феномен национального государства как теоретический конструкт, как абстракцию, но в то же время обладающую абсолютно реальной функциональностью: существование национального государства – условие единства и сплоченности нации. Однако все чаще ученые говорят о том, что перед национальным государством – феноменом, объединяющим нацию, народ в единое культурно-историческое целое, в условиях глобализации возникает угроза разрушения.

Так что же происходит в глобализирующемся мире с феноменом национального государства? Какая роль отведена в этом мире коллективной памяти о его прошлом? В самом ли деле эта память превращается в лишнюю, тормозящую движение вперед (в коллективное будущее) элемент? По-

чему память (в любой ее ипостаси – коллективная, социальная, историческая) сегодня – объект пристального внимания не только ученых, но и политиков? Мы не ответим на эти вопросы, не рассмотрев более подробно феномен глобализации, его влияние на общественные процессы, а также точки зрения на характер этого влияния.

Относительно «глобальности глобализации» существуют подчас диаметрально противоположные позиции. Приверженцы так называемой гиперглобалистской позиции (С. Латош, Х. Булл, Дж. Розенау и др.) уверены, что на смену национальному государству приходит новая, «транснациональная» культура, которая формирует новую «наднациональную», космополитическую идентичность. «Прагматически аспект формирования глобального мировоззрения, – пишет по этому поводу Д. Аникин, – состоит в постепенном отказе от национальной формы идентичности, которая становится препятствием на пути повышения эффективности взаимодействия»².

Но какова же тогда новая идентичность? Может ли идентичность в современном мире не быть чем-то устоявшимся, неизменным, данным нам историей? Это – скорее, идентичность как проект. Это – идентичность, лежащая не в пространстве прошлого, а, напротив, смотрящая в будущее, или, что более верно, в пространство возможного. Современный человек может формировать свою идентичность по любому образцу, он может «быть кем угодно» и где угодно: глобализационные процессы – это процессы «сжимания» пространственно-временных границ. Собственно, границ в современном мире практически нет (точнее, их нет символически).

Но разве может идентичность находиться в будущем? Утверждая проективность, возможность идентичности, мы фактически знаменуем ее не-существование, поскольку это утверждение противоречит самой сути феномена идентичности – укорененности в прошлом, ее существованию в форме памяти. Глобальный мир рискует потерять саму суть феномена идентичности. Может быть, глобальному миру она не нужна? Этот вопрос мы оставим пока открытым.

Умеренная позиция по поводу эволюции современной общественной жизни под влиянием глобализации представлена трудами таких исследователей, как Р. Робертсон, П. Бергер, У. Бек и базируется на тезисе о диалектическом единстве процессов глобализации и локализации, о «многоуровневом» характере их взаимосвязи. Единство противоположностей обозначается термином-гибридом «глокализация» (Р. Робертсон). Этот концепт, на наш взгляд, призван подчеркнуть одновременность протекания двух процессов.

Итак, расширив проблему роли и функций национального государства в современном мире до социально-философского горизонта, мы об-

наруживаем, что она – часть относительно новой в социально-философском дискурсе проблемы диалектики «глобального–локального». Но если глобализация – процесс, не нуждающийся в представлении, то понятия «локальное» и «локализация», не столь прочно вошедшие в социально-философский словарь, следует определить.

Одно из наиболее ярких проявлений феномена локального – национальное государство и фундирующая его национальная культура. Государство не может существовать в качестве единого целого, если существует угроза разрушения идентичности его членов, прежде всего, национальной. Это своего рода взаимозависимость: идентичность детерминирована локальным (история государства – моя история), в то же время идентичность – основа существования локального (история государства – история его граждан).

Локализация в современном мире, таким образом, есть не что иное, как ответная реакция, механизм самозащиты государства перед лицом стирания его основ – национально-культурных границ – перед угрозой потери национально-государственной идентичности. Памятные места («места памяти», как сказал П. Нора) и праздники, «исторические законопроекты», вызывающие так много споров, – все это видимые проявления феномена локализации, «удерживания», ускользающего локального в условиях всеобщей, наднациональной истории.

Логическая цепь, таким образом, выстраивается следующая: в условиях глобализации национальное государство вынуждено всяческими способами сохранять свою суверенность, свои национальные и культурные ценности, национальную идентичность – реализовывать процесс локализации. Находящийся под угрозой феномен идентичности (как показали гиперглобалисты), в свою очередь, непосредственным образом связан с коллективной памятью (память – фундамент, на котором выстраивается национальная идентичность). Противостояние нивелированию особенностей локального порождает стремление сохранить память о прошлом, свою память – о своем прошлом, а также определить свое отношение к прошлому других (других государств).

Поэтому не удивительно, что широко обсуждаются вопросы, касающиеся памяти о прошлом (в этой тенденции явно просматривается стремление государства возродить общие воспоминания, ценности и традиции). П. Нора вводит понятие «бум коммеморации», П. Рикер рассматривает феномен «репрезентации нарратива», философы, политологи и социологи исследуют феномены политизации памяти и исторической политики. Много споров, к примеру, вызывают законопроекты, касающиеся отношения государства к тем или иным историческим событиям. В подобных законопроектах на первый план, как правило,

выдвигается категория исторической вины. «Появилась идея вины государств перед народами, – пишет А. Левинсон, – а с ней – идея раскаяния и признания вины. Это – не идея чужой национальной вины, которую искупить можно только мезтью. Это – гражданская идея своей вины»³. В ряде стран, например, публичное отрицание Холокоста карается законом; Россия признала свою вину за так называемое «Катынское дело»; в январе 2012 г. Сенатом Франции был поддержан законопроект, вводящий уголовную ответственность за отрицание геноцида армян в Османской империи в период Первой мировой войны.

Все же современную ситуацию с бóльшим основанием можно назвать «памятизацией политики», нежели политизацией памяти, поскольку так мы снимаем исключительно политический контекст, который зачастую трактуется не иначе как насилие над живой памятью. В самом деле, государство как локальность, стремясь сохранить свою основу, национальную идентичность, вынуждено использовать механизмы реконструкции памяти о прошлом⁴. Конфликты, возникающие вследствие реализации той или иной политики памяти, возникают именно потому, что нацио-

нальную память сегодня необходимо вписывать в контекст памяти глобальной (если такая вообще возможна) или, по крайней мере, соотносить свою память с памятью других государств. На этом уровне диалектика глобального и локального проявляет себя наиболее очевидно (национальное государство в условиях глобального мира, обращаясь к коллективной памяти своего народа, реализовывает процесс локализации), представляя в виде борьбы противоположностей на фоне и с целью единства.

Примечания

- ¹ См.: Политика. Толковый словарь. М., 2001. 760 с.
- ² Аникин Д. А. Политика памяти в глобальном мире : предпосылки социально-философского исследования // Уч. зап. Казанского ун-та. 2011. Вып. 153. С. 18.
- ³ Левинсон А. Фундаментализм и категория исторической вины // Неприкосновенный запас. 2010. Вып. 3(71). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/3/fu6-pr.html> (дата обращения: 15.12.2012).
- ⁴ Стратегии памяти, действительно, становятся орудием политической борьбы, но эту проблему мы оставим за рамками нашей статьи.

УДК 114; 115.4

ПРОСТРАНСТВО: ФРАКТАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

К. В. Кочелаевская

Саратовский государственный аграрный университет
E-mail: kochelaevskaya21@rambler.ru

Статья посвящена анализу философских, физических и математических представлений о пространстве. Обсуждаются революционные топологические идеи, связанные с феноменом фрактальности, и возникающие при этом гносеологические проблемы; выясняется онтологический смысл феномена фрактальности.

Ключевые слова: пространство, фрактальность, непрерывность, неопределенность, сингулярность, самоподобие.

Space: Fractal Representations

К. V. Kochelaevskaya

The article deals with the philosophical, physical and mathematical concepts of space. The novel topological ideas related with fractality phenomenon are discussed. Ontological meaning of fractality is cleared out.

Key words: space, fractality, continuity, uncertainty, singularity, self-scaling.

Известно, что построение любой онтологии не обходится без пространственных представле-

ний, без этого невозможно описать отношения между существующими в мире объектами. Как основополагающая философская категория «пространство» получало многочисленные философские и естественно-научные интерпретации, однако становление постнеклассической научной парадигмы требует нового осмысления этого фундаментального понятия.

Эволюция представлений о пространстве берет свое начало в античности и связана с великими онтологическими и гносеологическими концепциями. Платон, например, сопоставлял пространство с реальным Ничто, с *не-существующим*, в котором обнаруживается материя чувственно постигаемого мира (диалог «Тимей»)¹. Аристотель заменял категорию «пространства» представлением о «месте» (τόπος), которое определял как границу объемлемого и объемлющего тел². Демокрит рассматривал пространство как пустоту (τόκενόν), содержащую все подвижные сущности³. Декарт

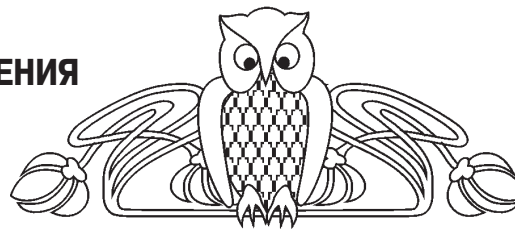

УДК 177.4

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

М. А. Ким

Саратовский государственный университет
E-mail: kimma888@yandex.ru

Мифологическое мышление и символическое потребление связаны тесным образом. В мифе на современном этапе мы видим не пережиток архаичного прошлого, но современные модели, задающие тон развитию общественных связей между индивидами. Мифы повсеместно окружают человека, они сохранили свои свойства, но их символы и образы «обновили» свое содержание. В статье рассматривается подверженность любого человека мифологическому мышлению, которое призывает к определенному поведению. И в символическом потреблении можно найти все признаки трансляции и открытости к восприятию современных мифов.

Ключевые слова: мифологическое мышление, символическое потребление, миф, современная мифология, иллюзия, гиперреальность.

Mythological Thinking in Terms of Symbolic Consumption

М. А. Kim

Mythological thinking and symbolic consumption are closely linked. We have not seen myth at modern stage an archaic relic of the past, but the contemporary models, sets the tone for the development of social relationships between individuals. Myths are generally surround a person, they have retained their property, but their symbols and images are upgraded their content. The article considers the exposure of any person to mythological thinking, which calls for a certain behavior. And in a symbolic consumption can be found all the signs and events open to the perception of the modern myths.

Key words: mythological thinking, symbolic consumption, myth, modern mythology, illusion, hyperreality.

В последние годы множество исследователей социальных процессов современного общества обращаются к рассмотрению понятия мифа. Его трактовки разнообразны, но причина обращения именно к этой категории едина – мифы свойственны и нашему мировоззрению. По мнению А.Ф. Лосева, «миф не есть выдумка или фикция, не есть фантастический вымысел». Миф понимается им как «самая подлинная действительность, самая необходимая категория мысли и жизни»¹. И человек так или иначе обращается к мифологическому мировоззрению, хотя оно, как традиционно считается, присуще архаическому сознанию.

М. Элиаде в своей книге «Священное и мирское» трактует миф как «повествование о реальном, о том, что реально произошло, что в полной мере воплотилось»². Подобное описание

мифа говорит о том, что мифы не могут не быть частью сознания современного человека, потому что в них имеются самые простые для восприятия мировоззренческие установки.

Казалось бы, мифология является архаической формой сознания, которая должна быть вытеснена научными достижениями и уже не может претендовать на главенствующую роль в мировоззрении современного человека. Но сейчас в условиях глобализованного и интегрированного мира миф нужно понимать немного шире, нежели как образные представления древних цивилизаций. Миф – мышление, в основе которого лежат определенные закономерности, шаблоны и клише осмысления мира, поэтому мифы укоренены и в сознании человека современной цивилизации. Можно утверждать, что сила мифологического мышления заново утверждается во всех сферах жизни человека. Тем самым подтверждается слова Э. Кассирера: «миф является неотъемлемой частью человеческой природы».

Но современная мифология существенно отличается от древних мифов. Технологии мифов нашего времени используют символы и образы, которые соответствуют «ориентациям и запросам массового сознания»³. Мифология на сегодняшний день снова в моде: она проникает в литературу, искусство и особенно – в идеологию. Миф неразрывно связан с каждой появляющейся на свет идеологией. «О мифе говорят как об “идейном оружии XX века, которое конструируется и внедряется как любое другое оружие”»⁴. Проникновение мифологий во все сферы жизни общества обусловлено свойствами самих мифов. Мифология предлагает человеческому сознанию естественный и убедительный взгляд на происходящее. Миф нельзя трактовать как форму ложного знания, ведь изначально мифологические представления воспринимались как объективная реальность. Современные же мифы также не устраняют реальность, создавая мир фантазмов и образов, они лишь дополняют реальность, делая её богаче и ярче. Р. Барт отмечает, что «мифология, безусловно, находится в согласии с миром, но не с таким, каков он есть, а с таким, каким он хочет стать»⁵. Это и есть особенность современного мифотворчества.

Возникает вопрос, почему именно миф становится главной составляющей сознания совре-

менного человека? Миф обладает свойствами, которые сознание человека усваивает наилучшим образом. Во-первых, мифы оперируют различными ассоциациями, и вещи могут выступать в различном качестве. Во-вторых, прослеживается и другое свойство мифа – амбивалентность, что дает человеку больше оснований верить мифам как неким построениям, лишенным противоречий. В-третьих, мифологическое знание содержит эмоциональное обобщение и создает определенный шаблон, в который укладываются все жизненные впечатления человека. В этом смысле миф является коллективной формой мышления. К. Г. Юнг трактует мифы как архетипы, представляющие «устойчивые схемы или фигуры, составляющие предпосылку и возможность психических образов, имеющие бессознательный, априорный, сверхиндивидуальный характер»⁶. Это открытие архетипической природы коллективного бессознательного еще больше укрепило представление о том, что миф, как самая непосредственная форма обнаружения архетипов, неотвратимо присутствует в современном сознании человека. Обращение современного человека к мифу обусловлено тем, что по всем характеристикам он наиболее понятен большей части социума. И даже те идеологии, которые основаны на рациональных аргументах, терпят поражение перед теми, что строятся по законам мифотворчества. Мифология обеспечивает сознание иллюзией защищенности. Отмечая особое влияние мифологии на сознание человека, С. Н. Булгаков замечает: «Мифу присуща своя особая достоверность, которая опирается не на доказательства, но на силу и убедительность непосредственного переживания». Э. Кассирер утверждает, что «мир мифа не есть простое образование, зависящее от каприза или случая, но он имеет свои собственные фундаментальные законы образования, действующие во всех отдельных проявлениях»⁷.

Мифы не обязательно должны восприниматься просто, но они апеллируют и к логике, и к представлению, и к интуиции одновременно: «Люди способны виртуальные образы и знаки превращать в новые выражения своего видения мира, но уже в материальном виде: в предметах быта, в каких-либо строительных конструкциях»⁸.

Современные мифы обладают и внешней конкретностью передаваемого сообщения, и в то же время олицетворяют внутреннюю многозначность, которую каждый трактует для себя по-разному. Для современного человека такой миф представляется особенно привлекательным, потому что духовная ситуация нынешнего общества – кризисное состояние практически всех его сфер.

Существовавший ранее миф о доме, который обладал непреложной значимостью для человека, теперь сменяется на миф о мобильности, когда сидеть на одном и том же месте считается плохим то-

ном. Желание менять место жительства, а вместе с ним и все вещи, окружавшие в старом жилище, свидетельствует о кратковременности отношений с вещами. Миф о мобильности полностью устранил привязанность к месту, к определенным вещам. И хотя человек стремится к стабильности, его потребность в постоянных изменениях преобладает под влиянием современных мифов.

Другой миф – кратковременных межличностных отношений – захватил еще более когда-то неприкосновенную сферу человеческих взаимоотношений. Если раньше люди создавали семьи и они распадались в очень редких случаях, то теперь для расставания не надо много поводов. Институт брака и семьи в целом также стал кратковременным, как и отношения с предметами постоянного потребления. Взаимоотношения с людьми носят столь же поверхностный характер, как и при выборе одежды в магазине. Поэтому и сами люди относятся друг к другу на основе функционального принципа, т.е. с точки зрения удовлетворения сиюминутных потребностей. Функциональный принцип отношений между людьми позволяет нам добиваться желаемого, устанавливать кратковременные связи, например, если необходимость в общении с определенным человеком ограничивается получением какой-либо выгоды. Этот функциональный подход распространился не только на деловые отношения, но и на межличностные. Человек заинтересован в смене места жительства, обстановки, покупке чего-либо нового, но его мало интересуют старые связи; дружеские взаимоотношения приобретают кратковременный характер. «Люди будущего живут в условиях “высокой временности” – условиях, при которых длительность отношений сокращается, пропускная способность отношений чрезвычайно ускорена. В их жизни вещи, места, люди, идеи и организационные структуры – все “расходуется” быстрее»⁹. Поэтому, чтобы заполнить постоянно освобождающееся пространство для новых связей, человек прибегает к символическому потреблению. Но его нельзя назвать полностью символическим, потому что оно выполняет определенные функции для индивида. И эти функции второстепенны по отношению к возможности обретения человеком новой, может быть, нестабильной идентичности. Потребление продуктов-символов делает нас заложниками собственного показного поведения, у которого есть определенные зрители – свидетели потребления, без этих персонажей само символическое потребление потеряло бы всякий смысл. Чувство внутреннего комфорта человека, задействованного в символическом потреблении, имеет две стороны: первая – когда у него модный гардероб, престижная марка автомобиля, вторая – когда он демонстрирует свидетелям потребления свою успешность.

Общество иллюзии опутывает своими сетями современного человека: в связи с ускорением жизни он не успевает осознать ценность окружающих его предметов: они становятся краткосрочными, скоропортящимися, одноразовыми. Одновременно рождается мысль о том, что пребывание в «одноразовой культуре» делает человеческое существование все более и более удобным, что является еще одной иллюзией, которую навязывает общество символического потребления. Технологичными, используемыми в данном обществе, сложно управлять, так как они пронизывают всю социальную реальность: это, прежде всего, средства массовой информации, заполняющие потоками информации все пространство. В условиях значительного увеличения спектра доступной продукции и услуг символы, сопровождающие тот или иной товар, играют роль идентификатора и гарантируют неизменность свойств и потребительских преимуществ: они облегчают ежедневный выбор в огромном количестве доступных возможностей.

Так мифологическое мышление, можно сказать, порождает символическое потребление. В разнообразии проявлений жизни современного человека множество символов связано с выстраиванием тех или иных отношений с другими индивидами, а также выбора линии поведения относительно собственного «я». В. И. Ильин, анализируя символическое потребление, выделяет четыре основных вида символов, которые наиболее явно характеризуют человека и его ожидание того, как он должен будет восприниматься в обществе: 1) «отличаться от других»; 2) «быть не хуже других»; 3) «быть похожим на других»; 4) «самовыражение»¹⁰.

Первый символ требует от человека выражения индивидуальности, попытки отойти от привычных представлений в потреблении вещей. Индивид привлекает внимание к себе с помощью символического потребления, выделяя себя на фоне других подобных потребителей. Второй – «быть не хуже других» – отражает желание быть включенным в процесс потребления, чтобы означивать себя с помощью вещей на том же уровне, что и остальные участники символического потребления. «Быть похожим на других» – определенная форма копирования образов, необходимых для соответствия принятым символам потребления. Четвертый символ является, с одной стороны, попыткой пойти против символического потребления, прибегая к эксклюзивным вещам, но, с другой – представляется более изощренной формой показного потребления.

С помощью символов расширяется предельная полезность тех или иных вещей: ценность символов при массовом потреблении значительно выше стоимости самой вещи, но в условиях

постоянного обновления сферы товаров и услуг происходит обесценивание вещей через те же символы. Если человек потребляет товары из категории символа «самовыражение», то он автоматически удовлетворяет свою потребность в идентификации. Если потребление определенных символов имеет закрытый характер, т.е. доступно ограниченному кругу лиц, то и удовлетворение от подобного потребления будет более продолжительным. Однако и это удовлетворение является кратковременным по сравнению с тем сроком, который отведен для потребления самой вещи.

Важным аспектом символического потребления является то, какую значимость имеют определенные символы для данного конкретного индивида. Безусловно, в символическом потреблении участвуют абсолютно все, но степень подверженности ему дифференцируется в зависимости как от материального достатка, так и от отношения к жизни и самому себе. Таким образом, человек использует символическое потребление для трансляции современного мифа о человеческой успешности, причем этот миф может трактоваться по-разному в зависимости от ситуации, т.е. успех может отображаться как в следовании потреблению вещей и услуг, так и в отторжении этого процесса.

Если успешные люди и участвуют в символическом потреблении, то на значительно более качественном уровне, нежели остальные. Они воспринимают образы, наглядно представленные телевидением, не как самостоятельно потребляемый объект, а, скорее, как идеологически подобранный продукт. Стоит отметить, что человек, участвующий в символическом потреблении, неизменно желает самоидентифицироваться, но самоидентификация здесь не столько аспект экзистенциального мышления, сколько основа для разрушения старых общественных конструкций. Возникает новая культура потребления, которая регламентируется различными установками, включая законы, мораль и технологии символического потребления. Эти технологии, являясь современными мифами, имеют строгие правила игры, иначе они не имели бы успеха и влияния. Они предполагают инерцию мышления, привыкание, формирование норм поведения с помощью вложения нового смысла и понятийного содержания в уже привычную символику.

Таким образом, современному человеку присуще мифологическое мышление, наполненное новыми символами. Индивид строит собственные представления, выбирает модель поведения и способ идентификации, опираясь на современные мифы. Технологии мифомышления используются во всех сферах жизни, поскольку воспринимаются человеческим сознанием.

Именно мифология может создавать образы или наполнять новым содержанием существующие мифомодели для манипулирования общественным сознанием. В свою очередь, мифологическое мышление задает тон потреблению как одной из сфер общественных отношений, поэтому становление символического потребления напрямую зависит от трансляции с помощью СМИ определенных мифов. Взаимосвязь современного мифотворчества и символического потребления сегодня представляется достаточно отчетливо, и это дает право говорить, что мифо-мышление необходимо обществу не только как пережиток прошлого и составная часть любого мировоззрения, но и как определенная матрица, закладывающая нравственные ориентиры и моральные ценности.

Примечания

- ¹ Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 9.
- ² Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С. 63.
- ³ Мартишина Н. И. Наука и паранаука в духовной жизни современного человека. Омск, 1997. С. 70.
- ⁴ Мартишина Н. И. Указ. соч. С. 71.
- ⁵ Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избр. работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 72–130.
- ⁶ Юнг К. Г. Психологические типы. СПб., 2001. С. 97.
- ⁷ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 733.
- ⁸ Жолдуев С. И., Плотников В. Г. Влияние древних религий на современные корпорации. М., 2006. С. 35.
- ⁹ Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002. С. 59.
- ¹⁰ Ильин В. И. Поведение потребителей. Краткий курс. СПб., 2000. С. 81–83.

УДК 101.1:316

ДИАЛЕКТИКА ГЛОБАЛЬНОГО И ЛОКАЛЬНОГО: НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е. Н. Костина

Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: kostina2010@inbox.ru

В статье рассматривается вопрос о судьбе национального государства в условиях глобализации. Объектом исследования является диалектика глобального и локального; в качестве предмета анализа выступает политика памяти, рассматриваемая с точки зрения метода сохранения позиций национального государства.

Ключевые слова: национальное государство, глобальное, локальное, идентичность, коллективная память.

The Dialectics of Global and Local: the Nation State and the Collective Memory within Globalization

Е. N. Kostina

The article discusses the place of nation state phenomenon in an atmosphere of globalization. The object of analysis is the dialectics of global and local; the subject is historical politics regarded as a nation state's preservation method.

Key words: nation state, global, local, identity, collective memory.

Процесс глобализации не перестает интересовать исследователей в различных областях социально-гуманитарного знания, поскольку изменения, которые повлек за собой этот процесс, носят настолько масштабный характер, что нет, пожалуй, такой сферы общественной жизни,

которая не трансформировалась бы под его влиянием. Не является исключением и феномен национального государства, основы которого также пошатнулись перед лицом глобализации.

Национальное государство (nation state), как его определяют Д. Андерхилл, С. Барретт, является «мифологической и интеллектуальной конструкцией, обладающей высокой степенью убедительности и большой политической силой»¹. Это определение интересно, на наш взгляд, тем, что представляет феномен национального государства как теоретический конструкт, как абстракцию, но в то же время обладающую абсолютно реальной функциональностью: существование национального государства – условие единства и сплоченности нации. Однако все чаще ученые говорят о том, что перед национальным государством – феноменом, объединяющим нацию, народ в единое культурно-историческое целое, в условиях глобализации возникает угроза разрушения.

Так что же происходит в глобализирующемся мире с феноменом национального государства? Какая роль отведена в этом мире коллективной памяти о его прошлом? В самом ли деле эта память превращается в лишнюю, тормозящую движение вперед (в коллективное будущее) элемент? По-

Полагаем, что в социологических исследованиях можно развести понятия «менталитет» и «ментальность» как относящиеся к разным уровням организации социальной реальности. По нашему мнению, «менталитет» в большей мере соотносится с метасоциальным уровнем, а понятие «ментальность» можно эффективно применять при исследовании более частных уровней, например, социальных групп, и определить её как социально-групповую ментальность.

Примечания

- 1 См.: Ушаков П. В. Человек в современном знании и мистических практиках : в 2 кн. / под. ред. А. С. Фролова. Барнаул, 2008. Кн. 1. С. 44.
- 2 См.: Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2001. Т. 2. С. 525.
- 3 См.: Немецко-русский словарь (основной). М., 1992. С. 591.
- 4 См.: Новый французско-русский словарь. М., 1997. С. 681.
- 5 Reber A. S. The penguin dictionary of psychology. N.Y., 1985. P. 484.
- 6 Drever J. Dictionary of psychology. L., 1967. P. 171.
- 7 Universal Dictionary. 1957. L., P. 170.
- 8 Webster's Third New International Dictionary. L., 1961. P. 1411.
- 9 Funk & Wagnalis. New standard dictionary of the English language. N.Y., 1962. P. 1512.
- 10 См.: Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930. 533 с.
- 11 См.: Нагиева В. Г. Влияние менталитета на представление молодежи о своем будущем // Вектор науки Томск. гос. ун-та. 2011. № 4(7). С. 191–193.
- 12 См.: Южалина Н. С. Менталитет как социокультурная целостность : автореф. дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2003. 30 с.
- 13 См.: Казакова О. М. Менталитет и языковая картина мира // Интеллектуальный потенциал ученых России : тр. Сибирского ин-та знания. Вып. V. Барнаул, 2006. С. 87–91.
- 14 См.: Ментальность россиян (специфика сознания больших групп населения России) / под общ. ред. И. Г. Дубова. М., 1997. 475 с.
- 15 См.: Мостовая И. В., Скорик А. П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // Полис. 1995. № 4. С. 69.

УДК 130.2

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АВАНГАРД В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

А. И. Жевак

Саратовский государственный университет
E-mail: anna-jevak@rambler.ru

В статье проводится философско-культурологический анализ феномена художественного авангарда и его роли в социокультурном пространстве современного общества. Проблематизируются вопросы статуса художника, творящего в условиях неоднозначного современного искусства. Основное внимание автор обращает на взаимосвязь внешних параметров социокультурной реальности и динамики развития современного искусства под влиянием и во взаимодействии с данными параметрами.

Ключевые слова: искусство, художественный авангард, творчество, современная культура, современные тенденции развития искусства.

Art Avant-Garde in the Modern Culture: Philosophical Aspect

A. I. Jevak

This article is devoted to cultural-philosophical analysis of a phenomenon of art avant-garde and its role in the sociocultural space of modern

society. The questions of the status of the artist creating in the conditions of the ambiguous modern art are carried out. Interrelations of external parameters of sociocultural reality and dynamics of development of the modern art under the influence and in interaction with these parameters are analyzed.

Key words: art, art avant-garde, creativity, modern culture, current trends of development of art.

Заявленная тема исследования актуализирует насущный вопрос в проблемном поле современной культуры – осмысление искусства в его связи с философией. Следует отметить, что данная философская рефлексия не нова. К этой теме, например, обращался выдающийся испанский мыслитель Х. Ортега-и-Гассет, который обнаружил некий параллелизм в развитии искусства и философии. Рассматривая эволюцию европейской живописи как последовательную смену определенных этапов, он заметил, что «подобный путь прошла и западная философия, а такого рода совпадения

заставляют все с большим вниманием относиться к обнаруженной закономерности»¹.

Подтверждением прозорливому наблюдению испанского философа служит анализ художественных форм и стилей, свидетельствующий о восприимчивости художников к изменениям в культуре и обществе. Произведения творцов искусства по смыслу порой опережают умозрительные конструкты философов. Отмечая высокую степень медиативного ресурса художественной среды, анализируя многообразные художественные практики, сложившиеся в начальный период развертывания глобализационных процессов, можно заметить, что художники подчас интуитивно улавливают то, что лишь затем получает концептуальное философское выражение. Знаменитый теоретик концептуального искусства Й. Кошут в известной статье «Искусство после философии» (1969) определил базовые идеи концептуализма; в своей программной статье Кошут писал: «XX столетие открыло такое время, которое может быть названо “концом философии и началом искусства”»². Имеется в виду, конечно, не узкий смысл данного утверждения, но, скорее, тенденции, отражающие ситуацию и нашедшие яркое выражение в искусстве XX в. Следует отметить, что указанная точка зрения воплотилась в работах современных российских философов таких как В. Дианова, В. Подорога, М. Рыклин, М. Ямпольский, В. Савчук и др.

О. Н. Астафьева, размышляя о проблемах динамики культуры в контексте социокультурной ситуации рубежа XX–XXI вв., констатировала, что «изменяющиеся социальные условия влияют на смысловое наполнение культуры, но именно культура через свои параметры порядка способна либо усиливать интегрирующее и мобилизующее начало в обществе, либо, напротив, тормозить реформирование социальных отношений»³.

Ценности и идеалы культуры, а также господствующие в обществе культурные коды и стандарты (как содержательное наполнение общих параметров порядка) во многом определяют и направление социокультурного развития. При обращении к анализу авангарда, сформировавшегося на рубеже XX–XXI вв., мы обнаружим, что он обладает сущностными характеристиками, свойственными феноменам культуры, сопряженным с противоречивыми процессами воздействия глобализации на культуру. От переменных, которые «задает» культура социуму, зависит качественное наполнение реального социокультурного пространства. Динамика параметров определяет направленность развития конкретного социума, отсюда – многообразие сценариев и путей освоения человеком сложного мира. Глобализация расширяет ареал культурного общения и в то же время разрушает историческое наследие сложившихся обществ. Вместе с тем одной из многочис-

ленных проблематичных реалий, инициируемой процессами глобализации, является актуализация национального компонента культуры наряду с формированием единой универсальной культуры человечества. Сегодня правомерна констатация авангарда как феномена глобальной культуры, также обосновано наличие национальных школ авангардистского искусства.

Указанные тенденции инициировали колоссальные по своим географическим масштабам сдвиги в развитии искусства. Если в период созидания национальных государств искусство выполняло функцию выражения национальной специфики, национальной идентичности, ее сохранения и трансляции, то в эпоху глобализации искусство, наряду с национальным компонентом, становится выразителем и транснационального опыта, что привело к принципиально новому этапу существования культуры – к глобальному, в актуальных реалиях которого мы и живем сегодня.

На переломе эпох активную роль в процессе формирования мировоззрения играет художественный авангард: в это время его деятельность характеризуется отвержением старых норм и канонов, резким неприятием традиций, проблематизацией сложившихся стереотипов, намеренным эпатажем, ориентацией на новаторство в использовании художественных средств. Данные тенденции соответствуют программной установке авангарда как явления культуры – художественной программе трансформирующегося мира, располагающей мощным потенциалом, ресурсом культурной критики. Художественный авангардизм привлекают символы трансформирующегося мира, его идеи имеют значительный критический потенциал, адресованный ретроградным традициям и косным мировосприятиям. Ж.-Ф. Лиотар, анализируя художественную природу авангарда XX в., отмечал, что ныне «произведение искусства не приспособливается к образцу, оно стремится представить факт существования непредставимого, оно не подражает природе, оно – артефакт, подобие. Социальная среда больше не узнает себя в произведениях искусства, она их игнорирует, отвергает как непостижимые, а спустя какое-то время позволяет интеллектуальному авангарду сохранять их в музеях как следы попыток, несущих свидетельство мощи духа и его бедности»⁴.

Российский философ В. Дианова полагает, что в широком смысле, как явление культуры авангардизм может быть отнесен ко многим этапным периодам культуры: и позднеримскому, и к романтизму, а не только к разнообразным художественным течениям первой половины XX в. Относить последний период к авангардизму – мнение, довольно распространенное в обыденном сознании⁵. Действительно, авангард первой по-

ловины XX в. – сегодня общеизвестная классика. Всякий авангардизм ориентирован на то, чтобы спровоцировать интеллектуальное соучастие зрителя, разбудить обыденное сознание, способствовать радикально новому видению мира. В то же время художественный авангард не обладает четкой концепцией, не демонстрирует конкретных мировоззренческих принципов, что обусловлено самой спецификой художественного творчества, рассчитанной на сотворчество зрителя (любое произведение искусства – это открытая система), манифестация его идей носит, скорее, провокативный характер.

Жизнь на этом новом этапе развития культуры выдвинула такие задачи, которые побудили художников к выработке иных стратегий в искусстве и, соответственно, к поиску особых методов творчества. В художественном плане авангардные художники прибегают к поискам новых выразительных средств, возможности которых значительно расширены посредством используемой ими электронной техники. «Предусматривая плюрализм различных художественных, мировоззренческих и культурных ценностей, обуславливающих многообразие типов восприятия художественных текстов, авангардные художники побуждают к интеллектуальному соучастию зрителей в художественном событии, к такому типу восприятия, которое предполагает интеллектуальную активность в формировании оценочного суждения, лишённого стереотипов и сложившихся клише»⁶, – пишет В. Дианова, размышляя о взаимодействии современного художника и зрителя, об интеллектуальном содержании их диалога, сложного, в сущности, в любую эпоху культуры.

В реальности крупное художественное авангардное движение, возникшее в 1960–80 гг. в ряде западных стран, пришло на смену как традиционному искусству, так и философии, сфокусировало в себе науку, философию и собственно искусство в новом его понимании. Отныне в искусстве на первый план выдвигался концепт – замысел произведения, воплощенный в виде формализованной идеи, которая не изображается или выражается (как в традиционных искусствах), но презентуется в форме вербального текста или он способствует возникновению концепта в ходе аналитической деятельности субъекта восприятия. Данное действие может сопровождаться документальными материалами в виде кино-, видео-, аудиозаписей.

Пространством для презентирования концептуального искусства является не визуальная область, а концептуально-визуальная, не восприятие, а концепции. Так чувственное постижение пришло на смену рациональному осознанию. Именно аналитико-интеллектуальная деятельность сознания, порой лишь косвенно связанная

с постигаемым артефактом, предусмотрена в такого рода познании идеи автора. С момента, когда Кошут теоретически обосновал фундамент концептуального искусства, оно существенно обогатило свой арсенал новыми средствами выразительности, рассчитывая на креативную перцепцию зрителя, расширило свои возможности и, по сути, вышло за рамки собственно оригинального направления, преобразовавшись в неотделимую константу художественного авангарда в целом.

Воспользовавшись терминологией У. Эко, мы позволим определить статус авангарда как умышленно «открытого произведения», стимулирующего и иницирующего активность в интерпретации смысла артефактов авангардистского искусства реципиентом. Следует отметить, что стратегии данной активности значительно отличаются от традиций восприятия произведений искусства классической эпохи. В отличие от предыдущих этапов истории искусства, авангард не иллюстрирует, не отображает, не воспроизводит идеи, а концептуализирует, приглашает к их осмыслению. При внешней упрощенности и доступности произведений искусства авангарда их смысл становится постижимым лишь для подготовленного сознания, освоившего логику концептуального мышления и стратегию поведения в концептуальном пространстве.

Прогрессивные искусствоведы и философы верно полагают, что концептуализм авангардного искусства недоступен обывателю, не искушенному в «правилах игры» – он не является достоянием массовой культуры. Артефакт словно нивелирует грани между искусством в традиционном понимании и повседневностью, вторгаясь в жизнь. Авангардистский артефакт экспроприрует из обыденной жизни ее фрагмент и распространяет его в пространстве художественной реальности. При этом смысл изначально не репрезентирован в артефакте как некая данность, смыслопорождение представляет собой сложный когнитивный процесс, происходящий над визуальным рядом или вербальным текстом.

Концептуализм ориентирует сознание зрителя на работу интеллекта. Свобода интерпретации обусловлена широтой интеллекта и ассоциативного мышления, которые могут предложить целый спектр кодов, в русле которых возможна интерпретация. Авангардные практики преследуют цель проблематизации тех или иных социокультурных явлений, способствуют вводу этих явлений в предмет рефлексивного осмысления и рационального анализа. Подвергающаяся проблематизации культурная среда практически представляет собой неравновесную среду, в контексте которой имеет место плюрализация эволюционных векторов культурного развития, оформляются своего рода точки роста, дающие

начало формированию новых представлений о мире, человеке и месте человека в мире. И в этой связи оказывается решающим наличие той или иной установки, с которой зритель подходит к восприятию конкретного артефакта: если тема в артефакте проблематизируется, то установка на соответствие или легитимацию явления, репрезентируемого в нем, приведет к заведомо неверным суждениям.

Назначение и функция художника в эпоху глобализации заключаются в расширении пространства, в формировании и укреплении общечеловеческих мировоззренческих ценностей. Не последнюю роль здесь играет художественный авангард, искусство которого глубоко философично, по нашему убеждению, в силу своего интеллектуального ресурса, инициирующего рефлексию, дискуссии, анализ. Искусство авангарда побуждает к выработке решений, к формированию позиции.

Как следствие, «к началу XXI в. масштабный эксперимент в сфере искусства привел практически к полному отказу от традиционных языков художественного выражения, особенно в сфере визуальных искусств, но отчасти и в литературе, музыке, театре, следствием чего стала существенная дезэстетизация искусства»,⁷ – замечают В. В. Бычков и Н. Б. Маньковская в статье, посвященной вопросам влияния техногенной цивилизации на современное искусство. Действительно, подавляющее большинство современных артпрактик тяготеет к принципам, маргинальным для классической эстетики, но имплицитно присущим многим сферам традиционного искусства: имеются в виду принципы *игры, иронии, безобразного*. Именно в их русле двигалось большинство направлений и художников инновационного искусства на протяжении всего XX в., в котором обыгрывание безобразного, сам игровой принцип и иронизм превратились в основу творческого метода на всех уровнях и во всех видах искусства.

В современном многополярном мире существуют различные виды художественного

творчества. В эпоху глобализации авангардное искусство выполняет особую миссию, которая выражается в стремлении создать единое мировое художественное пространство, поэтому нельзя недооценивать деятельность художественного авангарда, философия которого побуждает к выработке нового парадигмального мышления и формированию адекватного мировоззрения. Можно предположить, что авангард является одним из наиболее динамичных культурных феноменов благодаря своей устремленности к новым формам, инновациям, ниспровержению устоявшихся канонов. Именно он производит модели отношений с миром, направленные в будущее, способствует социальному конструированию и моделированию исторического творчества в целом, что репрезентирует искусство, вовлекающее в свою орбиту множество новых феноменов, ранее относившихся исключительно к сфере повседневности.

Примечания

- ¹ *Ортега-и-Гассет Х.* О точке зрения на искусство. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 200–201.
- ² *Кошут Дж.* Искусство после философии / пер. с англ. А. А. Курбановского // Искусствознание. 2001. № 1. С. 246.
- ³ *Астафьева О. Н.* Концептуальные основания культурной политики: от теории к практике // Синергетика : будущее мира и России. М., 2008. С. 196.
- ⁴ *Лиотар Ж.-Ф.* Возвышенное и авангард. Метафизические исследования // Культура : Альманах лаборатории метафизических исследований при философском ф-те Санкт-Петербург. гос. ун-та. Выпуск 4. СПб., 1997. С. 348.
- ⁵ См.: *Дианова В. М.* Философия художественного авангарда в эпоху глобализации // Философия в поисках и спорах. Петербургские сюжеты / под ред. Б. В. Маркова, Ю. М. Шилкова. СПб., 2007. С. 258.
- ⁶ Там же. С. 260.
- ⁷ *Бычков В. В., Маньковская Н. Б.* Искусство техногенной цивилизации в зеркале эстетики // Вопр. философии. 2011. № 4. С. 69.

непрерывности опыта и универсальности причинной связи¹². Не следует забывать, что все последующие (после Отцов Церкви) размышления и «исследования» богословов и религиозных философов развивались под воздействием идеи творения из *ничего*.

Постижение мира, стремление достичь подлинной Истины возможно с религиозно-философской позиции на основе Откровения, а оно заведомо нерационализируемо, носит мистический характер. А где же находятся остальные знания? Для человека они *ничто*. Человек постепенно и с трудом, с заблуждениями приближается к Истине.

Подводя итог проделанным разысканием, можно утверждать, что категория *ничто* играет *специфическую* методологическую роль, способствующую выделению и фиксации сущего в процессе познания, а также может служить базовой основой для теоретических выводов относительно отрицания бытия для познания сущего. В современной философии, как показывает проведенное исследование, категория *ничто* во многом имеет иррационалистический характер, а это требует иной методологии, по сравнению с классической. Здесь требуется соответствующее переживание как сущего, так и *ничто*; это то, что невыразимо на языке рационалистических понятий. В этих границах методологию невозможно выразить. Она нуждается в иных средствах выражения.

Методологическая роль категории *ничто* состоит в стремлении более полно познать сущее, бытие, выявить его особенности.

Примечания

- ¹ Сапронов П. А. О бытии ничто. СПб., 2011. С. 68.
- ² См.: Гасилин В. Н. Солипсизм и его основные постулаты // Человек и мир : сб. ст. / под ред. проф. В. Н. Гасилина. Саратов, 1992. С. 20–29 ; Борухов Б. Л. Апология солипсизма // Человек. Культура. История : сб. ст. / под ред. проф. В. Н. Гасилина. Саратов, 1993. С. 23–37.
- ³ См.: Сапрт Ж. П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. М., 2000. С. 255–256.
- ⁴ Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления. М., 1993. С. 22.
- ⁵ Jaspers K. Philosophia : in 3 bd. В., 1948. Bd. 2. S. 4.
- ⁶ Сапрт Ж. П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. С. 42–43.
- ⁷ Там же. С. 44.
- ⁸ Там же. С. 45.
- ⁹ Там же. С. 46.
- ¹⁰ Цит по: Илларион (Алфеев), иеромонах. Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. М., 1996. С. 51.
- ¹¹ Флоровский Г. Догмат и история. М., 1988. С. 94.
- ¹² См.: Булгаков С. Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. М. ; Харьков, 2001. С. 279.

УДК 316.33

«МЕНТАЛИТЕТ» И «МЕНТАЛЬНОСТЬ» КАК КАТЕГОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Э. М. Думнова

Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия
E-mail: dumnova79@yandex.ru

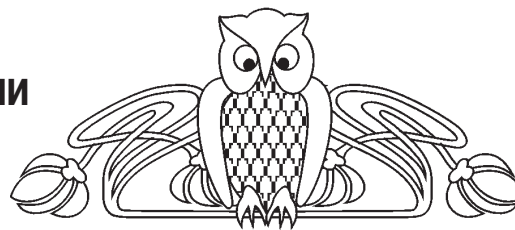
В статье рассматриваются методологические основания зарубежных и отечественных исследований менталитета в рамках различных научных подходов на протяжении XIX–XX столетий. В результате анализа трактовок категорий «менталитет» и «ментальность» и их соотношения в ряде исследований предлагается авторское обоснование дифференциации данных категорий в рамках социально-философского направления.

Ключевые слова: менталитет, ментальность, структура, подход, методология.

Mentality and Mental Setup as Categories of Social Philosophy

E. M. Dumnova

The article considers the methodological foundations of international and Russian studies of mentality within the framework of different

approaches in the XIX–XX centuries. Having analyzed interpretations of the categories *mentality* and *mental setup* and their interrelation in a number of studies, the author's justification of the differentiation of these categories in social philosophy is offered.

Key words: mentality, mental setup, structure, approach, methodology.

Актуализация исследования менталитета связана с назревшей объективной необходимостью взглянуть на человека комплексно, во всей совокупности проявлений его социальных качеств, обусловленных усложнением социальной структуры, а также ускорением динамики социальных процессов и изменением роли индивида в социальном пространстве. В этой связи на смену частнонаучным подходам к изучению индивида

пришел системный подход, востребованный в рамках как социальной философии, так и социологии, психологии. Целью данной статьи является анализ методологических позиций в исследованиях менталитета.

В формате современной науки изменяется подход к изучению человека: одномерность и двумерность в исследованиях, заданная позиционированием индивида как биосоциального существа, в 80–90-е годы XX в. продемонстрировала свою недостаточность, обусловленную изменением роли человека в социуме в связи с его многогранностью, формируемой рядом факторов. Современный российский исследователь П. В. Ушаков в их числе выделяет следующие: социальные, социально-психологические, техногенные, медико-биологические, духовные, нравственные¹. В условиях техногенной цивилизации произошли изменения образа жизни, её темп ускоряется, вместе с тем социальное пространство трансформируется и расширяет свои границы в процессе глобализации. Человек находится не только в реальном, но и в виртуальном пространствах, что требует от него больших жизненных сил, увеличивает нервную напряженность, вызывает стрессовые состояния. Созданная самим человеком искусственная реальность оказывает разноплановое влияние на его социальную практику, вносит коррективы в социальные отношения, в осознание его субъектности.

В целом усложнение социальной системы является объективным фактором выработки нового, комплексного подхода, формирующегося в конце XX в., к исследованию человека, отличающегося многомерностью. Внедрение данного подхода позволило развить ряд недостаточно изученных направлений в исследовании общества и человека, в числе которых особое место занимает проблема менталитета. Системный аспект комплексного подхода позволяет определить закономерности функционирования различных социальных групп, в которые включен индивид, а посредством включенности в социальную группу интегрирован в социальное пространство и в социальную картину мира. По мере исследования системных компонентов социума раскрываются многогранность и специфичность функционирования социальных групп, обусловленные коллективными характеристиками членов той или иной группы, факторами-детерминантами которых выступают природно-климатические условия, архетипы поведения, традиционная культура нации или этноса, обуславливающие закономерности социальных взаимодействий в группе, общие для ее членов особенности мировосприятия и мировоззрения. Таким образом, поле научных исследований расширяется в связи с включением в него проблемы менталитета, которая, как было отмечено, наиболее актуализировалась в конце XX в.

Вместе с тем понятие «менталитет» в научный оборот вошло несколько раньше, а затем потребовалось расширение его содержания в связи с новыми аспектами его рассмотрения и соотношения с другими базовыми категориями науки. К настоящему времени сложился ряд подходов к определению менталитета; данный термин порой отождествляют с термином «ментальность». Для уточнения позиций обратимся к этимологии данных слов. Ментальность, менталитет (от лат. *mens*, *mentis* – ум, мышление и *alis* – другие) определяются в «Новой философской энциклопедии» как глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; относительно устойчивая совокупность установок и предрасположенностей индивида или социальной группы воспринимать мир определенным образом². В русский язык слова «менталитет» и «ментальность» вошли как синонимы, только из разных языков: «менталитет» – из немецкого, от нем. *Mentalität* (склад ума, образ мыслей)³; «ментальность» – из французского, от фр. *mentalité* (направленность мыслей, умонастроение, ум, умственные способности, интеллектуальный уровень, склад ума и др.)⁴. Можно сказать, что их смысл тождественен и оперировать ими как синонимами.

Понятие «mentality» определяется в англоязычных психологических словарях как «качество ума, характеризующее одного индивида или класс индивидов»⁵, «обобщение всех характеристик, отличающих ум»⁶, «установки, настроение, содержание разума»⁷, «образ мыслей, направление или характер размышлений»⁸, «сумма мыслительных способностей, отличающихся от физических»⁹. По мнению ряда отечественных исследователей, такая лаконичность определений свидетельствует о недостаточной научной разработке данной дефиниции в англоязычных странах.

Сам термин «ментальность» был введен в научный оборот Л. Леви-Брюлем, занимавшимся сбором этнографического материала при изучении «коллективных представлений примитивных народов». Популярность в научной среде понятие «ментальность» получило благодаря публикации Л. Леви-Брюля «*La mentalité primitive*» (в русском переводе – «Первобытное мышление») в 1922 г.¹⁰ Автор выделяет два типа ментальности – дологический и логический, подчеркивая несоизмеримость мышления племен Австралии и Африки и рационального мышления, характерного для европейцев. Философское понимание ментальностей развивает Э. Кассирер, отмечающий возможность систематизации видов ментальностей в зависимости от способа восприятия окружающего мира. Позднее Э. Фромм вводит понятие «социальный характер», рассматривая его как синоним коллективных ментальностей.

Данное понятие использовалось в рамках социально-исторического подхода: так, французский историк А. де Токвиль писал о коллективных ментальностях в своей работе «Демократия в Америке», вышедшей в 1835 г., выявляя взаимосвязь расовых и социальных проблем, источниками которых, предположительно, были стереотипы, обусловленные коллективными ментальностями. Основы социально-исторического рассмотрения ментальностей были заложены французской исторической школой «Анналы» в 30-е гг. XX в. Л. Февр объясняет ментальность с позиций исторической и социоисторической психологии: он считает, что мыслительные привычки и установки, навыки восприятия и эмоции наследуются людьми без ясного осознания, это «наследство» формирует историю и самого человека. По его мнению, константные представления заложены в сознание людей языком, религией, культурой, а также воспитанием в процессе социального взаимодействия. Ментальность у Февра уже не мыслится как биологическая константа, а рассматривается как исторически складывающаяся структура, определяющая мысли, чувства, ценности и поведение людей.

Проблема менталитета в дальнейшем рассматривается представителями различных исторических европейских школ. Немецкие исследователи впервые стали рассматривать менталитет как социальный, а не психологический феномен. Российские ученые продолжили методологическую традицию, начатую западными исследователями. В рамках отечественных исследований менталитета можно выделить три направления: психологическое, социально-философское и культурологическое. Первое объединяет труды в области формирования ментальных структур сознания как социально-культурных проявлений субъекта; в их число входит теория культурно-исторического развития личности Л. С. Выготского; исследования социально-гендерных установок и стереотипов как структурных элементов национальной ментальности Л. И. Анцыферовой, А. А. Кроник, А. В. Петровского, С. Л. Рубенштейна, Г. Г. Шпета, М. Г. Ярошевского; теория деятельности А. Н. Леонтьева, а также концепция личности как субъекта жизни, разработанная К. А. Абульхановой-Славской; теория социальной репрезентации ментальных структур сознания в обыденной социокультурной реальности А. Г. Асмолова. Ряд теоретиков данного направления (А. Г. Асмолов, В. А. Душков, Г. Г. Шпет и др.) считают, что ментальные структуры сознания личности задают паттерны ее познания и поведения в обществе, при этом немаловажным является исследование этноментальных структур сознания, влияющих на систему ценностей и представлений будущих поколений конкретного этноса¹¹.

В контексте нашего исследования представляется весьма важным анализ становления социально-философского подхода. Социально-философская традиция исследования специфики русского менталитета была заложена в XIX в. плеядой русских ученых, в числе которых были Н. Я. Данилевский, В. С. Соловьев, В. В. Розанов, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Б. П. Вышеславцев, Л. Н. Гумилев, И. А. Ильин, Н. О. Лосский, К. Г. Манштейн, О. А. Платонов, И. А. Солженицын. В более поздний период менталитет как социально-философский феномен рассматривается в работах Е. И. Ануфриевой, Л. В. Лесной, Ф. Т. Аутлеевой, Ю. В. Колесниченко, Г. Г. Дилигенского и др.; выявлена проблема неопределенности терминологического соотношения менталитета и ментальности, которой посвящены труды Г. Н. Дрепы, А. Н. Дмитриева, Э. Я. Дмитриевой, Е. Ю. Зубковой, А. И. Куприянова, Т. В. Ивановой и др. Исследователи отмечают многовариативность в трактовке терминов «менталитет» и «ментальность», Н. С. Южалина также различает понятия «менталитет» и «ментальность»¹². По ее мнению, ментальность выявляет определенные, контекстные (социальные, локальные, исторические, региональные) уровни, структурирующие целое менталитета (дворянская ментальность в системе русского менталитета), но и она признает условность этого разграничения. Несмотря на общую синонимичность понятий «ментальность» и «менталитет», О. М. Казакова отмечает специфику в их употреблении. *Менталитет* чаще используют для характеристики более широких, общих явлений, а *ментальность* – для более частных¹³.

По мнению ряда исследователей, *менталитет* – то же, что и традиционное сознание, т.е. система мировоззрения, основанная на этнической картине мира, передающаяся в процессе социализации и включающая в себя представления о приоритетах, нормах и моделях поведения в конкретных обстоятельствах. «Ментальность» используется как понятие, производное от отмеченного выше термина.

Ментальность определяется как некое свойство традиционного этнического сознания представителей того или иного этноса особым образом отражать определенную этническую картину социокультурных отношений в поведении. Ментальность отражает тот пласт общественного и индивидуального сознания, в котором фактически отсутствуют систематизация, рефлексия и саморефлексия. Отдельные идеи являются не результатом деятельности индивидуального сознания, а представляют собой неосознанно и автоматически воспринятые установки, общие в целом для той или иной эпохи и социальной группы. Коллективными детерминантами обусловлены представления и верования, традиции, а также

имплицитно содержащиеся в сознании ценности, установки, мотивы и модели поведения, лежащие в основе рационально построенных и логически осмысленных концепций, теорий, идеологических систем. Ментальность выражает свое архетипическое содержание посредством культуры, т.е. через определенный культурный код, носителем которого, в первую очередь, является интеллигенция.

Менталитет, по мнению А. Я. Гуревича, представляет собой тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отделена от эмоций, от ментальных привычек и приемов сознания, – люди ими пользуются, обычно сами того не замечая, т.е. бессознательно.

В рамках психологического подхода к исследованию менталитета И. Г. Дубов отмечает, что менталитет, будучи явлением умственного порядка, вовсе не идентичен общественному сознанию, а характеризует лишь специфику этого сознания относительно общественного сознания других, как правило, численно больших, групп людей¹⁴.

Использование терминов «менталитет» и «ментальность» еще не разграничено, существуют разные мнения по вопросу их соотношения. Обсуждению данной методологической проблемы был посвящен круглый стол, материалы которого были опубликованы в журнале «Вопросы философии» в 1993 г. Предлагались разнообразные типологии менталитета и ментальностей, обусловленные подходами к трактовке данной проблемы.

Одна из структуриаций менталитета основана на субъекте общественного сознания и объекте его отражения¹⁵. В рамках исследования менталитета выделяют его структурные уровни по характеру экстра- или интравертности реакции субъектов:

1) партикулярный уровень, или бессознательное отражает общие тенденции частной жизни и во многом обуславливает формирование личности и ее социальных ролей, а также характер взаимоотношений с другими индивидами. Это – привычные бытовые отношения, ритуалы, социальные нормы, ценности, оценки, словом, отчасти нерелексированный мир социальных взаимодействий;

2) «духовная самость» – культура конкретной социальной общности, ее специфика, адаптивные способности, проявляющиеся на рефлексивном уровне;

3) социальный отклик – реакция общности или индивида на политику, государственную власть, реформы и т.п.;

4) метасоциальный уровень – этнокультурная ориентация вовне с параллельным обращением внутрь себя (например, национальная идея, которая имеет большое последствие).

Представленная типология может быть использована при исследовании менталитета молодежи. В ней отражены разноплановые характеристики менталитета, например, переход

от партикулярного (частного) к метасоциальному (всеобщему) уровню, т.е. типологию можно рассматривать с точки зрения структурно-организационного подхода. Кроме того, в данной классификации происходит постепенное усложнение структурных уровней менталитета: от бессознательного – к сознательному, вплоть до широкого общенационального мировоззрения. Наконец, в ней отражены экстравертные и интровертные характеристики. Первый уровень – исходно интровертный с выходом вовне; второй содержит осознание ментальной идентичности, ее интровертность с формированием духовной самости; третий предполагает выход осознанной духовной самости вовне как экстравертный социальный отклик с соответствующим накоплением новых знаний. Четвертому уровню соответствует вновь интровертный процесс наиболее широкого осознания социальной реальности на основе исходных ментальных характеристик как системообразующих, в результате чего формируется наиболее широкая мировоззренческо-ментальная идентичность нации. В целом в основе предложенной классификации лежит структурная динамика процесса формирования менталитета.

На наш взгляд, при определении менталитета стоит учесть социальные характеристики его субъекта-носителя. Культурно-исторический контекст социальной жизни определяет специфику общественного сознания большой по численности общности людей, например, этноса или нации, что обуславливает поведенческие стереотипы, лингвистические особенности и т.д. Вместе с тем, когда речь идет о конкретной социальной общности, группе, функционирующей в рамках данной социальной системы, весьма рельефно выражены их восприятие мира, мировоззренческие характеристики, а также поведенческие образцы. Они в совокупности обусловлены не только проживанием на территории с той или иной культурой и историей, а в большей степени уровнем образования, кругом общения, профессией, доходом и другими социальными характеристиками, которые лежат в основе социальной дифференциации и определяют социальный статус группы. В этой связи ментальные характеристики следует отнести к более узким по численному составу социальным группам и общностям. Такая частная ментальность формируется на фоне общенационального менталитета как отражение социальных характеристик отдельных структурных компонентов социума.

Вследствие недостаточной научной разработки категории «менталитет» как в западных, так и в российских исследованиях часто встречается терминологическая инверсия, которая не рассматривается в качестве методологической ошибки, а лишь отображает высокую степень методологической пластичности термина «менталитет».

Полагаем, что в социологических исследованиях можно развести понятия «менталитет» и «ментальность» как относящиеся к разным уровням организации социальной реальности. По нашему мнению, «менталитет» в большей мере соотносится с метасоциальным уровнем, а понятие «ментальность» можно эффективно применять при исследовании более частных уровней, например, социальных групп, и определить её как социально-групповую ментальность.

Примечания

- 1 См.: Ушаков П. В. Человек в современном знании и мистических практиках : в 2 кн. / под. ред. А. С. Фролова. Барнаул, 2008. Кн. 1. С. 44.
- 2 См.: Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2001. Т. 2. С. 525.
- 3 См.: Немецко-русский словарь (основной). М., 1992. С. 591.
- 4 См.: Новый французско-русский словарь. М., 1997. С. 681.
- 5 Reber A. S. The penguin dictionary of psychology. N.Y., 1985. P. 484.
- 6 Drever J. Dictionary of psychology. L., 1967. P. 171.
- 7 Universal Dictionary. 1957. L., P. 170.
- 8 Webster's Third New International Dictionary. L., 1961. P. 1411.
- 9 Funk & Wagnalis. New standard dictionary of the English language. N.Y., 1962. P. 1512.
- 10 См.: Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930. 533 с.
- 11 См.: Нагиева В. Г. Влияние менталитета на представление молодежи о своем будущем // Вектор науки Томск. гос. ун-та. 2011. № 4(7). С. 191–193.
- 12 См.: Южалина Н. С. Менталитет как социокультурная целостность : автореф. дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2003. 30 с.
- 13 См.: Казакова О. М. Менталитет и языковая картина мира // Интеллектуальный потенциал ученых России : тр. Сибирского ин-та знания. Вып. V. Барнаул, 2006. С. 87–91.
- 14 См.: Ментальность россиян (специфика сознания больших групп населения России) / под общ. ред. И. Г. Дубова. М., 1997. 475 с.
- 15 См.: Мостовая И. В., Скорик А. П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // Полис. 1995. № 4. С. 69.

УДК 130.2

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АВАНГАРД В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

А. И. Жевак

Саратовский государственный университет
E-mail: anna-jevak@rambler.ru

В статье проводится философско-культурологический анализ феномена художественного авангарда и его роли в социокультурном пространстве современного общества. Проблематизируются вопросы статуса художника, творящего в условиях неоднозначного современного искусства. Основное внимание автор обращает на взаимосвязь внешних параметров социокультурной реальности и динамики развития современного искусства под влиянием и во взаимодействии с данными параметрами.

Ключевые слова: искусство, художественный авангард, творчество, современная культура, современные тенденции развития искусства.

Art Avant-Garde in the Modern Culture: Philosophical Aspect

A. I. Jevak

This article is devoted to cultural-philosophical analysis of a phenomenon of art avant-garde and its role in the sociocultural space of modern

society. The questions of the status of the artist creating in the conditions of the ambiguous modern art are carried out. Interrelations of external parameters of sociocultural reality and dynamics of development of the modern art under the influence and in interaction with these parameters are analyzed.

Key words: art, art avant-garde, creativity, modern culture, current trends of development of art.

Заявленная тема исследования актуализирует насущный вопрос в проблемном поле современной культуры – осмысление искусства в его связи с философией. Следует отметить, что данная философская рефлексия не нова. К этой теме, например, обращался выдающийся испанский мыслитель Х. Ортега-и-Гассет, который обнаружил некий параллелизм в развитии искусства и философии. Рассматривая эволюцию европейской живописи как последовательную смену определенных этапов, он заметил, что «подобный путь прошла и западная философия, а такого рода совпадения

активному и развивающемуся. После того как получено онтологическое определение здоровья, несложно дать и определение болезни через простое отрицание.

Не останавливаясь в этой работе подробно на сопоставлении полученного определения и традиционных представлений мировых религий о здоровье как о благе, гармонии, балансе, умеренности, отметим лишь, что последние не только не противоречат первому, но и легко включаются в него посредством несложных интерпретаций.

Сделанные выводы дают возможность приступить к конституированию онтологии здоровья, но имеет смысл говорить и о построении синтетической философии здоровья как о долгосрочном гносеологическом проекте, включающем в себя и социально-философский анализ здоровья, и фило-софско-культурологическое его исследование, и

поиск его этических оснований, его ценностных составляющих, его экзистенциального основания и многое другое.

Примечания

- ¹ См.: *Заратустра*. Учение огня. Гаты и молитвы. М., 2007. 496 с.; Мифы и легенды народов мира. М., 2007. 464 с.; *Щуцкий Ю. К.* Китайская классическая книга перемен : Цузин. М., 1993. 623 с.; *Ветхий Завет* // Антология мировой философии : в 4 т. М., 1969–1972. Т. 1. 936 с.; *Стулова Э. С.* Даоская практика достижения бессмертия // Лу Куань Юй. Даоская йога, алхимия и бессмертие. СПб., 1993. С. 312–313; *Димов В. М.* Философия и социология здоровья. Алматы, 1998. 198 с.; *Мюллер М.* Шесть систем индийской философии. М., 1995. 443 с.
- ² *Гуссерль Э.* Собр. соч. : в 4 т. М., 2001. Т. 3. 584 с.

УДК 1(100)(091)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ КАТЕГОРИИ НИЧТО В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

В. А. Дмитриева

Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина
E-mail: dvaleriya@yandex.ru

В статье выявлена специфика методологической функции категории *ничто* в философии и науке; особое внимание уделяется методологической функции этой категории в учениях экзистенциализма, религиозной философии и теологии.

Ключевые слова: бытие, ничто, методология, философия экзистенциализма.

Methodological Function of Nothing as the Modern Philosophy Category

V. A. Dmitrieva

In the article the specificity of methodological function of nothing as category in philosophy and science is revealed. Special attention is paid to methodological function of this category in existentialism, religious philosophy and theology.

Key words: being, nothing, methodology, philosophy of existentialism.

Методологическая функция философских категорий обсуждалась практически с момента возникновения философии. Она была направлена на поиск нового истинного философского и научного знания. Фундаментальные философские категории, в том числе и категория *ничто*, влияли и продолжают оказывать методологическое влияние на исследования в области философии.

Методологическая функция категории *ничто* принципиально отличается от методологической функции категории бытия и других, связанных с последней. Следует различать два аспекта: методология познания самого *ничто* и методология познания бытия, сущего с помощью и посредством категории *ничто*. В первом методология в ее *традиционном* понимании невозможна: нет и не может быть методов – эмпирических, теоретических, – с помощью которых можно было бы познать *ничто*, поскольку с их помощью нечего познавать. Неслучайно М. Хайдеггер писал, что следует говорить не о познании *ничто*, а о его постижении. Иными словами, в сфере *ничто* нет методов (*в обычном понимании*) и не может быть, как нет в этой сфере логики в традиционном понимании. Любая методология, в конечном счете, основана на причинной зависимости, иных видах детерминистических зависимостей, а как раз они-то отсутствуют в сфере *ничто*, это своего рода хаос. Если исходить из *ничто*, то нужно признать наличие состояния, когда «ничего не было». А это означает, полагает П. А. Сапронов, «что был первозданный хаос, некоторая неуловимая реальность, уловить которую нет возможности ввиду ее неопределенности, безмерности, слитности, взаиморастворенности в ней реальных, впоследствии

получивших свою выраженность и бытие»¹. Хаос в качестве небытия – это добытие и послебытие. Здесь невозможно поставить вопрос: Что есть *ничто*? Значит, если мы говорим о методологической функции категории *ничто*, то в специфическом, метафорическом смысле, который и нуждается в прояснении.

Сходным образом дело обстоит и с методологической функцией категории *ничто* по отношению к бытию, сущему. Невозможно мыслить и познавать любой предмет сущего, не предполагая *ничто*. Это хорошо было показано М. Хайдеггером: познавая сущее как любой предмет, мы не можем обойтись без *ничто*. *Ничто* – тотальное отсутствие всего сущего, следовательно, оно носит универсальный характер, является метафизической категорией.

Конечно, раскрыть методологическую роль *ничто*, небытия нельзя без обращения к бытию, ибо эта роль и проявляется в стремлении более полного познания бытия. В современной философии трактовка категории *ничто*, небытия наиболее полно реализована в учениях экзистенциализма XX в. М. Хайдеггера и Ж. П. Сартра.

Почему мы должны говорить о *ничто*, ведь наука его отвергает и ничего о нем знать не желает? Для науки, говорил Хайдеггер в своей известной лекции «Что такое метафизика», *ничто* – «жуть и бред». Если принять такого рода позицию, то мы приходим к концепции солипсизма. Вся реальность – это *ничто*, она не существует актуально, это – реальность только одного моего сознания². Уже в этом учении мы сталкиваемся с чистым и абсолютным *ничто*, значит и с солипсизмом.

Подход Сартра к проблеме солипсизма основан на анализе категории *Другого* и отрицании; эта проблема не занимала особого места в исследованиях мыслителя. Он справедливо отмечал, что проблема *Других* никогда по-настоящему не исследовалась реалистами. Реалисты стремились и стремятся обосновать мысль о том, что познание и его результаты (знания) возникают благодаря воздействию внешнего мира на сознание субъекта (исследователя). Но тогда необходимо предположить существование двух субстанций – материальной и духовной, – как это сделал в свое время Р. Декарт. Каждая из этих субстанций есть *ничто* по отношению к другой, ведь они автономны, независимы, не нуждаются ни в чем другом, кроме себя. Но как же тогда осуществляется процесс познания? А он осуществляется. Значит, субстанции каким-то образом связаны, но по определению они не могут быть связаны. Декарт долго бился над этой проблемой и, в конце концов, предложил «решение»: они связаны посредством Бога, ибо только Бог является подлинной субстанцией.

Сартр посредством анализа усложнил данную проблематику. Аналитические размышления

о солипсизме приводят Сартра к выводу о том, что «Я» должен конструировать *Другого* как объединение, которое моя спонтанность предписывает разнообразию впечатлений, т.е. «Я» являюсь тем, кто конституирует другого в поле своего опыта³. Одну из логических схем опровержения концептуального подхода солипсизма предложил В. Н. Гасилин.

Хайдеггер начинал исследование *ничто* с рассмотрения экзистенции науки. Он показал, что в своих существенных моментах наука не может обойтись без *ничто*, которое, однако, она отвергает, не желает ничего знать о нем. А что собственно знать, ведь это *ничто*? И тем не менее *ничто* постоянно сопутствует человеку: и ученому, и философу, и простому человеку, не владеющему никакими, кроме обыденных, знаниями. Познать *ничто*, по Хайдеггеру, невозможно, но оно приоткрывается человеку в состоянии ужаса, не страха (поскольку страх это боязнь чего-то определенного), именно – ужаса перед неопределенным. Ужас – это переживание, его невозможно познать, его можно только пережить. В этом переживании, как, впрочем, и в момент переживания иных эмоций и чувств, переживаниям приоткрывается *ничто*. Иными словами, в этом состоянии начинают «работать» иные философские универсалии, с помощью которых мы стремимся постигнуть реальность сущего.

Ничто отталкивает от себя и затягивает в себя. Это отталкивание-отсылание есть существо *ничто*: *ничтожение*. Благодаря этому приоткрывается сущее как таковое: «Только на основе изначальной явленности *ничто* человеческое присутствие способно подойти к сущему и вникнуть в него <...> Человеческое присутствие означает: выдвинутость в *ничто*»⁴. Эта выдвинутость в *ничто* делает человека заместителем *ничто*, она же есть трансценденция. А наше вопрошание о *ничто* демонстрирует метафизику саму по себе: метафизика это вопрошание сверхсущего.

Стоит вспомнить еще одну идею, которую выдвинул К. Ясперс, – идею «пограничных ситуаций». В них человеку открывается не только то, что было, но и все бытие и небытие. Пограничные ситуации переживаются, как правило, на границе смерти, когда человеку открывается всё. А разве не открывается ему вся суть в этих состояниях, ведь он стоит на грани бытия и ничто? Но это, по существу, выводит нас за рамки рационализма классической философии. Эта «суть» требует для выражения иных универсалий, иного опыта. К. Ясперс, как известно, полагал, и это при всей его известной антисистематизации философии, что реальность разделима на некоторые сферы или области. Во-первых, это сфера предметного бытия или «бытия-в-мире» (*Weltsein*), своего рода экзистенция, соответствующая понятию *Vorhandesein* Хайдеггера. Но человеческая самость внеположена

бытию. И еще одна сфера или вид бытия, который занимает в учении немецкого мыслителя, – коммуникация. Она содержательно позитивна, может быть «осмыслена» в акте интеллектуального абстрагирования и соотносит себя с другой экзистенцией и трансценденцией⁵. А это разъясняется Ясперсом с помощью концепта «шифры» – и далее – «философская вера». Мы особо хотим обратить внимание на первое понятие «шифры», которое сближает его с понятием «символ».

Что же это дает для выявления методологической функции категории *ничто*? Да, она выполняет методологическую функцию, когда исследователь в состоянии ужаса оказывается посреди сущего, которое открывается ему как таковое. Но это открытие невозможно рационально осмыслить и выразить. Здесь мы явно имеем дело с *иррационально* трактуемой «методологической» функцией. Однако в данной концепции категория *ничто* служит для выделения и фиксации сущего в процессе познания. Этим определяется гносеологическое значение рассматриваемой категории, обусловленное онтологическим ее содержанием.

Сартр излагает сходные идеи, но более подробно и виртуозно; неслучайно, что его основное философское произведение, трактат «Бытие и ничто» прямо включает категорию *ничто* в свое название. Здесь мы сталкиваемся с вопросами, касающимися понятий «человек-в-мире» или «бытие-в-мире» (термины Хайдеггера): 1) что это за синтетическое отношение, которое мы называем бытием-в-мире? 2) какими должны быть человек и мир, чтобы между ними это отношение было возможно?⁶ Эти вопросы взаимосвязаны и сам поиск ответов дает нам «желанный образ действия»: «Значит для спрашивающего существует постоянная и объективная возможность отрицательного ответа <...> Одним словом, истина в качестве дифференциации бытия вводит третье небытие как детерминанту самого вопроса – небытие ограничения»⁷. А это – отрицание, концепцию которого достаточно детально разработал французский мыслитель. Согласно Сартру категория отрицания выдвигается на центральное место в концепции *ничто*. Он полагает, что проблематика *ничто* отсылает нас к проблеме вопроса бытия отрицания.

Напрасно отвергать, «что отрицание появляется на первоначальной основе отношения человека к миру: мир не обнаружит различных форм небытия иначе, как перед тем, кто сначала положил их возможность»⁸. Вот поэтому Сартр уделил специально внимание показу несостоятельности солипсизма – «Это раскрытие бытия, на основе которого можно сформулировать суждение. И если я *ожидая* раскрытия бытия, значит я подготовлен одновременно к возможности *небытия*. Таким образом, мой вопрос по своей природе включает определенное понимание *небытия* до

суждения. Сам по себе он есть отношение бытия к *небытию* на основе первоначальной трансценденности, то есть отношение бытия к бытию»⁹. В данной интерпретации посредством категории *ничто* формулируется базовая основа для теоретических выводов относительно отрицания бытия для познания сущего.

Таким образом, категория *ничто* играет методологическую функцию в познании сущего, что демонстрируют концепции М. Хайдеггера и Ж. П. Сартра. Но эта функция выражается иррационалистически, несмотря на виртуозные, логические рассуждения мыслителей, она пока рационалистически не выражена.

В заключение кратко остановимся на анализе религиозно-философских идей в связи с обсуждением проблематики *ничто*. Как и почему произошло творение мира из *ничто* – человек понять и объяснить не в состоянии. Человек в силу своей ограниченности не знает всего, а лишь часть: остальная часть знания, Истины для него *ничто*. Но он стремится к полной Истине, а следовательно, к *ничто*. Оно притягивает человека в познании сущего: по отношению к знанию оно тем самым играет специфическую методологическую функцию. Этот «захват» человека познающего *ничем* всё же полностью не приближает к Истине, но способствует познанию сущего. Разумеется, «притягивание» можно назвать «методологической» функцией метафорически, условно, поскольку в данном случае отсутствуют «методы познания»: познание связано с Откровением на основе веры. Все же нужно признать, что *ничто* влияет на постижение сущего через веру, духовный и религиозный опыт.

Данная ситуация толкает человека к поиску абсолютного начала всего сущего. Это абсолютное начало, Абсолют в христианстве идентифицируется как Бог. Центральной идеей при этом выступает идея творения мира Богом, причем это творение Трех: Их воля одна, но каждому присуще свое действие. «Отец есть предначинательная причина всего существующего, – писал св. Василий Великий. – Сын – причина созидательная, Дух Святой – причина совершительная, так волею Отца все существует, действием Сына все приводится в бытие, присутствием Духа все совершается»¹⁰. Г. Флоровский полагает, что в христианстве существует четкое «онтологическое разграничение между сущностью Бога, определяющей внутреннее бытие Трех Лиц Святой Троицы, и Его творческим и “промыслительным” действием вовне, проявляющемся в тварном мире»¹¹.

Но эта идея, по мнению С. Н. Булгакова, не может объяснить возникновение мира в смысле эмпирической причинности, она оставляет его в этом плане необъясненным и непонятным, вот почему она совершенно не вмещается в научное мышление, основывающееся на имманентной

непрерывности опыта и универсальности причинной связи¹². Не следует забывать, что все последующие (после Отцов Церкви) размышления и «исследования» богословов и религиозных философов развивались под воздействием идеи творения из *ничего*.

Постижение мира, стремление достичь подлинной Истины возможно с религиозно-философской позиции на основе Откровения, а оно заведомо нерационализируемо, носит мистический характер. А где же находятся остальные знания? Для человека они *ничто*. Человек постепенно и с трудом, с заблуждениями приближается к Истине.

Подводя итог проделанным разысканием, можно утверждать, что категория *ничто* играет *специфическую* методологическую роль, способствующую выделению и фиксации сущего в процессе познания, а также может служить базовой основой для теоретических выводов относительно отрицания бытия для познания сущего. В современной философии, как показывает проведенное исследование, категория *ничто* во многом имеет иррационалистический характер, а это требует иной методологии, по сравнению с классической. Здесь требуется соответствующее переживание как сущего, так и *ничто*; это то, что невыразимо на языке рационалистических понятий. В этих границах методологию невозможно выразить. Она нуждается в иных средствах выражения.

Методологическая роль категории *ничто* состоит в стремлении более полно познать сущее, бытие, выявить его особенности.

Примечания

- ¹ Сапронов П. А. О бытии ничто. СПб., 2011. С. 68.
- ² См.: Гасилин В. Н. Солипсизм и его основные постулаты // Человек и мир : сб. ст. / под ред. проф. В. Н. Гасилина. Саратов, 1992. С. 20–29 ; Борухов Б. Л. Апология солипсизма // Человек. Культура. История : сб. ст. / под ред. проф. В. Н. Гасилина. Саратов, 1993. С. 23–37.
- ³ См.: Сапрт Ж. П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. М., 2000. С. 255–256.
- ⁴ Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления. М., 1993. С. 22.
- ⁵ Jaspers K. Philosophia : in 3 bd. В., 1948. Bd. 2. S. 4.
- ⁶ Сапрт Ж. П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. С. 42–43.
- ⁷ Там же. С. 44.
- ⁸ Там же. С. 45.
- ⁹ Там же. С. 46.
- ¹⁰ Цит по: Илларион (Алфеев), иеромонах. Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. М., 1996. С. 51.
- ¹¹ Флоровский Г. Догмат и история. М., 1988. С. 94.
- ¹² См.: Булгаков С. Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. М. ; Харьков, 2001. С. 279.

УДК 316.33

«МЕНТАЛИТЕТ» И «МЕНТАЛЬНОСТЬ» КАК КАТЕГОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Э. М. Думнова

Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия
E-mail: dumnova79@yandex.ru

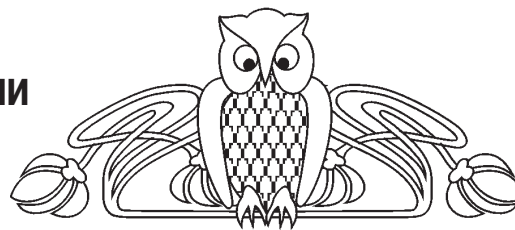
В статье рассматриваются методологические основания зарубежных и отечественных исследований менталитета в рамках различных научных подходов на протяжении XIX–XX столетий. В результате анализа трактовок категорий «менталитет» и «ментальность» и их соотношения в ряде исследований предлагается авторское обоснование дифференциации данных категорий в рамках социально-философского направления.

Ключевые слова: менталитет, ментальность, структура, подход, методология.

Mentality and Mental Setup as Categories of Social Philosophy

E. M. Dumnova

The article considers the methodological foundations of international and Russian studies of mentality within the framework of different

approaches in the XIX–XX centuries. Having analyzed interpretations of the categories *mentality* and *mental setup* and their interrelation in a number of studies, the author's justification of the differentiation of these categories in social philosophy is offered.

Key words: mentality, mental setup, structure, approach, methodology.

Актуализация исследования менталитета связана с назревшей объективной необходимостью взглянуть на человека комплексно, во всей совокупности проявлений его социальных качеств, обусловленных усложнением социальной структуры, а также ускорением динамики социальных процессов и изменением роли индивида в социальном пространстве. В этой связи на смену частнонаучным подходам к изучению индивида

тельной и разделяемой нами дифференции. Кроме того, аргументом против использования «существования» являются и следующие слова М. К. Мамардашвили (по поводу «ego cogito, ego sum»): «Слово “существую” лучше здесь не употреблять, потому что существование по законам языка имеет слишком много эмпирических, психологических и жизненных смыслов» (см.: Мамардашвили М. Картезианские размышления. С. 50). Тем не менее мы не отказываемся от этих эмпирических, психологических и жизненных смыслов, которые и в латыни у Декарта сохраняются; более того, мы воспользуемся этой многозначительностью: не для двусмысленности, но как раз потому, что эти смыслы неотделимы друг от друга, и это – сама фактичность данного термина.

¹⁵ Декарт Р. Размышления о первоначальной философии. С. 37.

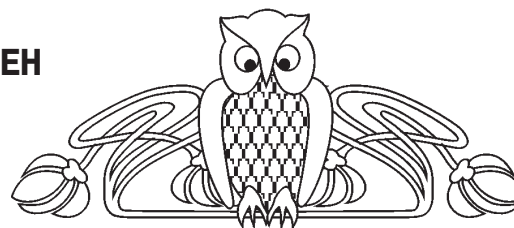
¹⁶ В несколько иной связи на эту избыточность, называя её тавтологичностью, обращает внимание Мамардашвили: «...некоторые вещи, те, которые я назвал точками интенсивности или совершенными предметами и т.д., обладают свойством (я говорил о нём) бесполезности, ненужности или избыточности по отношению к реальной жизни. Так вот, я утверждаю – и вся философия, и религия вместе со мной и до меня это утверждали, что в мире нет никаких оснований для того, чтобы было добро. То есть нет никаких оснований, чтобы, например, мне, или кому-то из вас, быть добрым, умным, великодушным и т.д.» (Мамардашвили М. Картезианские размышления. С. 51).

УДК 116

ЗДОРОВЬЕ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Р. В. Воробьев

Саратовский государственный университет
E-mail: vorobevai@yandex.ru

В статье проводится феноменологический анализ здоровья, выделяются его существенные онтологические свойства, показывается его универсальность как природного и социального феномена, дается авторское определение здоровья.

Ключевые слова: здоровье, развитие, оптимум.

Health as an Ontological Phenomenon

R. V. Vorobyev

Phenomenological analysis of health is presented in article and main ontological properties of health are discussed. Universality of health as natural and social phenomenon is shown. Author's definition of health is given.

Key words: health, development, optimum.

Феномен здоровья неслучайно находится в центре внимания дисциплинарных и междисциплинарных исследований. Здоровьем определяются качество жизни, возможности и тренды развития множества физических, биологических и социальных систем. Однако несмотря на значительный интерес частных наук до сих пор отсутствуют самые общие представления о здоровье, не выделены его существенные онтологические свойства, нет ответов на важнейшие вопросы: что такое здоровье? что может быть здоровым? при каких условиях здоровье возможно? Это связано со сложностью рассматриваемого феномена и с конкретными интересами отдельных наук, и с большой неоднозначностью в его определении

религиозных концептов и традиционных практик. Чаще всего определения здоровья сводятся к положению об отсутствии болезни, при этом возникает логический круг, поскольку и феномен болезни не определен.

Онтологический анализ феномена здоровья, на наш взгляд, следует начать с декларации того факта, что здоровье – онтологически нетривиальный феномен, имеющий материальную и идеальную (ментальную) компоненты. Этот факт постигается рационально и интуитивно, и многие традиционные философские и религиозные концепции здоровья опираются на него как на значительное основание¹. Именно онтологическая сложность феномена здоровья заставляет особенно внимательно заняться поиском адекватной методологии его исследования. Вне всякого сомнения, методы частных, в первую очередь, естественных наук не способны в полной мере помочь в исследовании столь сложного феномена, широкий спектр междисциплинарных изысканий также не дает желаемых результатов, а действительно действенными в подобном сложном случае оказываются только философские методы. Мы полагаем, что существенные свойства здоровья как феномена могут быть выделены средствами философского анализа, например, феноменологическими процедурами².

В этой работе мы будем использовать феноменологический метод Э. Гуссерля, позволяющий прояснить смыслы значимых феноменов.

Первым этапом подобного исследования должен стать отказ от общепринятых, разделяемых большинством суждений о здоровье. На наш взгляд, именно таким является тезис о том, что здоровье свойственно только биологическому, живому – человеку, животным, растениям. Проводя одну из фундаментальных феноменологических процедур, эйдетическую вариацию, можно ответить на вопрос: что может быть здоровым? Мыслительная вариация, имеющая целью обнаружить объекты, которые можно определить как здоровые или нездоровые, неизбежно приводит к суждению, что здоровым (или нездоровым) могут быть системы самой различной природы. Безусловно, можно говорить о здоровье самых разных по пространственным и временным масштабам биологических и социальных систем, различных структур, явлений, процессов. Существуют здоровые природы как целого и любой ее активной части, человечества, отдельных народов, государств, исторических периодов, нравственных и ценностных систем, культуры, искусства, науки. Сказанное означает, что здоровье – тотальная онтологическая характеристика огромного множества существующих в мире объектов.

Чтобы ограничить столь широкое «все», необходимо выделить существенный признак того, что может называться здоровым. И этот существенный признак достаточно легко определяется. Не может быть здоровым камень, но может быть – горный массив или планета. Здоровый субъект или объект обязательно должны не просто существовать, но развиваться. Здоровье как качество означает не просто существование, но жизнь, а значит, и развитие; неразвивающееся не может быть здоровым. Подчеркнем, что «жизнь» здесь понимается не в биологическом и даже не в материальном, а в самом широком смысле: можно говорить, например, о «жизни» политического учения, идеологии, моды.

Следующий вопрос, который, на наш взгляд, следует задать, проводя феноменологический анализ феномена «здоровье»: как именно здоровое существует? Это не всякое существование, не любая жизнь, а обладающая особыми качествами. В этом состоянии субъект или объект не просто поддерживают жизнь, существование, но активно взаимодействуют со своим окружением. Последнее означает, что они имеют определенный внутренний запас жизненной силы, ресурс энергии. Появление этого энергетического избытка определяется тем обстоятельством, что энергии субъекта или объекта не просто достаточно для собственной жизнедеятельности, но более чем достаточно. А такая ситуация возникает лишь в тех случаях, когда субъект или объект имеют правильную внутреннюю организацию (в подобных случаях энергия не тратится на излишние связи между элементами, на преодоление конструк-

тивных изъянов) и наилучшим для себя образом взаимодействуют с окружающей средой. Они накапливают энергию, потому что тратят ее наиболее благоприятным, наилучшим для собственного существования образом. Сказанное означает существование определенного порядка, некоего равновесия, самой удобной соразмерности внутренних и внешних связей, минимизирующих жизненные силы. Но наилучшие из возможных соразмерность и равновесие – это, по определению, *оптимум*. Существование оптимума означает и самое лучшее поведение субъекта или объекта в настоящий момент, и самое энергетически выгодное направление развития. Оптимум всегда один и определяется теоретически и/или экспериментально. Тогда мы приходим к первому, предварительному определению: *здоровье – это способность субъекта или объекта оптимально развиваться.*

Отметим еще одно важное обстоятельство: осмысление того факта, что здоровье подразумевает существование некоторой внутренней организации, приводит к исследованию соотношения порядка или беспорядка внутри здоровой системы. Поскольку мерой беспорядка системы является ее энтропия, то для упорядоченных систем она должна быть минимальной. Но тогда напрашивается вывод: здоровыми могут быть только те системы, субъекты или объекты, которые не чрезмерно увеличивают собственную энтропию в процессах развития. Однако этот вывод не кажется пока окончательным, здесь тоже возникают многочисленные вопросы. Так, в настоящее время известно, что открытые во второй половине XX в. системы с детерминированным хаотическим поведением, энтропия которых растет, обладают энергетическими преимуществами над строго упорядоченными, в частности, большими коэффициентами полезного действия. Иллюстрацией этого факта служит эффективность рыночной экономики, по сравнению с плановой социалистической. Это означает, что здоровой может быть и хаотически развивающаяся система при упорядоченности ее внутренней структуры, как это и происходит в системах с детерминированным хаосом.

Заметим, что оптимальность – качество относительное, зависящее от внутренних параметров и условий окружения. Оптимально существующее не просто способно меняться, ему необходимо постоянно меняться, чтобы оставаться оптимальным. Тогда *здоровье – это и способность к оптимальным изменениям*, необходимым, чтобы перманентно поддерживать благоприятное существование в непостоянной окружающей среде. Но это означает, что и само здоровье – динамический феномен.

Последний результат требует обсуждения. Результаты медицинских, биологических, био-

физических, психологических исследований свидетельствуют, что здоровый субъект или объект хорошо адаптируются к окружающей среде, какой бы она ни была – природной, социальной или ментальной. И эта адаптация непременно связана с собственными изменениями. Здоровое тело, например, сопротивляется болезням, повышая температуру. Здоровая психика непрерывно меняется, уходя от неприятных воздействий и, напротив, стационарные ее состояния соответствуют маниям и паранойям. Здоровые организации умеют правильно реагировать на социальные или экономические изменения, меняя цели, структуру, функции. Здоровая наука постоянно меняет свои представления об изменяющемся мире. Правильно реагируя на внешние изменения, все эти субъекты или объекты остаются здоровыми именно потому, что меняют собственные характеристики, в том числе и само здоровье. Чтобы продемонстрировать это, достаточно сравнить здорового якута и здорового бушмена, которые здоровы по-разному и которые, если поменять им среды обитания, могут заболеть, но снова станут здоровыми, только уже по-другому.

Поскольку оптимум определяется как собственными характеристиками системы, так и внешними, связанными со средой, *здоровье относительно*. Следствием этого вывода является тезис о невозможности общих норм здоровья и необходимости их связи со средой обитания. Рассмотрим, например, здоровье организаций. Теория организаций, имеющая в качестве здоровых эталонов успешно функционирующие организации в капиталистическом обществе, должна была расценивать многие советские организации как больные или смертельно больные. Однако советские организации благоприятным для себя образом существовали в подходящей им среде и в силу этого были вполне здоровыми. Принятие любых общих норм, не учитывающих существования в среде, может привести к неверным оценкам, когда здоровое объявляется нездоровым только потому, что существует стереотип нормального. Нередко догматически определяется, например, нравственное здоровье, которое, как правило, предполагает следование этическим нормам монотеистических религий или категорическому императиву Канта. Но в средневековой Японии духовно нездоровыми могли бы счесть людей, не готовых к самоубийству, оцениваемому в европейской культуре как один из грехов. Из факта относительности здоровья необходимо следует относительность и норм здоровья, поскольку любой эталон не учитывает внешнего окружения. Этот онтологический факт до сих пор не учитывается частными науками, например, психиатрией.

Такая значительная зависимость здоровья от характеристик окружения заставляет выделить

две его составляющие: *природное здоровье и здоровье в среде*. Природное здоровье, собственное оптимальное существование субъекта или объекта зависит лишь от его собственной «удачной» структуры, благоприятного соотношения и функционирования его внутренних компонентов. Здоровье в среде – оптимальное существование субъекта или объекта во внешнем окружении, определяемое не только внутренней структурой, но и необходимыми внешними связями. Конечно, это деление условно настолько же, насколько невозможно автономное существование любого субъекта или объекта в мире, но оно оказывается полезным при выяснении онтологических свойств здоровых систем.

Избегая крайнего релятивизма при определении онтологических свойств здоровья, необходимо установить приоритет природного здоровья по отношению к здоровью в среде. Благоприятное автономное существование субъекта или объекта объявляется более важным, чем способность приспосабливаться. Напротив, слишком усердно адаптируясь к неудачной или опасной среде, стремясь «угодить» ей, субъект или объект могут утратить оптимум *автономного* существования, т.е. природное здоровье. И тогда подлинно здоровый субъект или объект должны не просто оптимально существовать в среде, но в случае необходимости менять её, приспосабливая для своего удобного существования в направлении, способствующем поддержанию природного здоровья. Очевидно, что сделать это можно двумя способами: изменить условия неблагоприятной среды или выйти из нее. И если здоровый от природы субъект или объект не могут изменить неблагоприятные внешние условия, то свое природное здоровье они утрачивают. Типичный пример такой ситуации – стрессы и хронические болезни изначально здоровых жителей мегаполисов. Это накладывает значительные ограничения на способ существования субъектов или объектов, способных поддерживать собственное здоровье. В самом деле, способность изменять себя и окружающую среду необходимо связана с активностью, здоровым может быть не просто развивающееся, а саморазвивающееся.

Проведенный анализ позволяет дать авторское определение: *здоровье – это способность к оптимальному развитию*. Это и есть онтологическое определение «здоровья», содержащее его сущность, глубинный смысл, проясненный с помощью феноменологических процедур. В основе такого определения лежит фундаментальная онтологическая категория – «развитие» – и приводится существенная характеристика всего здорового – оптимальность. Полученное определение является универсальным, поскольку относится к любому субъекту или объекту, которые могут обладать качеством «здоровье», то есть ко всему

активному и развивающемуся. После того как получено онтологическое определение здоровья, несложно дать и определение болезни через простое отрицание.

Не останавливаясь в этой работе подробно на сопоставлении полученного определения и традиционных представлений мировых религий о здоровье как о благе, гармонии, балансе, умеренности, отметим лишь, что последние не только не противоречат первому, но и легко включаются в него посредством несложных интерпретаций.

Сделанные выводы дают возможность приступить к конституированию онтологии здоровья, но имеет смысл говорить и о построении синтетической философии здоровья как о долгосрочном гносеологическом проекте, включающем в себя и социально-философский анализ здоровья, и философско-культурологическое его исследование, и

поиск его этических оснований, его ценностных составляющих, его экзистенциального основания и многое другое.

Примечания

- ¹ См.: *Заратустра*. Учение огня. Гаты и молитвы. М., 2007. 496 с.; Мифы и легенды народов мира. М., 2007. 464 с.; *Щуцкий Ю. К.* Китайская классическая книга перемен : Цузин. М., 1993. 623 с.; *Ветхий Завет* // Антология мировой философии : в 4 т. М., 1969–1972. Т. 1. 936 с.; *Стулова Э. С.* Даоская практика достижения бессмертия // Лу Куань Юй. Даоская йога, алхимия и бессмертие. СПб., 1993. С. 312–313; *Димов В. М.* Философия и социология здоровья. Алматы, 1998. 198 с.; *Мюллер М.* Шесть систем индийской философии. М., 1995. 443 с.
- ² *Гуссерль Э.* Собр. соч. : в 4 т. М., 2001. Т. 3. 584 с.

УДК 1(100)(091)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ КАТЕГОРИИ НИЧТО В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

В. А. Дмитриева

Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина
E-mail: dvaleriya@yandex.ru

В статье выявлена специфика методологической функции категории *ничто* в философии и науке; особое внимание уделяется методологической функции этой категории в учениях экзистенциализма, религиозной философии и теологии.

Ключевые слова: бытие, ничто, методология, философия экзистенциализма.

Methodological Function of Nothing as the Modern Philosophy Category

V. A. Dmitrieva

In the article the specificity of methodological function of nothing as category in philosophy and science is revealed. Special attention is paid to methodological function of this category in existentialism, religious philosophy and theology.

Key words: being, nothing, methodology, philosophy of existentialism.

Методологическая функция философских категорий обсуждалась практически с момента возникновения философии. Она была направлена на поиск нового истинного философского и научного знания. Фундаментальные философские категории, в том числе и категория *ничто*, влияли и продолжают оказывать методологическое влияние на исследования в области философии.

Методологическая функция категории *ничто* принципиально отличается от методологической функции категории бытия и других, связанных с последней. Следует различать два аспекта: методология познания самого *ничто* и методология познания бытия, сущего с помощью и посредством категории *ничто*. В первом методология в ее *традиционном* понимании невозможна: нет и не может быть методов – эмпирических, теоретических, – с помощью которых можно было бы познать *ничто*, поскольку с их помощью нечего познавать. Неслучайно М. Хайдеггер писал, что следует говорить не о познании *ничто*, а о его постижении. Иными словами, в сфере *ничто* нет методов (*в обычном понимании*) и не может быть, как нет в этой сфере логики в традиционном понимании. Любая методология, в конечном счете, основана на причинной зависимости, иных видах детерминистических зависимостей, а как раз они-то отсутствуют в сфере *ничто*, это своего рода хаос. Если исходить из *ничто*, то нужно признать наличие состояния, когда «ничего не было». А это означает, полагает П. А. Сапронов, «что был первозданный хаос, некоторая неуловимая реальность, уловить которую нет возможности ввиду ее неопределенности, безмерности, слитности, взаиморастворенности в ней реальных, впоследствии

усвоены, они должны быть репрезентативны и находить отклик у современников. Все крупные рискологические теории (У. Бека, Э. Гидденса, Ю. Хабермаса) являются синтезом репрезентативного опыта и репрезентативной ценности. Репрезентативный опыт идет дальше частного локализованного, хотя и intersubjectивного опыта: он связывает личные и общественные проблемы. Репрезентативный опыт должен опираться как на исторический, так и на личный и опыт современников. Ценность также не является выбором рисколога: она представляет собой конечный продукт репрезентативного опыта. Усвоение репрезентативного опыта предполагает вместе с тем усвоение ценностей и моральных установок социальной жизни.

Говоря о специфичности рискологических теорий, в отличие от других научных, уместно обратить внимание на то, что в противоположность большинству логических интерпретаций природы рискологического исследования рискологические теории не отвергаются, а игнорируются. Они исчезают тогда, когда перестают быть связанными с основанным на взаимодействии опытом тех, чье поведение они намерены объяснить. Рискология, по нашему мнению, является «моральным продуктом» своего времени. Она оформилась как с точки

зрения своих концепций, так и с точки зрения своих методологических принципов в русле традиции, признающей особое значение ценностей. В этом ценность рефлексивной (философской) рискологии⁶. Философия видит в риске проблему: она смотрит на риск глазами онтологии, эпистемологии и морали. Риск есть онтологический объект, есть подход к познанию и субъект с весомым нормативным потенциалом. Его нельзя игнорировать, и он еще не понят.

Примечания

- ¹ См.: *Thompson P. B.* The philosophical foundations of risk // *Southern J. of Philosophy.* 1986. № 24(2). P. 273–286.
- ² См.: *Althaus U.* A Disciplinary Perspective on the Epistemological Status of Risk // *Risk Analysis.* 2005. Vol. 25, № 3. P. 96–104.
- ³ См.: *Кимелев Ю. А.* «Субъект» и «субъективность» в современной западной социальной философии». М., 2006. 96 с.
- ⁴ См.: *Althaus U.* Op. cit. ; *Полякова И. Д.* XX век в социологических теориях общества. М., 2004. 384 с.
- ⁵ *Hubbard D.* The Failure of Risk Management : Why It's Broken and How to Fix It. L., 2009. 76 p.
- ⁶ *Hansson S. O.* What is philosophy of risk? // *Theoria.* 1996. Vol. 62(1–2). P. 169–186.

УДК 111

В ЧЁМ ИМЕННО СОМНЕВАЕТСЯ ДЕКАРТ?

М. А. Богатов

Саратовский государственный университет
E-mail: m_bogatov@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению онтологических установок Декарта, а именно – его сомнению. Следуя указанию Гуссерля, автор предлагает подвергнуть более внимательному анализу традиционный метод мыслителя.

Ключевые слова: Декарт, онтологические установки, сомнение, метод.

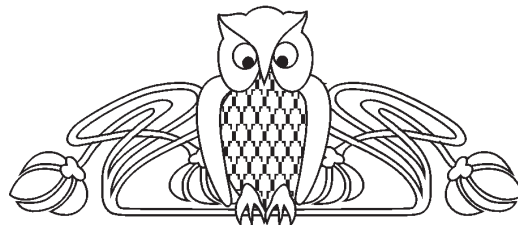
In what Descartes Doubts?

М. А. Bogatov

The article considers the ontological systems of Descartes, namely his famous point of doubt. Following the instructions of Husserl, the author proposes to make a careful analysis of the traditional method of a thinker.

Key words: Descartes, ontological setting, doubt, method.

Декарт со своим «методом сомнения» занимает такое прочное место одного из основателей философии Нового времени (и всей последующей), что никто не может поставить под сомнение

значение данного мыслителя. Будучи вписанным в линию исторической преемственности, Декарт выполняет функцию перехода от схоластического способа мыслить к сугубо научному. При этом к его достижению относится именно последовательное и строгое подведение к фундаменту науки логических «фактов» и норм, усмотрение которых уже не требует обращения к авторитетам Церкви. Во второй половине XIX в. в европейской философии одним из модных способов рассмотрения предшественников стал психологизм. Изначально выступая против психологизма, стали известными такие школы философии, как феноменология и школа логического анализа. «Пересобрав» психологическое толкование Декарта и других философов на лад собственного понимания «строгой науки», феноменология и школа логического анализа предъявили миру «нового Декарта» – как и прежде, основателя науки, но уже не науки

Нового времени, а науки современной, начала XX в. Вместе с тем они открыли такие способы исследования философии Декарта, которые позволяют читать его тексты на предмет выявления невиданных ранее аспектов. В этой статье мы пойдём по пути, указанному феноменологией Гуссерля, задачей которого было «очистить» Декарта от психологизма. При этом, предваряя наш вывод, можно сказать: такое «очищение» позволило Гуссерлю *усмотреть совершенно иной, нежели сугубо логический или опытный, фундамент науки*, тем самым пересмотрев понятие последней. В данной статье рабочей гипотезой будет рассмотрение проблемы существования у Декарта как *места и способа* (греч. *topoi*) *производства истины и лжи*.

Гуссерль совершенно справедливо усматривает в традиции картезианства рецидив психологизма, поскольку вместо того, чтобы смотреть сразу же на то, *что остаётся там, где «вынесено за скобки»* (его – трансцендентальное, *animus* – психологическая), следует посмотреть для начала на то, *что же именно «вынесено за скобки»*, и только отсюда определить, как это вынесение оказалось возможным и что осуществить не удалось. Следует внимательно исследовать само это его, образованное как из того, что осталось (путь картезианства), но также и, в первую очередь, из того, что удалено. Кроме того, поразительным образом сказывается – хотя этой работы Гуссерль не прodelывает – правота Гуссерля в том, что путь истории философии должен привести от Декарта к теме жизненного мира. Впрочем, Декарт в этой линии всё же не является первооткрывателем, поскольку тема жизненного мира приводит нас к теме, близкой Гераклиту, Платону и Аристотелю. Отчасти это признаёт и сам Гуссерль, хотя для него обращение к другим философам в этом отношении носит скорее общеагонистический характер¹.

Если мы скажем, что Декарт сомневается во всём, то это будет совершенно точный и вместе с тем ничего не говорящий ответ. Посмотрим внимательнее на его ход мысли в «*Meditationes de Prima Philosophia*»². Терминология Декарта пронизана деструктивной лексикой, намерением «разрушения»: «Но, поскольку, когда подкапывают фундамент, само по себе рушится всё, что на нём возведено, я хочу сразу подступить к самим принципам, на которые опиралось всё, во что я некогда верил»³.

Задача – разрушить фундамент, чтобы осыпалось то, что на нём возведено? Или: осмотреть фундамент, оценить его прочность и проверить, как он может выдерживать всё, что на нём возведено, причём возведено таким образом, что через один в построенном здании идут как верные, так и вводящие в заблуждение «булыжники», истина мешается с ложью? Пока неважно, какой из во-

просов станет руководящим. Чтобы добраться до фундамента, следует пройти *сквозь* возведённое на нём строение, до самих принципов, начал, *которые позволяют всему быть*.

Сначала Декарт говорит о мнениях (*opinionum*), которые основываются на чувствах (*sensus*). Поскольку мнения бывают ложными, следует искать чего-то более основательного. При этом интуиция метода состоит в том, чтобы добраться до основания – *как до того, что производит «истинность» и «ложность» этих самых мнений*⁴. В противном случае, встречаясь с заблуждением, к чему нам было бы искать его оснований? Что давала бы нам уверенность, будто добравшись до источника заблуждения, мы избавимся от самого заблуждения? Вероятно, что заблуждение есть некий *сбой* в производстве, долженствующем функционировать «истинно»; разобраться в устройстве приносящей неправильные продукты машины, дабы устранить поломку, – вот как могла бы быть истолкована эта цель.

Установка Декарта состоит в том, что *во мнениях должно быть «истине»*, иначе не стоило бы и начинать исследование. Откуда исходит эта, непроговариваемая, установка на долженствование, требующее истинности во мнениях? Ведь можно предположить, к примеру, что в мнениях всегда должна быть ложь. Или, что во мнениях не стоит искать ни истины, ни лжи?⁵

Таким и будет путь Декарта: к поиску того места-способа, *topoi to techne*, в котором либо производится истина, либо она удостоверяется (в случае, если она не производится, но изначально уже есть): путь либо для устранения сбоя, либо для понимания неизбежности оногo, обусловленный самим устройством. Мнения ведут к чувствам, чувства – к телам, причём к *самим телам*, а не к их *восприятию*.

Далее Декарт переходит от тел к *элементам* тел. В аргументе, касающемся сна, Декарт использует метафору живописи: «И поэтому хотя бы в целом все эти вещи: глаза, голова, руки, тело вообще – всё это должно быть не воображаемым, но верным, существующим на самом деле. Ведь в самом деле, и живописцы, даже тогда, когда стремятся изобразить Сирен и Сатиров в самом необычном виде и способны придавать им совершенно новые в любом частном отношении свойства, в основном перемешивают части тела различных животных, и если изобретут что-нибудь настолько новое, что никто никогда не видел ничего подобного, что-то предельно искусственное и нереальное, – всё же они должны по крайней мере использовать реальные цвета, из которых составят это. И именно поэтому, хотя бы даже все эти вещи в целом: глаза, голова, руки и тому подобное – и было лишь воображаемыми, необходимо признать, что есть нечто гораздо более простое и универсальное, что истинно существует

и из чего, словно из красок художника, творятся в нашем сознании истинные или ложные представления о вещах»⁶.

Ход мысли здесь такой: что бы ни было изображено, для этого используются «реальные (истинные – *veri*) цвета» (*certe tamen ad minimum veri colores esse debent*). Это как раз указывает на то, что место-способ производства истины и заблуждения не может быть ложным; само это место-способ более истинно, чем то, что им производится («нечто гораздо более простое и универсальное, что истинно существует и <...> из чего творятся истинные или ложные представления о вещах»). Имей я даже истинное мнение, оно менее будет отличаться от ложного, чем от самой истины имени мнения. Иначе говоря, здесь совершается переход от содержания чувствования к его существованию как к тому, что более основательно.

Отметим, что путь к существованию как к большему основанию истины, чем довольствование «просто самим существующим» – это сугубо онтологический путь. На кону не то, что существует, не нечто существующее, но то, что оно – существует, само существование. В нём больше истины, чем в его содержании (Хайдеггер бы сказал, что здесь совершается переход от сущего к бытию).

Но само существование, как только мы на него пристально посмотрим, распадается на элементы, из которых состоят наши как истинные, так и ложные чувствования. Мы сталкиваемся с неким «набором кубиков», начиная с тел, и включающим стандартный перечень аристотелевских категорий⁷. Перед нами – инструменты для работы с темой существования, почерпнутые из схоластической традиции. Они довольно формальны для того, чтобы спорить на их счёт – истинны они или нет (например, истинна или нет категория «количества как такового», «тела как такового?»), но и для того, чтобы усмотреть в них не просто процедуры анализа, а само производство истины, их формальность не годится: необходимо само существование, а не способы его анализа. Ситуация сходна с той, как если бы начинающий стоматолог, взирая на свои ни разу им не использованные инструменты, попытался вывести из их вида те случаи заболевания зубов и ротовой полости, которые с помощью этих инструментов излечиваются; в действительности всё обстоит (или должно обстоять) прямо противоположным образом: исходя из случаев заболевания разрабатываются наиболее удобные инструменты для их, этих заболеваний, лечения. Видимо, ситуация девальвации традиции онтологического вопрошания предстала Декарту в таком, вывернутом наизнанку, виде: предмет-существование конструируется для философии исходя из доступного, апробированного в традиции и тем

самым легитимно допущенного к использованию, инструментария. Это можно сравнить с тем, если бы у нас был только аспирин, а посему все случаи в нашей практике мы подводили бы под классификацию простуды, полагая, что иных заболеваний просто не существует.

Сталкиваясь с этими инструментами-элементами, Декарт говорит, что *чем они элементарнее, тем меньше в них заблуждения*; это следует, как кажется, понимать так: чем они формальнее, тем бессодержательнее и тавтологичнее. Пример приводится из математики и геометрии, но мы помним, в чём их сила: в них задаются правила, задаются искусственным образом (сегодня это очевидно в так называемой «аксиоматической теории»). Декарт приводит пример, который очень часто любил приводить и Гуссерль (начиная с первого тома «Логических исследований»): «Сплю я или нет – два и три всё равно дают в сумме пять, а квадрат имеет не больше четырёх сторон. Кажется, что на такие очевидные истины никак не может пасть подозрение в ложности»⁸.

Будучи приведённым, этот пример даже не разоблачается Декартом в качестве сомнительного. Думается, что в этом сказывается прозорливость Декарта: у квадрата не может быть больше или меньше четырёх сторон, потому что слово «квадрат» означает плоскостную фигуру из четырёх равных сторон, соотнесённых друг с другом под прямыми углами, а число два и число три, если мы их знаем (т.е. понимаем, с чем имеем дело), мы понимаем в любом случае так, что «два плюс три даёт пять», по определению. В этом неинтересном примере речь идёт о тех вещах, которые полностью исчерпывают своё существование в своём значении для того, кто это значение знает, или иначе: *значат* без необходимости как-либо существовать. Поэтому в чём бы ни заблуждался владеющий этими значениями, ему достаточно признавать эти значения так же как обозначения букв алфавита – чтобы не заблуждаться в них ни при каких условиях (буквы не могут быть ложными, могут быть неправильными составленные из них слова). Как указывает М. К. Мамардашвили, понимание для Декарта – необратимо⁹, а в этом примере то, что я *знаю*, равно тому, что я *знаю именно это*. В квадрате нет ничего, кроме того, что у него есть четыре стороны под равными углами, нет предмета у этого понятия иного, чем придаваемое этому понятию значение – оно онтологически тавтологично.

Поэтому элементы не могут выступить фундаментом-производством истины и лжи там, где, имея дело с X, я имею дело с Y – понятия, существующие лишь в своих значениях, искажения и поломки не допускают. Они либо вообще неверны все, либо верны все. Они, на самом деле, не являются элементами, ибо полностью задают тип того, что из них будет собрано.

Далее Декарт переходит к Богу (Deum). Бог – единственный, кто знает (может знать), верны все эти элементы или все они ложны. Нас интересует второй вариант, а точнее – обманная *подмена* первого на второй. Бог – тот, кто удостоверяет в существовании всё сущее самим существованием. Только Бог может разбить силу приведённой выше метафоры живописи, преодолеть её; поскольку Он создал всё: если я заблуждаюсь и истинствую, но сам механизм один и тот же, то Бог сотворил сам этот механизм, и почему бы Ему не сотворить его так, чтобы там, где мы ищем основание истине и лжи, был попросту изначальный обман, ложь, заблуждение?

Такое может быть, и Декарт это смело допускает, причём смелость его питается всё тем же невысказанным положением, что механизм истины имеет *онтологическое* преимущество перед заблуждениями. В данном рассуждении механизм истины переносится на предмет – Бога, т.е. само существование (в том числе и существование Бога) собирается в единую точку. Бог, который может обманывать существование, сам существует – в противном случае аргумент снимает сам себя; пусть он существует иначе, чем всё остальное (Спиноза скажет: *natura naturata* не есть *natura naturans*), а до Декарта говорили о том, что выражение «Бог есть» само по себе самоочевидно, если понимать, что такое (или – Кто такой) «Бог» и что такое «есть» (почти как квадрат и его четыре стороны, аргументация Фомы – грамматически-логическая¹⁰, а есть Он так, что несводим ни к какому роду, но всякий род, напротив, сводится к Нему¹¹). Декарт говорит: «Есть, наверное, люди, которые скорее станут отрицать столь всемогущего Бога, чем поверят, что вещи недостоверны. Но мы не будем возражать им и допустим, что всё сказанное о Боге – вымысел»¹².

Декарта не интересует иерархия в существовании, поскольку какова бы она ни была, на кону само существование; а почему люди, которые верят или не верят в Бога – это люди, интересующиеся сейчас иным предметом? Если же (вслед за Фомой) удостоверить, что *Бог – это синоним существования*, и Бог обманывает в своём творении, то сама его *natura naturata* – это такая *natura*, которая достоверна¹³, а потому следует отказаться от иерархии в существовании и от различия между существованием Бога и существованием мира (*naturata* и *naturans*), обратиться к самому существованию (к *natura*), которое в любом случае не снимается в такого рода иерархически выстроенных мыслях. Точнее: если Бог обманывает нас, то Он знает, что Он нас обманывает, поскольку Он – Творец всего, а всё у того, Кто обманывает и сам о том не ведаёт, не сотворилось бы в существование, поскольку – *быть в истине это быть совершенно*.

Здесь «опроектированность и легкомыслие» (*inconsiderantiam vel levitatem*) сливаются с весткостью и обдуманностью (*validas et meditates*) и формируют мнение о существующем (первые хуже, вторые – лучше), но предметом является не существующее, лучше или хуже обоснованное, но само существование¹⁴, включая как существующее, относительно которого формируется любое мнение, так и *само это мнение, откуда оно есть*. Заключает это рассуждение Декарт таким замечанием: «я, наверное, никогда не отучу себя соглашаться с ними [общепринятыми взглядами] и полагаться на них, пока буду видеть их такими, *какие они есть в действительности, а именно в некотором роде сомнительными*, как только что было показано, но вместе с тем такими *правдоподобными* (курсив мой. – М. Б.), что, пожалуй, было бы разумнее верить в них, чем отвергать»¹⁵.

Перед нами – *сомнительность и правдоподобие как условие существования всего, что существует*, условие в том смысле, что нечто предстаёт в действительности уже сомнительным и вместе с тем правдоподобным, но я не обращаю внимания на это «как они есть в действительности». Предметный перебор существующего ничего не даёт для анализа существования и поиска в нём места производству истины и лжи как месту самой истины; *место истины в таком мире у-топично, избыточно*¹⁶. Место-способ (τόπος) производства не за (meta-) сущим, но сопутствует ему; вещи являются нам *как* сомнительные, но мы сами этого «как» не видим.

«Метод сомнения» – это не отказ от существования, но подступ к нему такому, *какое* оно есть. Неудивительно также, что пути Декарта и Гуссерля расходятся, что Гуссерль вводит тему подступа к существованию «как оно есть» иным способом.

Отвечая на поставленный вопрос – в чём сомневается Декарт? – мы теперь можем сформулировать предварительный ответ: *Декарт сомневается в том, что мир несомненен* или: *что сущее бытует несомненным образом*. Однако если бы мы перевернули этот тезис и сказали: «Декарт утверждает то, что в мире всё сомнительно», то оказались бы в средоточии расхожего мнения. Однако любое утверждение ведёт лишь к тому, что из него следует, в то время как само оно остаётся вне рассмотрения. Сомнение, напротив, есть, в первую очередь, *длящийся процесс*, подлежащий исследованию не столько в том, в чём сомневаются, сколько сам по себе. В этом смысле, несмотря на то, что Декарт считается мыслителем, с которого начинается новая эпоха в истории философии, мы видим, что он избирает своим предметом то, что достойно рассмотрения само по себе, исполняя завет, которому следовали Платон и Аристотель.

Примечания

- ¹ Ср.: «Истинный мир в любом смысле, в том числе наше собственное бытие, в отношении смысла этого бытия становится загадкой. Пытаясь прийти к ясности и сталкиваясь с возникающими парадоксами, мы одним разом осознаём беспочвенность всего нашего прежнего философствования. Как нам теперь действительно стать философами? Мы не можем устоять перед мощью этой мотивации, здесь мы не можем отступить, поскольку и Кант, и Гегель, и Аристотель, и Фома занимались этими апориями и приводили свои аргументы» (см.: Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная философия. СПб., 2004. С. 180).
- ² См.: Билингвальное латинско-русское издание: *Декарт Р.* Размышления о первоначальной философии / пер. с лат. М. Позднева. СПб., 1995. 192с.
- ³ Там же. С. 29.
- ⁴ Декарт даёт основание для метафоры производства сам. В русском тексте значит: «И именно поэтому, хотя бы даже все эти вещи в целом: глаза, голова, руки и тому подобное – и были лишь воображаемыми, необходимо признать, что есть нечто гораздо более простое и универсальное, что истинно существует и из чего, словно из красок художника, *творятся* в нашем сознании истинные или ложные представления о вещах» (Там же. С. 33). В английском переводе *Джона Вейтча* (1901) это «творяются» передаётся через «forming». В любом случае, речь не идёт о творении. В латинском тексте значит «effinguntur», что точнее можно передать как «представляются, изображаются, выражаются, воспроизводятся».
- ⁵ Мы не исследуем сейчас эту установку, хотя можно было бы сделать предположение о влиянии иезуитского образования, и, к примеру, в трудах Франсиско Суареса, полагающего, что «сущее в номинальном значении и вещь – совершенно одно и то же и обозначают одно и то же, различаясь только этимологией имён. В самом деле, вещь говорится применительно к чтойности, поскольку она есть нечто крепкое и прочное, то есть не выдуманное, и потому называется реальной чтойностью; а сущее в названном значении подразумевает то, что обладает реальной сущностью. Следовательно, сущее и вещь означают совершенно один и тот же предмет, или реальный смысл» (см.: *Суарес Фр.* Метафизические рассуждения / пер. с лат. Г. Вдовиной. М., 2007. С. 366). Думается, что в направлении *реальности* мнения следует искать корни данной установки Декарта.
- ⁶ *Декарт Р.* Размышления о первоначальной философии. С. 33.
- ⁷ Ср.: «К такого рода простейшим истинам принадлежит, как кажется, телесная природа вообще и её протяжённость, точно так же, как и форма вещей протяжённых, затем – количество или величина и число их, точно так же – место, в котором они существуют, время, в котором они пребывают, и тому подобное» (Там же. С. 33).
- ⁸ Там же. С. 35. Ср. у Гуссерля: «Не следует также смешивать истинное суждение как правильный, согласный с истиной акт суждения с истиной этого суждения или с истинным содержанием этого суждения. Моё суждение, что $2 \times 2 = 4$, несомненно каузально определено, но не сама истина $2 \times 2 = 4$ » (см.: Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 1 // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск; М., 2000. С. 139). В этом Гуссерль следует за Декартом, хотя Декарт много радикальнее Гуссерля: Декарт полагает, что всё может оказаться вообще не тем, в то время как Гуссерль говорит так: «Ведь если мир выключается, то это действительно не означает, к примеру, что выключается натуральный ряд чисел и относящаяся к нему арифметика. Между тем мы не пойдём этим путём, и наша цель расположена не в этом направлении...» (см.: Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1999. Т. 1. С. 74).
- ⁹ Ср.: «То есть в мире, в котором уже что-то случилось, что-то пришло в движение (не было ещё никакого закона), хотя это движение не было в сторону именно закона, какой-либо предданной нормы. Но когда началось – кристаллизовалось. Причём это относится не только к существованию, но и к пониманию» (см.: *Мамардашвили М.* Картезианские размышления. М., 2001. С. 43).
- ¹⁰ Ср.: «Итак, я утверждаю, что это высказывание "Бог есть" само по себе является самоочевидным, поскольку предикат тождествен субъекту <...> Но поскольку мы не знаем, что есть Бог, это высказывание не является самоочевидным для нас, но нуждается в доказательстве через то, что более очевидно *для нас*, но менее очевидно *по природе*, а именно через следствия [действий Бога как причины]» (*Аквинский Ф.* Сумма теологии. Ч. I. Вопросы 1–64. М., 2006. С. 22).
- ¹¹ Ср.: «Надлежит сказать, что нечто принадлежит роду в двух смыслах. Во-первых, безусловно и в собственном смысле слова, например, виды, которые содержатся в роде. Во-вторых [нечто принадлежит определённому роду] через редукцию, например, начала и лишённости. Так точка и единица редуцируются к роду количества как начала, а слепота и [вообще] всякая лишённость – к роду своего хабитуса [как обладания]. Но ни в одном из этих смыслов Бог не принадлежит к роду <...> Во-вторых, если бы Бог принадлежал к некоему роду, то, поскольку, как уже показано, бытие Божие есть Его сущность, его родом должно было бы стать сущее» (Там же. С. 36).
- ¹² *Декарт Р.* Размышления о первоначальной философии. С. 35.
- ¹³ Именно в этом абзаце о Боге Декарт говорит, что «быть введённым в заблуждение, ошибаться, есть некое несовершенство» (Там же. С. 35). Помимо этико-политического и онтологического измерений здесь высказывается та самая гипотеза, на которую Декарт опирается: быть в *истине* – *быть* совершенно. Механизм существования производит (должен производить) истину, а потому надо добраться до него и выяснить в чём дело, если уж с нами случаются заблуждения.
- ¹⁴ Правильнее было бы ввести хайдеггеровское онтологическое различие: бытие и сущее. Но в данном случае по веским основаниям мы отказываемся от этой убедитель-

тельной и разделяемой нами дифференции. Кроме того, аргументом против использования «существования» являются и следующие слова М. К. Мамардашвили (по поводу «ego cogito, ego sum»): «Слово “существую” лучше здесь не употреблять, потому что существование по законам языка имеет слишком много эмпирических, психологических и жизненных смыслов» (см.: Мамардашвили М. Картезианские размышления. С. 50). Тем не менее мы не отказываемся от этих эмпирических, психологических и жизненных смыслов, которые и в латыни у Декарта сохраняются; более того, мы воспользуемся этой многозначительностью: не для двусмысленности, но как раз потому, что эти смыслы неотделимы друг от друга, и это – сама фактичность данного термина.

¹⁵ Декарт Р. Размышления о первоначальной философии. С. 37.

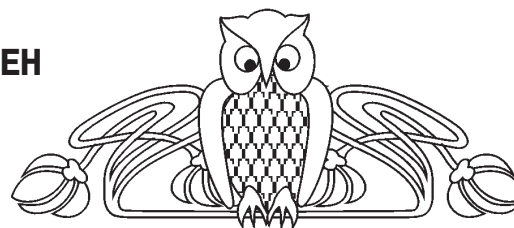
¹⁶ В несколько иной связи на эту избыточность, называя её тавтологичностью, обращает внимание Мамардашвили: «...некоторые вещи, те, которые я назвал точками интенсивности или совершенными предметами и т.д., обладают свойством (я говорил о нём) бесполезности, ненужности или избыточности по отношению к реальной жизни. Так вот, я утверждаю – и вся философия, и религия вместе со мной и до меня это утверждали, что в мире нет никаких оснований для того, чтобы было добро. То есть нет никаких оснований, чтобы, например, мне, или кому-то из вас, быть добрым, умным, великодушным и т.д.» (Мамардашвили М. Картезианские размышления. С. 51).

УДК 116

ЗДОРОВЬЕ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Р. В. Воробьев

Саратовский государственный университет
E-mail: vorobevai@yandex.ru

В статье проводится феноменологический анализ здоровья, выделяются его существенные онтологические свойства, показывается его универсальность как природного и социального феномена, дается авторское определение здоровья.

Ключевые слова: здоровье, развитие, оптимум.

Health as an Ontological Phenomenon

R. V. Vorobyev

Phenomenological analysis of health is presented in article and main ontological properties of health are discussed. Universality of health as natural and social phenomenon is shown. Author's definition of health is given.

Key words: health, development, optimum.

Феномен здоровья неслучайно находится в центре внимания дисциплинарных и междисциплинарных исследований. Здоровьем определяются качество жизни, возможности и тренды развития множества физических, биологических и социальных систем. Однако несмотря на значительный интерес частных наук до сих пор отсутствуют самые общие представления о здоровье, не выделены его существенные онтологические свойства, нет ответов на важнейшие вопросы: что такое здоровье? что может быть здоровым? при каких условиях здоровье возможно? Это связано со сложностью рассматриваемого феномена и с конкретными интересами отдельных наук, и с большой неоднозначностью в его определении

религиозных концептов и традиционных практик. Чаще всего определения здоровья сводятся к положению об отсутствии болезни, при этом возникает логический круг, поскольку и феномен болезни не определен.

Онтологический анализ феномена здоровья, на наш взгляд, следует начать с декларации того факта, что здоровье – онтологически нетривиальный феномен, имеющий материальную и идеальную (ментальную) компоненты. Этот факт постигается рационально и интуитивно, и многие традиционные философские и религиозные концепции здоровья опираются на него как на значительное основание¹. Именно онтологическая сложность феномена здоровья заставляет особенно внимательно заняться поиском адекватной методологии его исследования. Вне всякого сомнения, методы частных, в первую очередь, естественных наук не способны в полной мере помочь в исследовании столь сложного феномена, широкий спектр междисциплинарных изысканий также не дает желаемых результатов, а действительно действенными в подобном сложном случае оказываются только философские методы. Мы полагаем, что существенные свойства здоровья как феномена могут быть выделены средствами философского анализа, например, феноменологическими процедурами².

В этой работе мы будем использовать феноменологический метод Э. Гуссерля, позволяющий прояснить смыслы значимых феноменов.

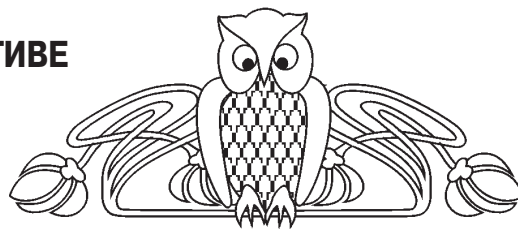

УДК 101.8

РИСКОЛОГИЯ В ФИЛОСОФСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Е. И. Беляев

Саратовский государственный университет
E-mail: seriyxxx@mail.ru

В статье рассматриваются научная структура и философское содержание рискологии в контексте ее мультидисциплинарной природы.

Ключевые слова: мультидисциплинарный анализ риска, дефиниция риска, философия риска.

Riskology in the Philosophical Perspective

E. I. Beliaev

In article are considered scientific structure and philosophical content of riskology in the context of its multidisciplinary nature.

Key word: multidisciplinary risk analysis, risk definition, philosophy of risk.

Философско-теоретический анализ науки для рискологической методологической практики является перспективой, помогающей проникнуть в саморефлексию эксперта-рисколога. Ведь в сущности развитие научного понимания рисков – это «человеческий процесс», который соединяет в себе основные элементы эмпирического исследования (интерсубъективность, соответствие, доказательство) и элементы процесса теоретического исследования (эксперимент, интерпретация, выведение, проверка, объяснение). Отдельные научные дисциплины разрабатывают свои собственные решения таких проблем, как эпистемологическая природа риска и способы его преодоления. В этом отношении центром всех дисциплинарных подходов к риску является философская дискуссия по вопросу о том, какой является категория риска – онтологической или эпистемологической? Ответить однозначно на этот вопрос представляется возможным при условии объединения фактов в системы, характерные для разных дисциплинарных подходов, объединяющих познавательный опыт разных дисциплин.

Анализ методологии определения и описания риска в разных дисциплинах показывает, что для развития теоретической науки необходимо точное осознание ее целей и задач, но в теоретической рискологии этого пока нет. Она дробится на отдельные субдисциплины, между которыми наблюдается мало точек соприкосновения (достаточно сравнить понимание риска в лингвистике, экономике, истории и т.д.), а это непродуктивно. Важно поэтому выработать некий *интегральный подход* к явлениям риска, который способствовал бы объединению вполне совместимых друг

с другом направлений. Таким подходом вполне может быть общеполитический, хотя, конечно, и само определение философской науки нуждается в уточнении. Ведь естественно-научные и гуманитарные дисциплины часто руководствуются собственными рабочими определениями риска и не принимают во внимание ни философскую рефлексию, ни другие дисциплинарные подходы, поэтому обычно затемняют статус риска в своих специфических аргументах. Однако точность при определении риска обязательна, так как анализ должен быть строгим и логическим, т.е. научным. Вычленение эпистемологической составляющей в мультидисциплинарных контекстах помогает обогатить содержание дефиниции риска и подчеркнуть необходимость гораздо большего сотрудничества между учеными, специализирующимися в области исследований риска.

Научная теория обычно трактуется на основе аксиоматического исчисления и ряда правил соответствия, которые связывают исчисление с «реальным миром рисков». При этом возникают семь основных проблем: экспликация и рациональная реконструкция (например, в истории), аксиоматизация и дедуктивная структура (например, в логике и математике), модели (например, в экономике), частичная интерпретация (например, в политологии и праве), термины (например, в лингвистике), предложения аналитические или синтетические (например, в философии), правила соответствия (например, в науке).

Критический анализ «общепринятой точки зрения» на теорию приводит к выводу, что следует: признавать фрагментарность систематической реконструкции; учитывать значение аксиоматизации, формализации и дедуктивной структуры в перспективе; отдавать приоритет достоинствам понятия «модель»; признавать, что проблема «значения» научных терминов не имеет однозначного решения; искать такие пути конструирования эмпирического доказательства, при которых ни дискретное тестирование чрезмерно не акцентируется, ни предполагается различия между «аналитическим и синтетическим»; рассматривать правила науки в релятивистском контексте. Учитывая эти требования, необходимо систематически реконструировать теорию риска, включающую ее язык, концептуальную схему, модель, систему предложений².

Другой формой объяснения является индуктивно-статистическая. Если дедуктивно-номологическое объяснение включает отношение необходимого дедуктивного следования между экспланансом и экспланандумом, то индуктивно-статистическое объяснение является вероятностным и поэтому содержит эпистемологическую неопределенность. Кроме того, объяснения, требующая дополнительной интерпретации в терминах модели, являются более холистическими, чем они изображаются при дедуктивном подходе. С точки зрения философии науки объяснительный холизм служит отправной точкой для дискуссий о рискологическом объяснении.

Так же, как все эксперты, рискологи формулируют правила, которые определяют приемлемую методологическую практику в различных областях своей дисциплины. На основании формально-методологических критериев выстраивается общая классификация типов рискологической практики. Можно выделить два измерения методологической вариации, которые концептуализируют различные аспекты отношения экспертного знания к реальной действительности – оппозиции между: 1) дедуктивным и индуктивным, 2) пропозициональным и холистическим.

Подчеркивая абстрактно-теоретический характер рискологического знания, дедуктивно-пропозициональная (формальная) рискология утверждает, что это знание может быть выражено и оценено в пропозициональной форме, т.е. каждое утверждение должно быть доступно проверке. Отстаивая данную версию рискологии, следует указать на необходимость аксиоматизации рискологических утверждений. С данным типом исследования имеют много общего некоторые формы лингвистики, социологии и психологии, трактующие социализацию как структурированный процесс коммуникации, регулируемый кодами. Будучи идеализированной формой рискологической методологии, строгий формализм редко реализуется в рискологической практике.

Подобно формальной абстрактная (дедуктивно-холистическая) рискология подчеркивает аналитический характер рискологического знания. В отличие от формальной эта рискология связывает установление истины не с отдельными теоретическими утверждениями, а с анализом в целом. Преобладающая часть рискологической теории относится к абстрактной рискологии. Наиболее ярким примером абстрактного теоретизирования служит общая теория риска. В противоположность дедуктивно-холистской индуктивно-пропозициональная рискология (систематический эмпиризм) стремится сформулировать эмпирические обобщения. Это характерно для истории, экономики, теологии.

Призывая к непосредственному отражению рискологической реальности, индуктивный хо-

лизм, в отличие от систематического эмпиризма, отдает предпочтение не индивидуальным обобщениям, а целостной интерпретации. Хотя чистый образец индуктивно-холистской рискологии трудно найти, многие ее элементы прослеживаются в социально-гуманитарных теориях, в частности, в современной науке объединяют холистскую интерпретацию с определенными эмпирическими обобщениями.

Следует подчеркнуть, что все четыре типа методологии рискологических исследований могут правильно функционировать лишь в единстве, поэтому необходимо объединить кажущиеся альтернативными концепции формальной рискологии, абстрактного моделирования, систематического эмпиризма и интерпретативной рискологии для адекватного понимания социально-рискологической реальности. Например, систематический эмпиризм обеспечивает рискологов определенной основой «описанных феноменов». Однако для дальнейшего аналитического прогресса необходимо связать эмпирические данные с соответствующей моделью. Абстрактное моделирование в математике не может выявить сложные и частично пропозициональные отношения, которые связывают модели с «описанными феноменами».

Увлечение современных рискологов герменевтикой, проблемами понимания, интерпретации рискологического действия являются следствием недооценки этих проблем в прошлом. Однако поиски в этих направлениях не могут привести к разработке адекватной дефиниции риска, так как они представляют лишь отдельные звенья общей цепи дополненности рискологической методологии. Методологическое объединение рискологии может быть достигнуто лишь тогда, когда рискологи серьезно воспримут утверждение о том, что разнообразие рискологических методов потенциально отражает дополняющие друг друга деятельности, а не фундаментальные различия, не разрешимые в перспективе. Принимая такое утверждение, рискологи должны признать, что любая основа для унификации требует понимания предмета рискологии с точки зрения как структуры риска, так и активного действия индивидов. Если теории овеществляют один из этих аспектов, тогда эмпирические данные будут продолжать отражать реификацию – и рискология останется фрагментарной дисциплиной.

Проведенный методологический анализ научной структуры рискологии показывает, что риск является исключительно важным предметом исследования для философии, поскольку она выявляет существенные и отличительные признаки риска, а риск проясняет природу самой философии.

В философской литературе риск рассматривается с онтологической, эпистемологической и моральной точек зрения³. Первая точка зрения

означает вопрос об объективном существовании риска как бытия вещи-в-себе в мире и, следовательно, о его онтологической первичности относительно эпистемологической познаваемости. Этот вопрос не имеет окончательного решения. Философская рискология призвана решить несколько онтологических задач, связанных с общим определением социальной реальности как объективной сферы социальных наук.

Первая задача – попытаться ответить на вопрос о возникновении и оформлении рискогенной реальности в единой реальности. Она решается через соотнесение с природной и антропологической реальностью. Подходы к решению этой задачи определяются общей философской позицией – онтологической схемой, эпистемологическими воззрениями, пониманием философско-антропологической проблематики.

Вторая задача – постичь фундаментальное строение рискогенной реальности, определить ее базисные элементы, постулируемые как объективный ориентир социально-научного познания. В качестве элементов фундаментального строения утверждаются, прежде всего, общесоциологические категории – институциональные структуры и человеческая агентность, индивидуальная и коллективная, как способность человека поддерживать и изменять эти институциональные структуры с той или иной степенью риска. При этом именно постижение агентности считается делом философии. Институциональные структуры в их данности воспринимаются преимущественно как сфера изучения социальных наук, в первую очередь социологии. Следует подчеркнуть, что по объему внимания и интереса вторая задача значительно превосходит первую, о чем свидетельствует многочисленная и многообразная зарубежная и отечественная литературы по социально-философским аспектам рискологии⁴.

Работы Ю. А. Кимелева, Н. Л. Поляковой, И. Иохансона, Дж. Серля, Б. Андре, Ю. Хабермаса, М. Холлиса, Б. Миттельштрауса, А. Розенберга, Д. Рубена, Д. Бейбука и других методологов показывают, что в социальных науках и в философии социальных наук фактически господствует предпосылка, в соответствии с которой социальная реальность есть нечто автономное, что может служить исходной онтологической данностью или неким общим фоном социально-научного и философского анализа. Поэтому считается, что можно сразу же переходить к рассмотрению в той или иной форме второго компонента – базисного строения социальной рискогенной реальности. Научный принцип дополнительности показывает, что указанные задачи целесообразно рассматривать в единстве. Первая может восприниматься как важнейшее условие возможности решения второй, а вторая – как закономерное дополнение и продолжение первой. Иначе говоря, устремление

онтологии социальных наук, как ее разрабатывает философия социальных наук, не будет в полной мере достигать своей цели при игнорировании вопросов о месте социальной рискогенной реальности в единой реальности: так как, во-первых, упускается возможность наиболее глубокого постижения социальной реальности; во-вторых, не используется важнейший ресурс спецификации рискогенных реалий, связанный с общей онтологической схематикой.

Кроме онтологической, второй философской категорией релевантности риска является эпистемология, где риск выступает мерой знания и незнания, т. е. риск превращается в предмет и орудие познания. В современных рискологических исследованиях существует большая неопределенность и хаотичность по многим вопросам методологии, что в значительной мере подрывает их практическую и теоретическую познавательную эффективность. Источники существования актуальных эпистемологических проблем в рискологии, с одной стороны, вызваны сложностями природного и социального мира, а с другой – конфликтами внутри дисциплины между представителями различных ориентаций. Проблемы построения точных рискологических теорий и получения надежных данных порождаются следующими обстоятельствами: чрезвычайной сложностью социальных процессов, наличием множества не связанных между собой переменных и трудностями их измерения, быстротой изменения общественной жизни, многообразием типов деятельности людей, неопределенностью происходящих событий, наконец, отсутствием должной коммуникации между различными социальными науками. Следует иметь в виду также и проблемы, возникающие в процессе взаимоотношений между «заказчиками» и «исполнителями», связанные с финансированием исследований и определением их задач.

Второй круг проблем вызван продолжающимися столкновениями между сторонниками и противниками использования естественно-научных приемов познания в социальных науках. Следует указать, что типичной для рискологии является ситуация детерминации изучаемых фактов множеством других, поэтому и изучаемое явление имеет, как правило, одновременно несколько различных объяснений. Трудности усугубляются тем, что нет твердых оснований для предпочтения одних объяснительных переменных другим, и для сбора данных (в случае с мультивариационной причинностью) обычно используют различные статистические процедуры. Одно из главных затруднений заключается в том, что в социальном рискологическом исследовании, в отличие от физических наук, невозможно осуществить прямое измерение изучаемых явлений, всегда требуются определенные теоретические допущения, касаю-

щиеся их содержания, и эти допущения по-разному формулируются учеными. Например, в случае изучения рискогенной природы дискриминации, прежде всего, встает проблема операционального определения понятия через наблюдаемые признаки, ассоциирующиеся с различными типами социального неравенства. Но для того чтобы объяснить простейший тип дискриминации, например, возникающий при приеме на работу, приходится вводить довольно много факторов, а также учитывать дополнительные переменные, вызывающие ошибки измерения. Далее следует учитывать внутренние связи между переменными, скажем, между образованием и опытом работы, которые воздействуют на дискриминацию. Отмеченные трудности ставят исследователя перед проблемой: насколько допустимо упрощать реальность, чтобы получить точные ответы на поставленные вопросы.

Одной из важных задач социально-методологического исследования является проведение долговременных и сравнительных исследований, результаты которых могут быть использованы для построения динамических моделей, дающих возможность предсказывать социальные риски. Однако здесь возникают свои эпистемологические затруднения, вызванные такими обстоятельствами, как возможность ложного отождествления ошибок измерения с незначительными социальными изменениями, ненадежность данных, относящихся к прошедшим историческим периодам, трудности установления истинных причин событий, действие множества неучтенных факторов и др.

Среди дискуссионных вопросов *социального познания рисков* выделяется, прежде всего, проблема различных отклонений от норм «научного этоса» в рискологии. В условиях продолжающейся конфронтации различных школ их сторонники не прилагают усилий для интеграции, отсутствует стремление к созданию единого рискологического словаря. Состояние терминологической путаницы становится нормой, преодолеть которую призвано определение риска как возможности индивидуального или коллективного действия, вызывающего нежелательные последствия. Это определение риска как воздействия неопределенности на цели, приводящего к нежелательным последствиям, предложено в 2009 г. международным комитетом из 30 стран, и оно основывается на очень разных дефинициях риска, предложенных несколькими тысячами экспертов-специалистов в областях естественно-научных и гуманитарных дисциплин, например, «риск есть нежелательное подмножество множества неопределенных последствий»⁵.

Следует отметить необходимость достижения согласия по ключевым вопросам методологии и подчеркнуть значение совершенствования организационной и эпистемологической структуры

дисциплины. Главная задача состоит в том, чтобы направить усилия на создание «кумулятивной парадигмы» эмпирически верифицируемых теорий, состоящих из универсальных утверждений, применимых к конкретным социальным рискогенным обстоятельствам. В качестве позитивных шагов можно предложить следующие: 1) сосредоточить усилия на изучении обобщенных социальных рискогенных процессов, которые могут анализироваться в терминах утверждений, не привязанных к специфическим пространственно-временным координатам, аналогичных тем, которые имеются в социальной и общей психологии; 2) больше внимания уделять вопросам измерения и концептуализации, добиваясь создания единого словаря терминов; 3) акцентировать внимание в равной мере на изучении как обобщенных, так и частных рискогенных социальных процессов; 4) ликвидировать разрыв в описании и сборе данных между представителями различных школ и направлений; 5) найти способы стимулирования деятельности тех ученых, которые работают над проблемой аккумуляции рискологического знания.

Другое направление выхода из кризисной ситуации состоит в том, чтобы совершенствовать набор научных норм, предназначенных для улучшения коммуникации внутри дисциплины, а также между различными социальными науками, оперирующими понятием риска. Критика должна быть доброжелательной и подчеркивать важность добросовестного исследования и предоставления обоснованных аргументов и выводов, недопустимы искаженные оценки и идеологические обвинения со стороны конкурирующих школ.

Третья категория есть категория моральной философии или этики, которая исследует нравственность риска и отождествляет его с фундаментальными этическими понятиями – такими как справедливость, права, выбор, польза, долг и добродетель. Здесь один из ключевых вопросов – это вопрос о моральной приемлемости риска как вероятности, практических последствий, целесообразности и масштаба риска. В области рефлексивной рискологии как конструирования теоретических моделей решающее значение имеет личный опыт исследователя. Этим объясняются значение ценностных концепций в рискологическом анализе, роль воображения, ценностей и чувства в процессе конструирования рискологических моделей. Но для этого необходимо более точно определить место, занимаемое этими компонентами, ибо риторические призывы к воображению, ценности и чувству ведут лишь к утопическому индивидуализму, архаичному сегодня.

В этой связи уместно ввести понятие репрезентативного опыта и репрезентативной ценности. Хотя личный опыт рисколога и его ценностные установки влияют на процесс конструирования теоретических схем, для того чтобы они были

усвоены, они должны быть репрезентативны и находить отклик у современников. Все крупные рискологические теории (У. Бека, Э. Гидденса, Ю. Хабермаса) являются синтезом репрезентативного опыта и репрезентативной ценности. Репрезентативный опыт идет дальше частного локализованного, хотя и intersubjectively: он связывает личные и общественные проблемы. Репрезентативный опыт должен опираться как на исторический, так и на личный и опыт современников. Ценность также не является выбором рисколога: она представляет собой конечный продукт репрезентативного опыта. Усвоение репрезентативного опыта предполагает вместе с тем усвоение ценностей и моральных установок социальной жизни.

Говоря о специфичности рискологических теорий, в отличие от других научных, уместно обратить внимание на то, что в противоположность большинству логических интерпретаций природы рискологического исследования рискологические теории не отвергаются, а игнорируются. Они исчезают тогда, когда перестают быть связанными с основанным на взаимодействии опытом тех, чье поведение они намерены объяснить. Рискология, по нашему мнению, является «моральным продуктом» своего времени. Она оформилась как с точки

зрения своих концепций, так и с точки зрения своих методологических принципов в русле традиции, признающей особое значение ценностей. В этом ценность рефлексивной (философской) рискологии⁶. Философия видит в риске проблему: она смотрит на риск глазами онтологии, эпистемологии и морали. Риск есть онтологический объект, есть подход к познанию и субъект с весомым нормативным потенциалом. Его нельзя игнорировать, и он еще не понят.

Примечания

- ¹ См.: *Thompson P. B.* The philosophical foundations of risk // *Southern J. of Philosophy.* 1986. № 24(2). P. 273–286.
- ² См.: *Althaus U.* A Disciplinary Perspective on the Epistemological Status of Risk // *Risk Analysis.* 2005. Vol. 25, № 3. P. 96–104.
- ³ См.: *Кимелев Ю. А.* «Субъект» и «субъективность» в современной западной социальной философии». М., 2006. 96 с.
- ⁴ См.: *Althaus U.* Op. cit. ; *Полякова И. Д.* XX век в социологических теориях общества. М., 2004. 384 с.
- ⁵ *Hubbard D.* The Failure of Risk Management : Why It's Broken and How to Fix It. L., 2009. 76 p.
- ⁶ *Hansson S. O.* What is philosophy of risk? // *Theoria.* 1996. Vol. 62(1–2). P. 169–186.

УДК 111

В ЧЁМ ИМЕННО СОМНЕВАЕТСЯ ДЕКАРТ?

М. А. Богатов

Саратовский государственный университет
E-mail: m_bogatov@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению онтологических установок Декарта, а именно – его сомнению. Следуя указанию Гуссерля, автор предлагает подвергнуть более внимательному анализу традиционный метод мыслителя.

Ключевые слова: Декарт, онтологические установки, сомнение, метод.

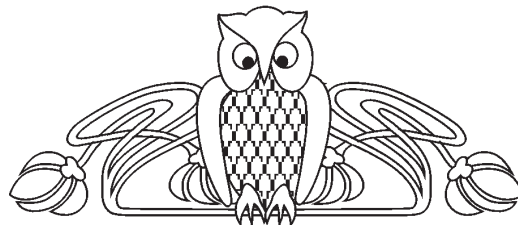
In what Descartes Doubts?

М. А. Bogatov

The article considers the ontological systems of Descartes, namely his famous point of doubt. Following the instructions of Husserl, the author proposes to make a careful analysis of the traditional method of a thinker.

Key words: Descartes, ontological setting, doubt, method.

Декарт со своим «методом сомнения» занимает такое прочное место одного из основателей философии Нового времени (и всей последующей), что никто не может поставить под сомнение

значение данного мыслителя. Будучи вписанным в линию исторической преемственности, Декарт выполняет функцию перехода от схоластического способа мыслить к сугубо научному. При этом к его достижению относится именно последовательное и строгое подведение к фундаменту науки логических «фактов» и норм, усмотрение которых уже не требует обращения к авторитетам Церкви. Во второй половине XIX в. в европейской философии одним из модных способов рассмотрения предшественников стал психологизм. Изначально выступая против психологизма, стали известными такие школы философии, как феноменология и школа логического анализа. «Пересобрав» психологическое толкование Декарта и других философов на лад собственного понимания «строгой науки», феноменология и школа логического анализа предъявили миру «нового Декарта» – как и прежде, основателя науки, но уже не науки

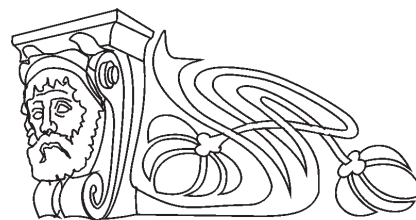

УДК 141.336

ФИЛОСОФСКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНА СУФИЗМ

А. Р. Бедрицкая

Саратовский государственный университет
E-mail: abla84@mail.ru

Статья посвящена лингвистическому исследованию понятия «суфизм». Рассмотрено множество значений этого понятия, исходя из которых выявлено его определение. Этимологический и философский анализ терминов *суфизм* и *тасаввуф* показал смысловое различие данных понятий. Генезис понятия «суфизм» многогранен и неоднозначен.

Ключевые слова: суфизм, тасаввуф, зухд (аскетизм).

Philosophical and Linguistic Analysis of the Term «Sufism»

A. R. Bedritskaya

Article deals with the linguistic analysis of the concept of Sufism. Different meanings of the notion discussed and a proper definition educed. Etymological and philosophical study of the terms «Sufism» and «Tasawwuf» shows conceptual difference between these two concepts. Genesis of the notion Sufism is complex and multifaceted.

Key words: sufism, tasawwuf, zuhd (asceticism).

Суфизм является основной формой мистико-аскетического направления в исламе. Этимологическое происхождение данного понятия неоднозначно. Следует отметить, что сложность в изучении суфизма состоит, прежде всего, в том, что среди его исследователей не существует единого мнения о времени его происхождения. Разбирая проблему этимологического значения понятия «суфизм», мы сталкиваемся с разнообразием ее решений.

Можно выделить два основных корня происхождения понятия суфизма, которые встречаются во многих трудах как отечественных, так и зарубежных: «суф» (صوف) – шерсть, «сафа» (صفا) – чистота. Множество значений понятию «суфизм» дают такие ученые, как А. Д. Кныш, Хаттар Мухаммад, Хасан Камиль Йылмаз и другие. Самые распространенные теории о происхождении термина «суфизм» таковы: «сафа» (صفا) чистота (автор подчеркивает в словаре, что речь идет о душевной чистоте); «суф» – шерсть, «сафват» – отборное, «сыфат» – качества, «аусс» – мудрость, «саффа» – первый ряд, «суффа» – люди навеса, «суфатуль-кафа» – волос с затылка.

«В словарях арабского языка называют слово «суф» шерстью и употребляют его в смысле «отклонения», «отхода» <...> У некоторых ученых понятие суфизм склоняется от суф (шерсть), а у других это слово производное, в котором не присутствует для него сравнения, и не при-

сутствует заслуженность в арабском языке»¹. Если разбирать термин «сафа» – чистота, можно предположить, что в данном контексте имеется в виду как чистота телесная, так и духовная. Но существует ли связь между понятиями «шерсть» и «чистота»? В первом случае речь идет об отказе от материальных благ, т. е. об аскетическом (духовном) существовании, во втором случае – о чистоте, в первую очередь духовной. Отсюда следует, что понятия «чистота» и «шерсть» как значения термина суфизм имеют общий смысл.

В свою очередь, «сафват» – отборное имеет смысл избранности; «сыфат» – лучшие качества человека; «первый ряд» – избранность, совершенство по сравнению с другими, избранность заключалась в том, что суфии раньше всех приходили в мечеть, во время молитвы, образуя первый ряд.

«Люди навеса» – неимущие люди, которые жили в мечети: так именовались некоторые бедняки из числа первых мусульман, не имевшие своего крова и жившие в пристройке, прилегающей к первой мечети (Мечети Пророка) в Медине и представлявшей собой скамью с перекрытием. «Волос с затылка» – люди, которые не придавали значения внешнему виду, в частности волосам.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что все перечисленные значения имеют общий смысл. Условно все понятия можно поделить на три группы:

1) значение «избранности»: «сафват» – отборное, «сыфат» – качества, «саффа» – первый ряд;

2) значение «бедности»: «суф» – шерсть, поскольку грубый шерстяной плащ считался обязательным атрибутом аскета-отшельника; «суффа» – люди навеса, «суфатуль-кафа» – волос с затылка.

3) значение «духовности»: «сафа» (صفا) – чистота, прежде всего речь идет о духовной чистоте; «аусс» – мудрость.

Исходя из подобных интерпретаций теорий происхождения «суфизма», можно дать ему определение: *суфизм* – аскетическое течение в исламе, приверженцы которого уделяли особое внимание духовной стороне жизни, отказываясь от материального, желая достичь совершенства в своих качествах для приближения к Аллаху.

Важно отметить, что стоит за понятием «аскетизм» в исламе: на арабском «аскетизм» –

زهد – зухдун, такой же корень имеет слово «умеренность» – زهادة. Эти понятия тождественны, соответственно аскетизм в исламе это, прежде всего, умеренность. «Зухд – забвение в сердце всего, кроме Аллаха, а также безразличное отношение к материальным прелестям земной жизни и проведение всего времени в молитвах. В суфизме зухд – это аскетизм»².

Из вышесказанного следует, что аскетизм в исламе это не только отказ от материального, но, прежде всего, отношение к этому материальному. К числу высказываний, имеющих отношение к истолкованию понятия «отречение», относятся слова Вахба бин аль-Варда: «Отречение от мира состоит в том, чтобы ты не горевал о мирском, которое ты упустил, и не радовался тому мирскому, которое пришло к тебе»³. Отречение от мирского подразумевает не буквальное значение, а скорее безразличное отношение к этому мирскому.

Кроме термина «суфизм» по отношению к аскетам использовали прозвища «мудрецы» – хакимы, «гностики» – арифы, «бедняки» – факиры, «дарвиши», «аскеты» – захиды. Впоследствии прозвище «суфий» – шерстящик укоренилось и превратилось в самоназвание тех, кто посвятил свою жизнь самосовершенствованию и мистическому поиску в исламе.

В труде «Суфизм. Убеждение и путь» Сабира Тугайля встречается предположение, что слово суфизм лишено этимологии и представляет собой сочетание звуков «с», «у», «ф», вызывающее определенные психофизиологические реакции. Термин صف «саффа» – первый ряд – предполагает, что данное понятие лежит в основе названия суфиев, поскольку они – в первых рядах мусульман, в первых рядах тех, кто служит Аллаху.

Если значения «чистота» и «шерсть» вызывают сомнения в правдоподобности их этимологической близости слову «суфизм», то понятие «ряд» не вызывает даже сомнений – это слово не является этимологическим смыслом суфизма. «Абу Хурайра сообщил, что Посланник Аллаха, мир ему и благословение Аллаха, произнес: “Если бы люди знали, что можно обрести за исполнение призыва на молитву и за стояние в первом ряду, то потом, если бы у них не осталось иного выхода, кроме жеребьевки, они конечно бы прибегли к ней”»⁴.

В данном хадисе пророк Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует)⁵ рассказывает, насколько важно для мусульман во время молитвы расположиться в первом ряду. Исходя из этого, каждый мусульманин старается прийти пораньше в мечеть, чтобы успеть занять первый ряд, это свойственно всем мусульманам, а не является отличительной особенностью суфиев.

Также используется словосочетание «ахл ас-суффа» (люди скамьи) как источник проис-

хождения термина «суфизм», которое обозначало праведных, но неимущих сподвижников Пророка (да благословит его Аллах и приветствует).

Генезис понятия «суфизм» многогранен и неоднозначен: из всех рассмотренных в данной работе этимологических предположений сложно выделить одно как основное. Если рассматривать понятие «сафа» (صفاء) – чистота, думается, вряд ли могли окружающие суфиев люди так их называть, так как большинство к ним относились негативно; другое предположение связывается со словами «суфатуль-кафа» – волос с затылка – люди, которые не придавали значения внешнему виду, в частности волосам, а также со словом «сафф» – ранг, указывающее на то, что суфии относились к разряду наиболее праведных.

Аскеты в исламе не уделяли особого внимания физическому очищению, внешнему виду, но в данной религии физическая чистота неразрывно связана с духовной. «Абу Малик Аль-Ашария сказал: «Посланник Аллаха (мир ему и благословение Аллаха), сказал: “Чистота – половина веры”»⁶. Аргументом в пользу того, что физическая чистота не менее важна, чем духовная, служит омовение перед совершением каждой молитвы, а молитва читается минимум пять раз в день, т. е. перед духовным очищением используется физическое очищение.

Тауфик Ибрагим, доктор философских наук, профессор перечисляет все существующие предположения, касающиеся этимологии термина «суфизм», но добавляет нечто новое, что не встречается у остальных ученых, исследующих этимологию этого понятия: «...термин “аусс”, который был известен арабам и до Ислама, обозначая христианских аскетов, прежде всего арабов-несториан, которые обычно облачались во власяницу при вступлении в монашество»⁷. Отсюда следует доказательство о значении в этимологии слова «суфизм» – «шерсть» – власяница.

У каждой гипотезы этимологии слова «суфизм» есть как опровержения, так и слабые доказательства, поэтому сложно остановиться на одном из перечисленных значений. Каждое предположение имеет право на существование, но не одно из них не имеет точного, обоснованного доказательства, отсюда и появляются колоссальное число гипотез.

Слова «суфизм» и «шерстяной» имеют идентичное написание в арабском языке – صوفي.⁸ Исходя из этого, можно предположить, что термин произошел от слова «шерсть».

Необходимо обратить внимание на языковую составляющую происхождения термина «суфизм». Существует мнение, что понятие «суфизм» происходит от греческого «софос» – мудрость. Данное предположение лишено каких-либо доказательств, более обоснованными представляются арабские корни.

Что такое тасаввуф? Во всех трудах по суфизму применяется термин «тасаввуф» в качестве тождественного суфизму понятия. Подобная позиция отражается в заключении Ахмада Абдурашидова о том, что «... наука, касающаяся нравственности, называется тасаввуфом или, иначе говоря, суфизмом»⁹. Существует мнение, что значение слова «тасаввуф» определяется по буквам: буква «та» – тавба (покаяние), «сад» – сафа (чистота), «вав» – вилайт (приближенность к Аллаһу), «фа» – фана (растворение в Аллаһе).

Возникает вопрос, откуда берется понятие «тасаввуф» и как оно соотносится с термином «суфизм»? Ответ, прежде всего, надо искать в грамматике арабского языка. В слове «тасаввуф» добавляется буква «та» – ت к слову «суфизм», и получается слово «тасаввуф». В термине «суфизм» используются три буквы: «с» – ص, «в» – و, «ф» – ف; а в слове «тасаввуф» используются те же три буквы, но с добавлением буквы «та» – ت к началу слова. Что же придает слову прибавление буквы «та»? Слово становится отглагольным существительным. Например, слово «кабара» – كبر – означает «быть великим», но при добавлении к этому слову «та» получаем «такбир» – تكبير – «возвеличивание». Слово «тасаввуф» как отглагольное существительное произошло от глагола «тасавафа» – صوف – в переводе с арабского языка «становиться суфием», соответственно, «тасаввуф» (تصوف) означает «становление суфием», т.е. существительное, которое обозначает действие, процесс «становления суфием».

Если исходить из слова «шерсть» в этимологии термина «суфизм», то глагол тасавафа будет означать – «облачиться в шерстяное одеяние». Отсюда следует отглагольное существительное тасаввуф – «привычка ношения шерстяного одеяния».

В «Большом арабско-русском словаре» Х. К. Баранова приводятся как суфизм, так и тасаввуф: «тасаввуф» – تصوف – в переводе с арабского «суфизм»; «аль-суфия» – الصوفية – в переводе «суфизм, мистицизм». Необходимо разграничи-

вать эти понятия: суфизм – это существительное, которое обозначает явление, т.е. суфизм рассматривается как направление в исламе, а тасаввуф – отглагольное существительное, обозначающее действие, процесс становления суфием.

Следует отметить, что суфизм представляет собой один из тех исторических феноменов, интерес к изучению которого неуклонно возрастает. Показателем этого служит появление большого количества суфийской литературы, художественных и документальных фильмов на данную тематику, видеолекций шейхов (наставников). На богословских факультетах университетов Турции вводится предмет «Тасаввуф», та же ситуация во многих исламских университетах Северного Кавказа. Все это убедительно доказывает необходимость исследования этимологического происхождения понятия «суфизм», разграничения терминов «суфизм» и «тасаввуф» для построения более правильного представления о таком явлении, как *суфизм*.

В целом проведенное исследование не только позволило решить поставленные задачи в разработке темы, но дало возможность обнаружить ее сложность и перспективность для дальнейшего исследования.

Примечания

- ¹ د. صابر طعيمة الصوفية معتقدا و مسلکا. الرياض، 1985، ص. 19.
- ² Айдын Ариф оглы А. Исламский энциклопедический словарь. М., 2007. С. 127.
- ³ аль-Буга М. 40 хадисов имама ан-Навави. М., 2001. С. 351.
- ⁴ Сахих Муслим. Казань, 2006. С. 133.
- ⁵ Употребляется после имени пророка Мухаммада.
- ⁶ Сахих Муслим. С. 80.
- ⁷ Тауфик И. Классический суфизм // Минарет. 2007. № 2–3. С. 5.
- ⁸ См.: Баранов Х. К. Большой арабско-русский словарь : в 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 451.
- ⁹ См.: Абдурашидов А. Истоки суфизма // Ислам. 2008. № 1(18). С. 62.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 172.1

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТРАДИЦИИ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

П. А. Андрияков

Саратовский государственный университет
E-mail: rashodniki-sar@rambler.ru

В статье рассматриваются онтологические основания традиции с позиции социальной философии; анализируются основные характеристики традиции, а также выделяются социально-философские подходы – институциональный, коммуникационный и структурно-функциональный, в рамках которых происходит концептуализация традиционалистской проблематики.

Ключевые слова: традиция, история, прошлое, социальный институт, средства массовой коммуникации.

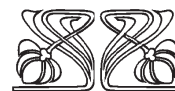
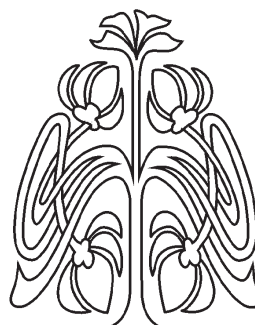
The Ontological Bases of Tradition in a Mirror of the Social-Philosophical Analysis

P. A. Andryakov

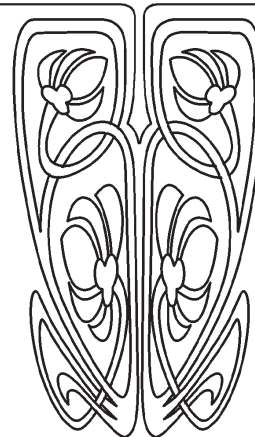
Article considers the ontological bases of tradition from social philosophy position. Author analyzes the basic characteristics of tradition, and also social-philosophical approaches – institutional, communication and structurally functional, in which frameworks conceptualization of traditional problematic occurs.

Key words: tradition, history, past, social institute, mass media.

Термин «традиция» относится к числу наиболее употребимых в гуманитарных науках, но при этом систематических исследований, посвященных категориальному разбору данного понятия, методологическим основаниям его использования и границам применения практически нет. Как справедливо отмечает Е. Шацкий, «в современной литературе мы имеем довольно широко распространенное убеждение в необходимости теории традиции, но не имеем такой теории»¹. Возникновение исследования традиции в XX в. не являлось простой случайностью, а логически вытекало из тех методологических изменений, которые происходили во всем комплексе гуманитарных наук. Кризис позитивистских методов исследования прошлого поставил под удар критики и те теоретические предпосылки, на которых базировалась позитивистская историография, а именно – идеи исторической изменчивости и социального прогресса. По мнению современного отечественного исследователя, «возникшие в XX веке психоаналитические, антропологические, структуралистские методы осмысления социально-исторической реальности расшатали прежние представления о социальном и историческом факте. Воспользовавшись этим, традиционалисты заговорили о неспособности современной европейской науки создать представление об объективности и связанности исторического процесса. Эти выводы опирались на следующие аргументы: история современных истори-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ков, утратив всякий смысл и цель, превратилась в труп, который, в конце концов, погребет под собой какой бы то ни было смысл исторических исследований; потеряв свою смысловую компоненту, историография неизбежно превратится в игру досужего воображения, а ее проблемное поле – в набор псевдопроблемных тем или сюжетов; для гальванизации трупа истории будут привлечены эстетические средства»².

В обыденном понимании традиция зачастую отождествляется с другими формами репрезентации прошлого – памятью, менталитетом, историей, но социально-философский анализ данного понятия должен основываться на формулировании онтологических оснований традиции, выделении основных ее черт и обозначении отличий от схожих категорий. Само понятие традиции, согласно Д. Лоуэнталь, основывается на акцентуации таких черт, как *изначальность* и *преемственность*.

Изначальность придает вещам значимый онтологический статус, поскольку выражает происхождение, исток определенных обычаев и способов поведения. При этом важной чертой является максимально возможное отдаление эпохи возникновения традиции от современности, поскольку в этом случае ее существование оказывается освящено отдаленностью, когда сама длительность является залогом ее успешности. «Дистанцированность очищает прошлое от личных привязанностей и делает его объектом всеобщего почитания, что придает достоинство и величие тем далеким временам, утраченным с тех пор, как безыскусные и близкие старые добрые дни канули»³. На стремлении к максимальному удалению в прошлое построены многие социально-политические мифы, подробное исследование которых не входит в рамки данной статьи⁴.

Но одной отдаленности недостаточно для того, чтобы признать существование традиции, поскольку в этом случае любой исторический факт может рассматриваться в качестве источника последующей социальной стабильности. Для возникновения традиции необходимо, чтобы между различными стадиями исторического развития существовала определенная преемственность: последующие артефакты должны содержать отсылки к более древней истории, что подтверждает существование традиции, делает ее живой, непосредственно одухотворяющей деятельность современных поколений. Предельное воплощение традиционализма состоит в том, что любое современное событие является повторением уже сделанного когда-то, следствием изначально заложенных причин.

Стоит отметить и другое свойство традиции, на которое обращает внимание английский исследователь: «Стабильность и перемены одинаково важны. Мы не можем жить и действовать без

привычного окружения и связей с осознаваемым и понятным прошлым. Но мы также не можем действовать до тех пор, пока не трансформируем или заменим чем-то другим унаследованные реликвии»⁵. Традиция как символ стабильности в рамках субстанциального понимания является обратной стороной стремления к новому, вступая с инновационными тенденциями в диалектический процесс взаимозависимости и взаимовлияния.

Даже Ф. Ницше, указывавший на потребность прогресса в непрерывном обновлении и отказе от достижений прошлого, в то же время не просто не отказывался от традиции в социальном процессе, но, с точки зрения современных представителей традиционализма, является одним из основоположников данного направления. По его словам, «так как мы непременно должны быть продуктами прежних поколений, то мы являемся в то же время продуктами и их заблуждений, страстей и ошибок и даже преступлений, и невозможно совершенно оторваться от этой цепи»⁶. При этом особенностью ценностных устремлений традиционалиста является идеализация прошлого, его восприятие в качестве образца для подражания. Подобная идеализация может обладать положительным эффектом, если трансляции подвергаются те черты прошлого, которые обладают эвристическим потенциалом, могут применяться в изменившейся социальной действительности. С другой стороны, существуют и отрицательные последствия: условия функционирования общества могут измениться столь кардинально, что следование нормам прошлого приведет к возникновению кризисной ситуации. Традиция сама по себе этически нейтральна, поскольку может способствовать как стабилизации социального порядка, так и его дестабилизации.

Нормальное функционирование социальных процессов подразумевает, как подчеркивает Д. Лоуэнталь, двойственное отношение к прошлому: во-первых, стремление позаимствовать наиболее ценные образцы, во-вторых, перейти от простого копирования к переосмыслению и трансформации⁷. В первом случае любая инновация воспринимается как отход от привычного, гарантирующего социальную стабильность порядка вещей. Делая упор на сохранении уже существующего, традиция и основывающаяся на ней система мировоззренческих установок и идеологем, получившая название «традиционализм», ставят под вопрос идею социального процесса как прогрессивного изменения, улучшающего и совершенствующего условия человеческого существования. В этом смысле традиция противостоит утопическому мышлению, подвергая сомнению возможность создания не только идеальных, но более совершенных относительно уже имеющихся социального устройства, порядка вещей и артефактов.

Вместе с тем понимание преемственности и изначальности определенных социальных действий, установлений и норм ставит вопрос: чем определяется их неизменность, благодаря чему осуществляется сохранение определенных референтов прошлого в настоящем? Ответы на данный вопрос позволяют выделить основные социально-философские подходы к традиции, определить их специфику и проанализировать различия в трактовке отдельных моментов механизма сохранения исторического наследия.

Институциональный подход (Э. Норт) сосредоточен на закреплении традиции в определенных организационных структурах и ответственности данных структур за воспроизводство существующего социального порядка.

Под социальным институтом понимаются исторически сложившиеся формы организации и регулирования общественной жизни, обеспечивающие выполнение жизненно важных для общества функций, включающие совокупность норм, ролей, предписаний, образцов поведения, специальных учреждений, систему контроля⁸. Под широкое определение социального института подходят и ценностные установки, определяющие неформальные отношения в рамках социального сообщества, поэтому следует уточнить, что под социальным институтом в узком смысле должны пониматься социальные организации, официально распределяющие социальные роли.

Организация – это институциональный ответ на социальную потребность, а спецификой социальных ролей является их относительная независимость от индивидов, так как содержание ролей определяется и изменяется обществом. Роли по отношению к индивиду носят обязательный характер и предполагают санкции за нарушение ролевого поведения⁹. Важным обстоятельством функционирования любого социального института является его направленность на воспроизводство существующего ролевого распределения, но изменение существующего социального порядка приводит к невозможности выполнения институтом возложенных на него обществом функций. Таким образом, попытка тесно увязать инерционную деятельность социальных институтов с сохранением традиции приводит к значительному сужению её понимания, исключая из сферы рассмотрения те типы общественного устройства, в которых институционализация не оказалась выражена.

Коммуникационный подход к традиции (Д. Зильберман, Е. Шацкий) поставил во главу угла потребность в технологических средствах передачи информации, причем эффективно функционирующая совокупность этих средств и создает условия для трансляции традиционалистских ценностей, обеспечивает социальную стабильность. Е. Шацкий отмечает, что в полной

мере господство традиции оценено только для архаических обществ, в которых господствовала бесписьменная коммуникация, не позволяющая задать точку отсчета для характеристики исторической изменчивости¹⁰. Но убеждение в том, что традиция возможна только в обществах с устной формой коммуникации, является заблуждением. Создание письменности не привело к отказу от традиции, а способствовало ее расчленению, выделению различных вариантов сохранения исторического наследия.

Дело в том, что при устной коммуникации возможность передачи информации обусловлена только межличностным общением, при этом само прошлое предстает однородным и неизменным, лишенным внутренней дифференциации на различные эпохи. Письменность привносит в понимание традиции новые характеристики. «Опосредованность передачи создает необходимость постоянной интерпретации прошлого и делает возможным различное его понимание. Множественность передач создает ситуации, в которых они друг другу противоречат: нужно между ними выбирать, а их достоверность уже не столь очевидна»¹¹. Фиксация определенных моментов в историческом процессе делает прошлое принципиально неоднородным, ставя, по сути, индивида перед выбором – какое прошлое и какую традицию он должен сохранить. В зависимости от совершенного индивидом ввиду социальных и политических условий выбора происходит «отсеивание» одних традиций и сознательное поддержание других.

Структурно-функциональный подход к традиции выражен в трудах С. Эйзенштадта. В своей работе «Революция и преобразование обществ» он анализирует суть традиции, используя понятия «легитимность» и «символическое содержание». «Традиционная легитимизация опирается на принятие некоей фигуры, события или порядка прошлого (реального или символического) в качестве средоточия коллективной идентичности, указателя пределов и характера социального и культурного порядка»¹². Опираясь пространственными категориями, автор утверждает, что традиционная легитимность, направленная на стабилизацию существующего порядка, является продуктом центра политической силы, стремящегося ограничить доступ представителям периферийных сил к наиболее престижным позициям. Вместе с тем символический раскол между представителями центра и периферии приводит к нарастанию напряженности и конфликтности в социальных контактах. Исходный выбор в качестве источника традиционной легитимности некоего мифа, носящий зачастую характер творческого акта, предполагает возможность замены онтологического основания традиции на прямо противоположное.

Многообразие символов делает возможным и многообразие потенциальных традиций. В этом случае традиция становится орудием в руках определенных политических сил, выступая в качестве стратегии выстраивания различных отношений (от конфликтогенных до союзнических) в структуре социального пространства.

Подводя итоги рассмотрению онтологических оснований традиции, можно отметить, что существует несколько социально-философских подходов, определяющих выбор того или иного элемента социальной реальности в качестве источника значимости и преемственности традиции.

С точки зрения *институционального подхода*, традиция базируется на деятельности определенных социальных институтов, целью которых является сохранение и воспроизводство норм и ценностей прошлого, причем социальная стабильность выступает в качестве базовой ценности и одновременно – главного условия сохранения традиции. Недостатком такого подхода является подчеркивание тесной взаимосвязи традиции с определенными институциональными структурами, причем сохранение традиции ставится в зависимость от эффективности данных институтов.

Коммуникационный подход рассматривает традицию как совокупность технических средств, позволяющих обеспечить сохранение социально значимой информации и ее последующее воспроизводство. Наиболее существенным различием в способах трансляции исторического наследия представляется, с точки зрения коммуникационного подхода, изменение господствующих типов коммуникации. При этом меньшее внимание уделяется социально-политическим условиям поддержания или забвения традиций.

Структурно-функциональный подход рассматривает традицию в качестве способа легитимации власти, применяемого в случае сочетания определенных социальных, политических и символических факторов. Внимание к традиции и ее использование порождаются отношениями напряженности и разрядки внутри социальной системы, поэтому можно говорить о том, что

традиция становится механизмом актуализации определенных политических противоречий. В этом смысле структурно-функциональный подход аналогичен кардинальному переосмыслению онтологических оснований традиции и переходу от субстанциального понимания традиции к социальному конструктивизму.

Характерным является то, что при субстанциальном понимании традиции как непрерывного, последовательного процесса сохранения прошлого в качестве источника социальной стабильности происходит синонимизация понятий традиционализма и консерватизма. Такое отождествление, на первый взгляд, кажется оправданным, но представляется не совсем верным и нуждается в последующем уточнении, что является перспективной дальнейшей работы.

Примечания

- ¹ Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. С. 211.
- ² Макаров А. И. Традиция против истории в философии современного европейского традиционализма // Диалог со временем : Альманах интеллектуальной истории. Вып. 6. М., 2001. С. 275.
- ³ Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб., 2004. С. 108.
- ⁴ См.: Копьев А.Н. Политическая мифология. М., 2007. С. 15–19.
- ⁵ Лоуэнталь Д. Указ. соч. С. 130–137.
- ⁶ Ницше В. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Собр. соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 122.
- ⁷ См.: Лоуэнталь Д. Указ. соч. С. 135.
- ⁸ См.: Наумов С. Ю., Журавлев П. В., Шеховцев А. Ю., Федорова А. В. Риски в коммуникативном пространстве социума. Саратов, 2004. С. 76.
- ⁹ См.: Олейник А. Институциональная экономика : норма как базовый элемент институтов // Вопр. экономики. 1999, № 2. С. 130–137.
- ¹⁰ См.: Шацкий Е. Указ. соч. С. 280.
- ¹¹ Там же. С. 293.
- ¹² Эйзенштадт С. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 100.